ЮРИЙ МЕЩЕРЯКОВ

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

25-летию ВЫВОДА СОВЕТСКОГО КОНТИНГЕНТА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Горячие точки. Документальная проза

Юрий Мещеряков

Панджшер навсегда (сборник)

«Центрполиграф»
2014

Мещеряков Ю.

Панджшер навсегда (сборник) / Ю. Мещеряков — «Центрполиграф», 2014 — (Горячие точки. Документальная проза)

Идет пятый год афганской кампании, период самых активных боевых действий. Второй мотострелковый батальон, вышедший из Термеза, перешел государственную границу и приступил к выполнению боевой задачи: подразделение должно взять под контроль Панджшерское ущелье…Юрий Мещеряков, кадровый офицер, создал глубокое, серьезное произведение, в котором попытался философски осмыслить тему войны и человека на ней, исследовать состояние души, переживающей тяжелейшие потрясения.Автор – человек одаренный и тонко чувствующий. Его язык ярок, описания зримы, а суждения выстраданны. Он говорит о войне прямо и жестко, книга, как и сама фронтовая жизнь, наполнена драматическими сценами, героизмом, гуманизмом и конечно же любовью…

© Мещеряков Ю., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Об авторе 6
Путешествие в тридесятое царство 8
Вторгаясь в чужие миры 29
Ущелье пяти львов 53
Никто не минует чистилища 82
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Юрий Мещеряков
Панджшер навсегда

© Мещеряков Ю., 2014
© ООО «Рт-СПб», 2014
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Об авторе

Поэт, прозаик, ветеран афганской войны, за участие в боевых действиях награжден орденом «Красная Звезда». Произведения неоднократно печатались в журналах «Губернский

стиль», «Литературный Тамбов», в газетах «Тамбовская жизнь», «Рассказ-газета», в различных литературных сборниках.

В своем творчестве автор много внимания уделяет патриотической тематике, продолжает традиции писателей-баталистов. Основная тема его произведений – тяжелый солдатский труд. Предлагаемый роман является главной вехой в творчестве автора, он создавался на протяжении семи лет. В настоящее время идет работа над очередной книгой, сборником военных повестей и рассказов.

Путешествие в тридесятое царство

Ночью был дождь. Легкий, весенний, он сделал воздух прозрачным, пропитал свежестью, отчего пустыня ожила, наполнилась рассветными запахами и, словно отвечая на ее призыв, уже пробились к свету самые первые побеги тюльпанов. Утро обещало быть теплым. Солнце краем диска чуть приподнялось над горизонтом, оно только просыпается, щурится первыми лучами, оглядывая просторы Сурхана, но пройдет час-другой, и азиатское светило станет беспощадным. Здесь это известно всем: и озабоченному тарантулу, что семенит сейчас лапками по склону бархана, и маленькому варану, замершему в ожидании добычи… Вот и человек надвинул армейскую панаму на самые брови, неспешно закатал рукава, чуть скользнув взглядом по тяжелым командирским часам… Пора…

Мерно перебирая траками, боевые машины второго мотострелкового батальона в это утро преодолевали многопролетный гудящий мост через Амударью. Чуть притормаживая правыми гусеницами, вгрызаясь во влажный покров пустыни, они оставляли позади себя шлейфы песка и пыли и, выполнив плавный поворот, мягко вкатывались на железную платформу. Строгие контуры боевых машин, матово-зеленый цвет брони, сдерживаемая мощь дизельных моторов словно заявляли о своей высокой готовности к бою. В таком случае сегодня им определенно везло, поскольку время принятия решений было уже пройдено и пакет с боевой задачей вскрыт.

Под мостом стремительно несла мутные воды своенравная река, которую кто-то беззлобно, почти по-детски назвал *речкой*. Здесь, на ее стремнине, пролегла неосязаемая государственная граница, и только на каждом из берегов вполне осязаемо тянулись по три ряда заграждений с разделяющими их контрольно-следовыми полосами. Окутанная гулом двигателей, горячим прозрачным дымом, армейская колонна через этот бурлящий Рубикон уходила в чужие пески и земли, в Афганистан. Она уходила на войну, становясь ее пушечным мясом, тем непременным расходным материалом, который при необходимости легко будет списан росчерком августейшего золотого пера.

Странная война шла пятый год, не зная перерыва и отдыха, перетекая из одной фазы в другую, так и не приближаясь ни на шаг к завершению. Великий и могучий Союз, его правительство, Политбюро – кто там еще? – кажется, не осознавали, что происходит на самом деле. А стотысячный контингент экспедиционных войск мучительно, вслепую доискивался до глубинного смысла происходящего, пытался открыть для себя заповедную страничку истины, но, увы, что позволено Юпитеру, не позволено быку, страничка с магическим символом не открывалась.

Что говорить о солдатах – они приняли присягу и на два года потеряли право определять свою судьбу, а знать права у них не было никогда. Офицеры в сочувственных оценках не нуждались, их право принимать решения дорого стоит, но и у них не было права знать. Вкусив властных амбиций, они не желали быть безропотными быками, да и агнцами божьими тоже, и воспринимали свой поход на Восток не иначе как миссию, однако вопрос оставался без ответа: кто же они здесь? Почему эта дикая страна не признает их гуманизма, почему каждый второй афганец готов перерезать им горло, выстрелить в спину?

Были, конечно, и другие люди, современные, не признававшие старый порядок вещей. Им казалось, что шурави несли с собой не зло, а ветер перемен, надежду. Сквозь религиозную окостенелость они пытались увидеть завтрашний день своего народа.

Война – дело молодых, так уж повелось, и молодые советские офицеры, гордость нации, достойно приняли свой жребий. Воспитанные на героических примерах отцов и дедов, на интернациональных идеях, они не страшились ничего. Даже погибнуть в бою с честью и славой? Взойти на самый высокий пьедестал? Да и эта маленькая жизнь обретет смысл, а не

истлеет, как зола… Может быть, кого-то и заносило в отважных помыслах, но ведь они были так молоды… Перед ними не стоял вопрос карьеры. Надежные дубовые ступени карьерной лестницы сами искали начищенные до антрацитового блеска хромовые лейтенантские сапоги. Как поскрипывала новая кожа, какой она источала запах! Это был сладкий запах неизведанной службы, но он был только приложением к другому, такому же сладкому, запаху оружейной смазки, который несли с собой новые Калашниковы.

Им внушали, но они и сами внушали себе, что воюют только с бандитами, с душманами. Все это так, но… с каждым месяцем пребывания в Афганистане, медленно погружаясь в иную цивилизацию, переступая через юношеский романтизм, они неизбежно наталкивались на единственный и окончательный вывод, как на приговор. Против них сражается дремучая и оттого безнадежная патриархальность, полуграмотный афганский народ, и все происходящее здесь называется такими знакомыми, такими страшными словами – гражданская война, они же сами – интервенты, иностранные оккупационные войска. И никакая газетная трескотня не могла изменить это ощущение…

Возможно, в этом было всего лишь приближение к открытию. Возможно, что и те, кто отдавали приказы, вершили судьбы тысяч людей, тоже приближались к своему открытию, пытаясь ответить на неразрешимые вопросы. Почему вот уже пятый год нет ни победы, ни чувства удовлетворения, к чему может привести затяжная война и перед кем придется склонять благородные седины, когда придет время отвечать и платить?..

И вот еще один укомплектованный по полному штату батальон, сорок две единицы новеньких БМП-2, и четыре сотни офицеров и солдат готовы к длительной командировке. Это официальное название, если угодно, камуфляж, за которым, как за темными стеклами очков, скрывали и глаза, и правду. Офицерам, солдатам выбора не оставляли и даже перед отправкой не сообщали, что за кордоном их ожидает настоящая война и не каждый из них вернется. По всей видимости, очень высокие руководители не считали нужным называть вещи своими именами. Или боялись? Ну уж нет. Однажды взойдя в Кремлевские палаты, поздно испытывать страх. Данный вояж в коридорах власти расценивался как чисто техническая операция и размышлений такого рода не вызывал, а люди всегда умели умирать за идею, их учили этому со школьного возраста. Так чья же теперь очередь?

* * *

За последние дни Ремизов устал как черт, осунулся, стал раздражительным. По его сухому лицу раз за разом пробегали штрихи первых морщин, от переносицы они поднимались к высокому лбу, замирали в напряжении в уголках больших карих глаз. Резче выделялся шрам на правом виске, след прошлогодних тактических учений. В узкую выразительную полосу сжимались обветренные губы. Конечно, подготовка к длительной командировке требовала много времени и сил, но этот новый, неумело организованный ритм службы выбивал из колеи. По большому счету молодые офицеры, и он в их числе, полные энергии и максимализма, легко смотрели на водовороты жизни, на предстоящее путешествие, быстрей бы уж туда, за речку. Их не одолевала коррозия сомнений, они по-настоящему верили, что им все по плечу, что русский солдат лучший в мире, а наша тактика и оружие самые передовые. Разве нет? Осталось только правильно применить весь этот славный набор козырей.

Больше других нервничали те, кто не должен был пересекать границу. Они, то есть командир полка, начальники служб обеспечения, другие управленцы, не имели ни минуты покоя, у них своя задача – в сжатые сроки спихнуть со своих плеч эти три батальона, о которых так печется Москва, вычеркнуть их из всех списков, снять со всех учетов. И при этом не помешало бы списать на убывающих как можно больше то ли утерянного, то ли разворованного имущества. Волна суеты и ажиотажа когда-нибудь схлынет, вот тогда они наконец вздохнут

свободно и с полным на то правом вволю напьются узбекской водки за свою крупную организационно-штатную победу.

Перед офицерами и солдатами мотострелковых батальонов открывалась совсем другая перспектива. С ними уже третью неделю, согласно утвержденному плану, методично и массированно проводили тактические занятия с переходом в тактические учения. Старый взводный Хоффман здесь бы уточнил: издевались, а с ним, со старым взводным, не поспоришь, все соглашались, и не только солдаты, но и ротные командиры. А что до лейтенантов, то это слово казалось им созвучным другому, иноземному, известному на Руси с древних времен, не то петровских, не то павловских, а именно – муштра. Вот так и думал Ремизов о выпавшей им предкомандировочной подготовке. Вокруг, до горизонта, пустыня, то есть полигон, и слава богу, что в марте воздух здесь разогревается только к полудню. Оттачивайте, парни, слаженность подразделений, все в ваших руках, но потом ни слова о том, что вами не занимались. Занимались, еще как! Развертывание в боевой порядок на бронетехнике, атака передней траншеи противника, десант из машин на ходу, стрельба в полный рост и с колена, как будто батальон готовили к европейским равнинам. Полевая форма на спине и под мышками не просыхала от пота, а когда и просыхала, покрывалась белыми соляными разводами… И все бы ничего, такая она, солдатская работа, кто на что учился, как говорил старый взводный Хоффман, но ведь за речкой, куда их направляли, снеговыми пиками из недр земли вырастали горы. Командование на это обстоятельство внимания не обращало и продолжало добросовестно отрабатывать галочки, согласно все тому же утвержденному плану.

Юное племя лейтенантов бунтовало и, как только солнце уходило за горизонт, отправлялось в Термез, домой, к своим таким же юным женам, саботируя усиленные ночные дежурства. Командир полка их не слышал и раз за разом заученно повторял что-то про ответственность и долг, упорно замалчивая, как и чем именно они будут его отдавать. Ему нравилось слово «долг», словно он был главным или единственным кредитором в полку, а все остальные – его должники. Все дело заключалось в цене. Каждый понимал ее по-своему, но то, что эти последние дни в Союзе, дома, никто не может у них украсть, понимали все. Мишка Марков так вообще один день прогулял, сказался больным, благо, что новый ротный Мамонтов смотрел на подобные вещи снисходительно, а если получал «рапорт в стеклянной таре», то и одобрял. Это свободное племя безапелляционно считало протест нормальной формой жизни, да и сколько им осталось-то этой жизни…

Ремизов злился. Чтобы увидеться с женой, испытывавшей от предстоящей разлуки приступы то любви, то полной растерянности, он должен был поздно вечером пройти пешком, если не подворачивалась попутка, семнадцать километров до города по песчанику и шоссе, а утром мчаться на такси обратно на полигон. Пять-шесть часов ночью вместе, и снова целый день под азиатским солнцем и под прессом агонизирующего командования. Какого черта они нервничают, как будто это их задницы будут жариться на раскаленных сковородках? Жариться будут другие, но лейтенантам с полковниками не тягаться и не объяснить своей окопной правды, хотя по всему видно, доставалось и командованию, на каждого полковника всегда найдется свой генерал, ну а там и до членов ЦК недалеко. Все это не беспокоило молодого лейтенанта, который и не осознавал, что уже вступил в Большую Историю.

За полгода службы в этом «образцовом» гвардейском полку он так и не успел встать на ноги, понять свое гордое офицерское предназначение, а вот потерять налет наивности успел. Его выводы могут показаться прямолинейными, но одно отмывание полкового плаца со щетками и мылом чего стоило его самолюбию! Раньше он думал, что это только армейские басни, когда же все оказалось правдой, испытал настоящий шок. Гражданские люди, проходя по центральной улице Термеза мимо расположения полка, останавливались у красивой литой ограды и с интересом смотрели, что делают солдаты посреди плаца, а Ремизов, пунцовый от стыда, прятался от их взглядов в тени деревьев. Домой день за днем он добирался ближе к полуночи,

служба умела высасывать соки, но он бы выдержал все, если бы почувствовал результаты своего труда. Серая-серая полоса дней. Душно. Зачем он это делает, ради чего служит? Ушел бы, наверное, если б знал куда и если б еще отпустили. Присяга стала как будто приговором к каторжным работам, а для офицера, что для рекрута из XVIII века, – на долгих двадцать пять лет. Когда он это понял, предстоящий вояж в Афганистан стал воспринимать как прорыв, как путешествие в другой мир, печали уступали место надеждам, в двадцать один год на многие вещи смотреть было легко.

Оставалось только пережить две недели на полигоне – и вперед! Но вдруг в его отчаянные, пристрастные размышления вонзилась одна большая заноза. Пока Ремизов совершал ночные марш-броски домой и обратно, в их роте буйным цветом зацвела дедовщина. Укол совести пронзил его так, что он чуть не задохнулся: *«Слабак, а как же твой командирский долг?»* – при всей нелюбви к своей службе лейтенант воспринимал дедовщину как личное оскорбление, как идейного врага. Она – явление, бороться с ней в одиночку и от случая к случаю нельзя и невозможно. Одни, крепкие, дерзкие, уже послужившие, хотят жить за счет других, молодых и слабых. Эти другие, впервые столкнувшись с настоящими тяготами военной службы, не умеют за себя постоять. И что прикажете делать с овцами, когда у волков уже выросли клыки? Каждый офицер на такие вопросы отвечает сам, и однажды осенью ему тоже пришлось ответить. Старослужащие, два отъявленных подлеца, издевавшиеся по ночам над молодым пополнением, вывели взводного из себя, разбудили дремавшую в нем брутальную натуру. Ремизов, наивный миротворец с румянцем на щеках, побил их самым заурядным образом, и баланс противоречий на время уравнялся. Он знал, что командир так поступать не должен. Но надо совершать поступки! Пока армейские наставления степенно и надменно молчат. Даже если они молчат. Родился бы в Дании, может, и Гамлетом стал бы, а здесь неуместно и почти беспомощно он сочувствовал молодым солдатам, хотел воспитать в них сплоченность, чувство локтя, и эта сентиментальность его угнетала, точила изнутри, как червь.

Под порывы декабрьского ветра-афганца, бьющего в окна крупинками песка, они сидели вдвоем в полуночной ротной канцелярии, обычным русским способом снимали накопившийся за неделю стресс, а заодно вырабатывали новую армейскую философию.

– Артем, Рем, не мучайся. Смотри на вещи проще! – После стакана водки лицо у Толика Рыбакина, взводного из шестой роты, покраснело, подобрело, и он, чувствуя себя в роли наставника, пытался втолковать свою идею непутевому ученику. – Не строй из себя кисейную барышню, мы не в институте благородных девиц.

– Толик, понимаешь, расстроился я. Сильно расстроился. Говоришь по-человечески – не доходит, в морду заедешь – все на свои места становится. Гадко мне от этого, вечером домой придешь – ощущение, что весь день в грязи возился. Опустошение внутри, а тут тебе устав, какой к черту устав, – только теперь Ремизов постигал значение избитой, фатальной фразы «забудьте, чему вас учили в училище». Этика, психология, педагогика, рассчитанные на добросовестных солдат-комсомольцев, оказались ничем перед унизительной, а иногда и жестокой дедовщиной. Правила избирательны, мудрость всеобъемлюща.

– А какой выход, ты что-то новое можешь придумать? Культ грубой силы, кстати, не только физической – вот и весь выход, как это ни банально. Любая власть держится на силе, проверено, сам знаешь, и ее нужно показать, продемонстрировать. Понимаешь, не кичиться ею, а вовремя и точечно использовать в интересах дела. Точечно, хирургически, вот в чем суть. В этом есть и тактика, и стратегия власти, контроля над ситуацией.

– Я говорю не о власти.

– Чем это она тебя обидела? Это же рычаги управления!

– Не слишком эффективные, иначе эта дрянь не чувствовала бы безнаказанность. Они издеваются над молодыми, а что я могу им противопоставить? Лишить увольнения, наряд вне

очереди объявить, да? Напугал, конечно! – Ремизов расслабился от водки, и накопившаяся обида нашла себе выход.

– Твоя принципиальность прёт аж через край, ты видишь только черное и белое, а мир-то весь в полутонах. Ну вот мы же с тобой понимаем друг друга, хотя я не во всем с тобой согласен. А насчет власти не скажи, это та волшебная палочка, которая с течением времени становится маршальским жезлом, есть власть – есть и командир, нет ее – и ты – тряпка, о которую вытирают ноги. И ты правильно поступил, эти твои два дембеля, Хасанов и Курдюмов, давно напрашивались. Будь проще, не усложняй, я в своем взводе только так порядок и навел. И ты неплохо разобрался. А значит, метод действует. В итоге надо быть просто справедливым по отношению к другим и честным по отношению к себе.

– Но есть же и другой путь, по этим ублюдкам давно дисбат плачет. Уж я бы их засадил на всю катушку.

– Ага, плачет. Ты погоди насчет дисбата, не горячись. Не все так просто. Всех не пересажать – никаких дисбатов не хватит. Посмотри, что вокруг творится. После обеда полк по тревоге не соберешь, а, между прочим, это и есть самая главная военная тайна.

– Вот если бы лобное место посреди плаца установить и показательную порку розгами устраивать вместо вечерней поверки! Как думаешь, за два вечера навели бы порядок? Да и на одну тайну меньше бы стало.

– Ох, и мечтатель же ты, Рем. Но есть и другие методы. Римляне говорили, разделяй и властвуй, а потом добавляли – кнутом и пряником. Улавливаешь?

– Еще бы нет, и я сейчас о том же.

– Не совсем, это другое. Учись, пока я жив. Если в человеке заложена воля, если он по своей природе лидер, ему надо дать шанс, более того, это верный способ избежать лишних противоречий. Дух победителя закладывается в детстве, а то и с рождения, такого парня надо двигать в сержанты либо постоянно ставить старшим на работах, поощрять, пусть реализует себя. Следишь за мыслью?

– Согласен, резон есть.

– Ну так они ж себя через дедовщину проявляют, их натура сквозь шкуру лезет, ей простор для действия нужен. Масштаб.

– Толик, что-то я не очень тебя понимаю. Некий мистер Икс имеет волю плюс криминальные наклонности, благодаря чему терроризирует окружающих, а ты его предлагаешь канонизировать сержантом, чтобы он развернулся по-настоящему?

– Не усложняй. – Толик навалился грудью на стол и с раздражением продолжил: – Мы с тобой, вот ты и я, поставлены в рамки, в очень узкие рамки, мы не выбираем себе солдат, и к нам не присылают воспитанных интеллигентов. Что страна нарожала восемнадцать лет назад, то и изволь принять. При этом всех толковых себе забирает разведка, связь, Морфлот, артиллеристы, пограничники, а нам с тобой-то что осталось. Доходит, нет? Что ты такой твердолобый?

– Да не заводись ты. Я же о другом.

– О каком другом? Как раз об этом. Как управлять этой толпой, если не сказать хуже. Он вчера маменькиным сыночком был, иголку в руках держать не умеет, ботинки сам никогда не мыл, и ты хочешь, чтобы такого мой взвод обласкал, – воскликнул Рыбакин. – Вот именно, *обласкает.*

Он успокоился после своей тирады и, чиркнув спичкой, медленно закурил сигарету.

– Идеалист ты, Рем. Конечно, наивность свидетельствует о чистоте души, но, согласись, иногда она – просто глупость.

– Брось, все не так. Во всем должен быть порядок. Это мое кредо. А шпану я с детства не люблю.

– Это не шпана, это наши солдаты. – Рыбакин усмехнулся, выпуская в потолок струйку дыма. – Так ведь я не закончил. Вот из всей этой массы надо выбирать себе приближенных, свою гвардию, оказывать доверие, ну и, конечно, прощать им какие-то маленькие слабости.

– Мог бы не продолжать, все я понял.

– А по поводу дисбата… Вот что, давай пшеничную добьем, а потом я тебе расскажу, кто на этой кухне поваром подрабатывает…

Этот разговор состоялся еще зимой, и вот теперь он сам собой всплыл в памяти. Хасанов и Курдюмов присмирели-таки и благополучно уволились в декабре, под Новый год, почти под бой курантов, и надо же, трех месяцев не прошло, как все началось заново. Только что укомплектованная по полному штату, собранная со всего Туркестанского округа рота, как и весь батальон, сама устанавливала свою новую внутреннюю структуру, делила влияние, определяла своих авторитетов. И делалось это доисторическим, проверенным способом – кто сильнее, тот и прав. А в это время доблестный командир третьего взвода пятой роты гвардии лейтенант Ремизов нежился в мягкой постели с молодой женой. Какой позор. Ему и вправду стало пакостно, он чувствовал себя виновным сразу по всем статьям Уголовного кодекса. И вот эти самые солдаты и сержанты, имеющие образцовые характеристики с прежних мест службы, войдут в Афганистан для поддержания демократической государственной власти. Они будут оказывать братскую помощь. *Артем, не терзайся, не угнетай себя, до истины, как до воды в знойной пустыне, – не докопаешься… Ладно, у меня будет двадцать четыре часа каждые сутки, чтобы навести порядок.* С этой мыслью он и направился к своим людям.

* * *

Колонна, перевалив через мост и войдя в Хайратон, пограничный афганский город, остановилась. Предстоял пограничный и таможенный контроль. Пограничный – да, с обеих сторон границы несли службу советские зеленые фуражки, а вот насчет таможенного… Сегодня таможня дает добро, этот только что сформированный батальон ей не интересен. У афганцев же многое считалось редкостью или дорогим товаром, да хотя бы алюминиевая посуда или рулоны материи, электрические приборы. Здесь, за речкой, как говорил в Термезе сосед по коммуналке, знающий толк в валюте и в контрабанде, все в цене, но самым выгодным товаром оставалась русская водка. В те времена она продавалась по сорок чеков внешпосылторга (считай – долларов) за бутылку, и тот, кто часто пересекал границу и понимал, о чем идет речь, делал на этом маленький бизнес. Люди в колонне не ценили своей материальной выгоды, все потому, что их завтрашний день обещал быть жарким и ветреным, а вот выгоды не обещал. Они крутили головами по сторонам, ощущая горьковатый привкус чужой земли, ее нахлынувшие запахи. Все вокруг было особенным, новым, перед их глазами простиралась не только другая страна, затерявшаяся в самом центре Азии, среди гор и пустынь, но и другая жизнь, и если быть точным – другая цивилизация, то самое тридесятое царство. Сейчас они переворачивали страницы своих судеб, не задумываясь, сколько их там еще. Если бы кто-то посторонний прислушался, то непременно уловил бы, как хрустко, как отчетливо шелестят эти страницы. Они все, солдаты и офицеры, навсегда, до конца дней своих запомнят это прохладное утро шестнадцатого марта 1984 года – начало своей войны забыть невозможно. Изредка порывом ветра по их лицам пробегала тревога, они оглядывались на оставшийся теперь уже за границей берег Амударьи, на одичавшее за зиму колесо обозрения в городском парке Термеза и надолго прощались с тем, что всегда называли своим домом и страной. Там осталась их Родина, их великая держава с великим именем – Советский Союз.

По обочине дороги, как по долгому караванному пути, неторопливо переставляя ноги и погоняя нагруженного хворостом ишака, шел одинокий путник. Первый встреченный афга-

нец – как мессия, как пророк. Он был стариком и совсем не походил на всех известных Ремизову таджиков, узбеков, туркмен. Согбенная спина, темное, изрезанное глубокими морщинами лицо с узкой седой бородой, на голове смотанный из грязной цветной ткани тюрбан, такой же грязный был стеганый чапан, подпоясанный кушаком, босые заскорузлые ноги имели цвет земли. Ремизов рассматривал старика, словно археологическую диковину, совсем скоро он привыкнет к подобным зрелищам, а также поймет, что в определении возраста нужно быть осторожнее, этот старик вполне мог быть немногим старше средних лет. Их глаза встретились. Открытый улыбающийся взгляд молодого русского офицера натолкнулся на такой же открытый, но полный вражды взгляд афганского старика. Много жил, много видел, много знает этот путник, однако, он совсем не философ. Сегодня на его земле чужестранцы, и в его сердце зло. Это правда. Но был Искандер, были персы, был Тамерлан, были англичане. Где они все, и что станет с этими? Иди в пустыню, постой среди песчаных волн, послушай, о чем столетиями поют барханы, и найдешь ответ. И окажется он удивительно знакомым: все пройдет. И это пройдет. Не оглядываясь, не меняя выражения лица, почтенный аксакал, как символ бессмертного времени, степенно прошел мимо колонны и по густой глинистой пыли направился в запутанные переулки Хайратона. Беззаботный ослик, мотая хвостом, семенил следом, ему было все равно, какие люди и чьи машины стоят на разбитой обочине этой страны.

Так и началась эта война.

Куда ведет дорога? А никуда она не ведет. Вокруг, до горизонта, бледно-желтые, нагретые под солнцем пески, над ними белое небо и в нем, как проклятье, жгучее и такое же белое солнце. Барханы, барханы, дюны, горячий низовой ветер несет по ним комки верблюжьей колючки, сдувает с гребней струйки песка, заметает любые следы. Возникло впечатление, словно и серая нитка дороги растворяется где-то там, впереди, среди миражей и песчаной пыли. Колонна шла хорошо, быстро, в эфире изредка шли вялые переговоры, комбат Усачев или его начальник связи Мамаев запрашивали тыловое замыкание, все ли в порядке, держат ли дистанцию, ну и все, что положено соблюдать на марше. Навстречу не попадалось ни одной машины, как будто их бронированная змея получила зеленую улицу. Суть заключалась в другом. Комендантский час на трассе прекращается в восемь часов утра, и все афганские и наши армейские колонны до этого времени томятся в безопасных отстойниках в районе Ташкургана, Пули Хумри, Саланга, а оттуда до Хайратона неблизкий путь. И всем нужен именно Хайратон, крупнейшая перевалочная база, крупнейший терминал, где ежедневно швартуются баржи с продовольствием и стройматериалами, где на платформах и путях пятикилометровой железной дороги разгружаются составы, где идет перекачка дизельного топлива и керосина. И все из Союза. Войска тоже шли из Союза.

После полудня на перекрестке разминулись с дорогой на Мазари-Шариф. Оставив справа, где-то за барханами, мусульманские святыни, не сбавляя оборотов, боевые машины рвались навстречу пустынным просторам и близким отрогам Гиндукуша, их траки пролистывали километры асфальта, потоки воздуха остужали гудящую броню и лица солдат, изредка выглядывающих из десантных люков. Запах дизельных выхлопов щекотал ноздри, мерное покачивание на амортизаторах убаюкивало, они дремали, и в их ярких молодых снах совсем не осталось места войне. «…Командиры приказывают, командиры все знают… говорят, что в этой стране все по-другому, нет электричества, радио, а женщины ходят в паранджах… вот приеду домой, расскажу, подарки привезу…»

На закате колонна остановилась в Ташкургане. Рассмотреть этот то ли крупный кишлак, то ли город не удалось. В марте темнеет рано, да и любопытство к вечеру поугасло, сказывалось напряжение дороги, оно продолжало ныть во всем теле, и люди, уставшие от гула, вибрации, от бьющего в лицо ветра, блаженно сидели на твердой прохладной земле. Самым бодрым казался Рыбакин, плюс солидное прозвище «полковник» обязывало его время от времени проявлять инициативу. За ним дело не встало.

– Мужики, слушай меня, сначала дастархан организуем, вот тогда и расслабимся.

Повторного приглашения не потребовалось. Отправив роты со старшинами поближе к походной кухне, лейтенанты устроились вокруг походного стола, состоявшего на тот момент из двух плащпалаток, заставленных в течение пяти минут водкой, мясом, овощами, домашними салатами и пирожками. Эпохальный день заканчивался. Они хотели побыть вместе, как будто заново найти свое место в общем строю.

– Ну что, все в сборе, – замполит шестой роты Николай Черкасов, а по причине чуть раскосых глаз в обиходе Черкес, взял бразды правления в свои руки, и теперь это застолье стало называться мероприятием. – Я тут единственный политработник, поэтому первый тост за мной. Мужики, давайте выпьем за нашу любимую, за нашу великую Родину. Раньше мы говорили о ней только на собраниях, в официальной обстановке и не задумывались, что она такое для каждого из нас. Теперь же она не только за горизонтом, но и за кордоном. И от этого стала только дороже. Давайте выпьем за нашу великую державу, за Советский Союз!

У Черкасова иногда прорывалось масштабное видение мира, правда, с партийно-политическим уклоном, но к этому пафосу его приятели давно привыкли, а нынешний торжественный тост оказался как никогда к месту. Все они – офицеры, служат народу и государству и присягу принимали по убеждению. Выпили дружно, залпом. После долгой нудной дороги, пробившейся сквозь пустыню, после того как дом стал дальше, чем край света, водка показалась лечебным бальзамом, а Рыбакину так и вообще тонизирующим напитком, адаптировался в новой ситуации он лучше других и на удивление легко.

– Ну, Черкес, ты выдал, молоток!

– А пошел бы ты…

– Замполит, кончай заливать, а то ты еще и про интернациональный долг ввернешь, чтоб его… Оставь для политзанятий, будь ближе к людям! – Взводный из той же шестой роты Сергей Москаленко не хотел оттаивать, не особенно любил шутить и выглядел сейчас утомленным. После недолгой паузы он разлил всем по второй и добавил: – Мужики, а я другое скажу. Страна, она большая, а родина маленькая. Нас здесь девять человек, все свои, и дай нам Бог через два года где-нибудь в березовой рощице вот так же собраться и посидеть.

– Ну и надеремся же мы тогда!

Легкомысленно и бодро Ремизов опрокинул кружку, между тем в его мыслях, как на сигнальном табло, четко отпечаталась краткая и емкая фраза: *никогда мы не соберемся вместе, не бывает так*. Там, в глубине сознания, на мгновенье стало холодно, повеяло тоской и одиночеством, а новые глотки алкоголя только придавали ясности совершенно новым, неожиданным и совершенно трезвым мыслям.

Москаленко тем временем что-то настойчиво доказывал своим соседям по застолью, в его голосе с мягким донецким акцентом чувствовалось раздражение от пережитой беспомощности, с которой он никак не мог смириться.

– Миша, ты пойми, я в рапорте четко указал, почему не могу ехать в Афган. У меня мать старая, ребенку только год исполнился, и не нужен мне этот повышенный оклад. Охотников до приключений полно, а мне не надо приключений. Командир полка, когда я ему это сказал, ногами начал топать: приказ, приказ! Надо выполнять! Я ему про присягу, там четко сказано: «…защищать Родину», а про экспедиции в жаркие страны ни слова не написано. Короче, я пошел в полный отказ, ну и кое-что про его задницу вставил, когда он в кресле развалился. Его, конечно, взбесило, ну он и давай кропать в прокуратуру. А там уж без эмоций, прокурор – человек спокойный, выдержанный – говорит так мягко: «Ну что, батенька, дело возбуждать будем? Вот кодекс, читайте внимательно. Ага, прочитали, теперь ваше решение. Ну-с?» Вышел я из его кабинета как опутанный силками.

Москаленко замолчал. Он был единственный в этой компании, кто четко знал, чего не хочет. Он не хотел идти на эту войну, она же не оставляла ему никакого выбора…

– Серега, не стоило и пытаться. Кого надо, тех отмазали без шума и пыли. У Давыдова из третьего батальона отец – замдиректора на мебельной фабрике в Ташкенте, подогнал кому надо спальный гарнитур. Где теперь Давыдов? Правильно, в другом полку, его батальон через два дня следом за нами пойдет, но уже без него.

Миша Марков, добрейшей души человек, эти слова в его воображении должны были смирять и утешать, но все зависит от того, кто и как их услышит. Черкасов был более категоричен:

– Серега, и что теперь? Все уже состоялось. И потом, ты же здесь не один. На нас посмотри. Мы все – рабоче-крестьянские дети. Что кому на роду написано, тот того и хлебнет. Это произошло, и это надо принять, как есть. Этим надо гордиться. Мы же настоящие офицеры, а не паркетные.

Разговор мало-помалу перешел на эту стороны границы, и оказалось, что, по существу, никто из лейтенантов ничего не знал о происходящем. Отрывки, эпизоды, фрагменты – вот, собственно, и все. Глухое молчание окружало эту войну. В прессе изредка встречались сухие сообщения об успешных операциях, проведенных афганской армией при поддержке наших войск. Из армейских кругов вообще никакой информации не поступало. Оставался единственный достоверный источник – рассказы тех, кто оттуда вернулся. Но эти люди ничего не хотели рассказывать даже своим близким, даже друзьям – да, был, да, видел – и все. Только второй стакан развязывал им язык, когда не совсем четкая речь, наполненная горечью и болью, начинала течь прямо из сердца. Понять в их словах что-то определенное не было никакой возможности, кроме одного – где-то там, за речкой, есть эпицентр многовекового зла, ломающий и калечащий человеческие жизни и судьбы. Наверное, они и сами не знали, что с ними произошло.

Два приятеля, один умеренный скептик, другой – такой же умеренный оптимист, Костя Хоффман и Ренат Козловский, прослужившие в армии офицерами больше других, то есть по полтора года, наслушались пересказов чужих историй и решили сменить тягостную тему на более приятную. Ренат со своей неизменно обворожительной восточной улыбкой неожиданно произнес:

– Мужики, а какие пирожки испекла моя Гала, ну хоть бы кто заметил. Потрескали все, а где благодарность? Э-э, лучше подумайте, когда в следующий раз вы будете кушать домашние пирожки. Разумеется, у меня есть тост, давайте выпьем за наших любимых женщин.

– И за не наших, и за нелюбимых тоже, пусть будут, – уточнил Костя. Затем, оттопырив мизинец, аккуратно выдохнул и, хрустнув огурцом, рассудительно продолжил: – Вот так-то, господа военные, попрощаемся с дамами на неопределенное время. Нашего брата здесь, надо полагать, как песка в пустыне, а как дела обстоят со слабым полом? Вопрос. Так что еще посмотрим, каков здесь этот самый ограниченный контингент.

– Конечно, посмотрим, – продолжал Козловский. – Только не надо столько обид и страданий по поводу нашей командировки, э-э, я бы назвал эти эмоции преждевременными. Сидели бы сейчас по своим казармам среди запаха гуталина и портянок, ждали бы, когда закончится очередное архиважное совещание у командира полка. Товарищи офицеры, мы вырвались из болота! Уже в этом есть неоспоримый плюс, цените то, что есть, а моя Гала еще пирожков напечет, когда мы вернемся.

– Насчет того, что мы вырвались из болота, я согласен на сто процентов, – вставил Ремизов.

Он не врал. Слишком долго берегли его и спасали любовь, семья, маленькая комната в коммунальной квартире, ставшая домом, в который он возвращался после службы. Но, кажется, у всего есть предел. Когда на прошлой неделе перед строем батальона командир полка, брызнув слюной и воинственно вскинув руку, в очередной раз воззвал к их интернациональным чувствам… Ремизов понял, как страшно устал, что служить здесь больше не может.

– И почему все должно быть плохо? Откуда такой пессимизм? Поживем – увидим.

– Это же классное путешествие – пошататься по другим странам, на мир посмотреть. Бесплатно! – восторженно заявил уже Черкасов. – Ренат, наливай, в этом месте надо поставить акцент.

– Путешествие бесплатное, а вот деньжат, кстати, подзаработать можно.

– Узнаю Козловского, – хмыкнул Хоффман, – с дохлого барана хоть шерсти клок.

В мужской компании, а тем более в армейской, разговор редко поднимается до кругов высоких материй. Так что в итоге обошлись без смысла жизни и подобных эфирных понятий, остался без особого внимания и легкомысленный женский вопрос, поскольку первым делом самолеты… О том и толковали, но в конце разговора сошлись на том, что нечего размазывать сопли, офицер – это высокое звание, заодно вспомнили и старую русскую поговорку «Бог не выдаст – свинья не съест». За весь ужин не проронил ни слова, отмолчался, только Антон Фоменко, по-свойски Фома. Он больше других переживал разлуку с домом, с молодой женой, а эта сторона жизни казалась ему непомерной тяжестью, во всяком случае, никто так и не увидел улыбки на его лице.

* * *

Любовь – страшная сила. Ремизов читал об этом, смеялся, не мог представить, что беззащитное, воздушное чувство способно быть и молнией, и вулканом. Испытать же этот разрушительный вулкан самому или, что еще хуже, испытать на себе ему не пришлось – сама его жизнь была только в начале.

– И тебя достанет. Все случится, как раз, когда не ждешь. Так что, будь готов к любым испытаниям. Будь всегда готов, – наставлял старый взводный Хоффман.

– Какой смешной этот твой приятель, – говорила на это жена Ремизова Ирина, – как будто он ну все-все на свете знает.

– Все – не все, а вот его жена взяла да и уехала от него. Так и сказала: «Умный ты очень. Трудно с тобой».

– Еще вернется. Таких, как он, не бросают.

– Это каких – таких? Что ты имеешь в виду? – Ремизов поднял вверх брови. – Ты Костю знаешь?

– Мы же в одном дворе живем. Он умный, а значит, рассудительный, обстоятельный. Значит, не совершает необдуманных поступков. – Она внимательно и даже критически посмотрела на своего мужа. – Не волнуйся, ты тоже умный.

– Ну спасибо. Получается, если следовать Грибоедову, что и меня тоже ждет фиаско, то есть горе после ума.

– Вот болтун. Любишь ты все обобщать.

– Я? Обобщать? Помнишь свои первые слова, когда ты прилетела в Термез?

– Разве можно все помнить? – Эти-то слова, сказанные у трапа самолета, она как раз помнила, потому что почти сразу пожалела, что вообще их произнесла.

– Да-а? – Ироничная улыбка блуждала по его губам. – Я напомню. Разве не ты сказала: *я тебя почти забыла?.* Да я в шоке был от этих слов. И это жена офицера, месяц в разлуке, и все – забыла. Если бы я обобщал, у тебя не было бы шансов.

– Ты все придумал. Не могла я так сказать. Сочиняешь тут всякие сказки.

Хотелось праздника. а с новым годом ничего не выходило. И ремизову, и Маркову, и рыбакину, и Фоменко, поскольку они были молодыми не только в прямом, но и в переносном смысле, в самую главную ночь в году предстояло дежурить. Одни до полуночи, другие – после. надо учесть, что от казармы батальона до гарнизонного городка идти сорок минут быстрым шагом, а это значит, что при любом раскладе никто из них не мог оказаться за праздничным столом в ноль часов, ноль минут нового года. Им, военным, конечно, не привыкать, но как быть

с девчонками? Они, совсем юные, беспомощные, как комнатные цветы, выросшие и воспитанные среди своих обустроенных городов, только-только начали понимать, из чего складывается настоящая жизнь, и практически ничего не знали о службе своих мужей. а жизнь – это все-таки борьба, и если не за выживание, то уж за место под солнцем точно. Они оставались без праздника.

– артем, я придумал, – Марков забыл произнести заветное «Эврика!», а в остальном он был очень убедителен и даже восторжен, – давай соберемся в субботу перед новым годом у меня. ну и отметим! Какая разница, какого числа?

– Поддерживаю! важен не сам праздник, а праздник в душе.

– Я рыбакиных приглашу. Фому – нет. Они с валей скучные какие-то. друг на друга смотрят, насмотреться не могут. Им с нами будет неинтересно.

– У них l′amoure.

– Понимаю, что я, совсем дремучий, что ли? но только это – эгоизм в чистом виде. Они живут друг для друга, окружающие для них – пустое место.

– а для того чтобы поддержать компанию, нужен особый талант.

– вот как у нас с тобой, – и они дружно рассмеялись.

Чета рыбакиных на вечеринку не пришла. Толик заменил в карауле заболевшего Москаленко, а его фронтовая подруга, оставшись одна, нашла повод отказаться. Может, и правда у нее голова заболела?

– Ну что вы придираетесь к человеку? Мигрень у нее. – Ирина пыталась сгладить возникшую неловкость.

– Ага, в двадцать лет уже мигрень. – Лена Маркова, как хозяйка, обиделась для приличия, но и без этого она не собиралась так легко соглашаться с внезапными болячками своей товарки.

– Это в любом возрасте может случиться.

– Когда в такую классную компанию приглашают, не может, – поддержал Марков жену, – если только она не крутит шашни с армянами. Видели ее пару раз у часовщиков.

– Миша, так нельзя, это же сплетни. И потом, она – сама часовщик, профессиональный интерес. Она, наверное, на работу хочет устроиться.

– Конечно, профессиональный! – съязвил Марков на последнем слове.

– А по-моему, у Рыбакиных все в порядке. Они хорошо выглядят вместе, всегда улыбаются. Особенно Толик.

– Да, «полковник» – мастак производить хорошее впечатление.

– Может быть, у них любовь такая. Пламенная. Им постоянный стресс нужен.

– Ну вы, Ремизовы, даете!

Всем стало легко и весело. Выпили по одной, по другой рюмашке, что бог послал. Офицерам бог обычно посылает водку, женская часть потребовала себе токайского. Потом вчетвером водили хоровод вокруг праздничного стола, на котором стояла и маленькая елка. Ирина по причине стройной фигуры стала Снегурочкой, Марковы от себя выставили Деда Мороза. Мир в этой комнате был неестественно нормальным, душевным, в нем не осталось нерешенных проблем, а все страхи отодвинулись в далекое, в неопределенное завтра.

У Марковых в семье все выглядело основательным, надежным, они удивительно соответствовали, подходили друг другу, дополняли себя и духовно, и в каком-то смысле материально, в общем, они были именно единым целым.

– Мать, подавай десерт! – Марков под хмельком по-хозяйски вальяжно отдавал распоряжения, предвкушая, как он будет потчевать гостей тортом «Наполеон», по части которого его вторая половина являлась крупным специалистом, как он считал.

– Да, Мишенька, уже бегу, командир мой ненаглядный, зайчик мой солнечный! – Так называемая «мать» и не думала двигаться с места, заглядывала мужу за сползшие на нос очки. – Два моих солнечных зайчика, – и она звонко рассмеялась.

– Мать, ты того, ты что, надо мной смеешься, что ли?

– Это потому что я тебя очень сильно люблю.

Марков слегка оторопел от неожиданного признания, стал маслянистым и пластилиновым, а если на боксерском сленге, то *поплыл.*

– Ну, Марковы, вы тоже даете, вот это чувства!

– А вы думали! Аленушка, котеночек мой, станцуй им танго. Ты же настоящая Айседора Дункан.

– Миш, танго вдвоем танцуют.

– И Есенин, кроме русского вприсядку, ничего не умел. И очки не носил, – ернически добавил Ремизов.

– Зато какая любовь у них была!

– И чем все это закончилось?

– Чем-чем, вот Есенин следом за своей любовью в Америку и уехал. Тогда с выездом проблем не существовало. Не боялись, что сбежит, а сейчас боятся. Вдруг кто правду рассказывать станет про то, как мы живем?

– А что, разве мы плохо живем? Вот мы с Ириной – очень хорошо.

– И мы хорошо. Лучше всех! – Мишка обхватил свою пухленькую жену и с наслаждением, сочно начал ее целовать. У них это получалось очень вкусно. Ремизовым тоже захотелось, пример оказался заразительным.

– Марковы, а не найдется ли свободной комнаты в вашем бунгало?

– В нашем бунгало, то есть шалаше, место для влюбленных есть всегда. Можете располагаться на соседнем диване.

– А что вы будете делать? – Лена загадочно и томно улыбнулась, как бы размышляя, стоит ли предоставлять этой парочке диван.

– Как что? Заниматься любовью.

– Правда? Как интересно!

– Артем, ну ты что говоришь такое? – Его половина, удивленная таким нахальством, густо покраснела. – Бесстыдник. Уйди, противный.

– О-о. Это самые замечательные слова о любви.

– Миша, у Ремизовых томление страсти.

– Марковы, вы все перепутали. Любовь и страсть – разные вещи. Так вот, любовь – это обожание, когда таешь как свеча, а страсть – это взрыв эмоций.

– Интересно, кто и кому тут завидует…

В ночном Термезе прохожие попадались редко, даже в центре. Уже закрылись оба ресторана, их последние самые горячие посетители разобрали немногочисленные такси и разъехались по домам. В основном это были офицеры гвардейской мотострелковой дивизии и рыночные торговцы, чьи горы и залежи дынь, персиков, гранатов все никак не могли закончиться даже в конце декабря. Кому машин не досталось, шли пешком по пустынным улицам, пели русские песни, а и без того редкие городские автобусы после одиннадцати ночи отсыпались в своих гаражах. Тихий, умиротворенный город блаженствовал в ожидании воскресных сновидений.

Марковы провожали своих гостей. Девчонки ушли вперед, о чем-то болтали без умолку, хихикали. Их мужья, шедшие сзади, никуда не торопились, курили.

– Ну что, Миш, Афган скоро. Слышал?

– Слышал. Только что-то меня не возбуждает это путешествие, – он задумчиво затянулся, – да и о переброске полка за речку четыре года говорят. Как началась эта возня, с тех пор и говорят.

– В Ташкент приказ пришел о подготовке, и не всего полка, а только нас, пехоты. Танкистов и спецподразделения оставят здесь. Приказ – это серьезнее, чем разговоры.

– Ирке сказал?

– Нет. А ты?

– И я не сказал. Зачем заранее. Да и вдруг обойдется? Мало ли что.

– Может, и обойдется. Только меня тут все достало. До тошноты. – Ремизов бросил сигарету и характерным движением провел рукой по горлу. – Вот где у меня этот образцовый полк с его образцовым командиром.

– Думаешь, там будет лучше? Ты оптимист.

– Двадцать один год как оптимист. Кстати, что ты там про жену Рыбакина говорил?

– Да к армянам она что-то приклеилась. Видели ее у этих часовщиков в павильончике, слишком веселая была, как будто ее за задницу щипали. Вот и весь ее профессиональный интерес.

– Толик знает?

– Что-то знает, что-то нет. Сам разберется, у него для этого голова есть. – Марков отмахнулся, закрывая тему. – Смотри, какой шикарный палисадник.

– Тоже мне, нашел палисадник у здания обкома партии.

– Ну и что. Какие розы!

За низкой декоративной оградой среди ухоженных шаров туи и можжевельника торжественно возвышались розовые кусты. Они действительно были потрясающе прекрасны. Огромные роскошные бутоны бордовых, красных, чайных роз под ночными звездами и робкими неоновыми фонарями откровенно дразнили удивленных лейтенантов, бывших еще и рыцарями своих дам.

– И они просто так растут? Как анютины глазки? Чудеса. – Ремизов восхищался. – На дворе декабрь, а они просто растут. Может, они никому не нужны?

– И я об этом подумал. Нам же много не надо, правда?

– Конечно, не надо. Значит, решено. Сначала разведка, потом – акция. – Они осмотрелись, нашли пути отхода среди поросли дикого кустарника, за которым начинались неосвещенные переулки. Вокруг сонное царство, нигде ни души, можно было приступать к делу.

– Давай по одному. Ты начинай, а я на стреме.

– Они колючие, кусаются, как собаки, – уже из палисадника, срезая ножом стебли, зашипел Ремизов, – им никакая охрана не нужна.

Девчонки даже не заметили, что их сопровождающие отсутствовали несколько минут. А когда запыхавшиеся кавалеры вручали им букеты роз небывалой красоты, они были по-настоящему изумлены.

– Господи, как красиво!

– Не может быть, это невозможно!

– Розы? Двадцать седьмого декабря? Это же чудо!

На щеках Ирины тоже цвели розы и от токайского, и от холодной декабрьской ночи, и от того, что только ее муж мог придумать такой невероятный подарок. Мишке Маркову куда до него, что бы там ни думала ее подружка, он, Артем – единственный.

– А где благодарность?

– Да, да, за все колючее и красивое надо платить.

* * *

– …По машинам! – Отдав боевой приказ на марш, подполковник Усачев окинул хмурым взглядом колонну и, ссутулившись, молча направился к своей командирской машине. Прямые брови, римский профиль, твердый взгляд заранее давали ему преимущество в любом споре,

а широкие, развернутые плечи уверенно хранили крепость, хотя и им не под силу держать удары, когда их наносит сама судьба. Усачеву определенно не нравилось все это. И сама так называемая командировка, и эта богом забытая страна, и батальон, который ему вручили две недели назад и в котором он еще не разобрался.

Надо же, подставили. У кого-то состояние здоровья, у кого-то дядя в Москве. А то, что ему самому скоро сорок стукнет, никого не волновало. То Забайкалье, то Туркестан… Дети школу заканчивают, старшего летом куда-то устраивать надо. Жена опять без работы, опять смотрит на него, как на виновника всех своих бед. А разве не так? Столько проблем! И кто их решит, пока он в этой яме. Этим-то молодым что, вот они, побежали к ротам и взводам, попрыгунчики, им война что экзотика, прогулка за впечатлениями. За спиной никаких якорей, мир что книга открытий, и никто не ждет от него подлости. А надо бы.

Он поймал себя на мысли, что намеренно или нет, но отодвинул на второй план свое военное предназначение, то, к чему так долго готовила его служба. Нет, он не работяга или инженер с завода, не бухгалтер, не директор заштатной конторы – он командир, и его батальон – тактическая единица, изначально созданная для ведения войны. И если он, комбат Усачев, позволяет себе слабость, то кто же тогда подумает о стране? Страна – это ведь тоже люди, много людей, народ, а он сам из тех, кто поручился за безопасность своей страны, народа, и как в древние времена возглавляет сегодня дружину князя, защищая от набегов кочевников русскую землю. Кочевников и на наш век хватит. Да и концепция за последнюю тысячу лет не слишком изменилась, Усачев усмехнулся: бить врага на его территории не ново. У Вещего Олега, у Святослава это неплохо получалось. Сталин нарушил традицию, шума много, а суть – пиррова победа. Теперь получится? Это – большой вопрос. Афганцы нам не враги, а угроза на наших южных границах нарастает, она реальная. Так к чему лишние переживания? Он – комбат, и его выбор сделан давным-давно, в такие же лейтенантские времена. Эх, знал бы прикуп, жил бы в Сочи.

Усачев снова посмотрел на своих командиров рот и взводов, седлавших боевые машины. «И что мне с ними делать?» Вопрос был риторическим, так случается, когда ответ заранее известен, но именно это и страшит. «Воевать – вот что, а то распустил упряжь… И жаловаться некому, никто не посочувствует, – он поругивал себя иногда, и от этого становилось легче, во всяком случае, становилась понятнее собственная слабость. – У каждого своя судьба. И ничего не изменишь. В этом и дело».

Взревели двигатели, машины поочередно приседали на корму, выбрасывали из-под гусениц щебень и с легкостью выкатывались на серое полотно асфальта. Сладкий запах дороги ударил Ремизову в нос, нравился ему этот армейский парфюм. Еще один день марша. Теперь пойдет населенная зона, надо быть внимательней, могут быть и диверсии, и засады, и мины на обочинах. Приятная, щекочущая нервы тревога волнами перекатывалась под кожей, возбуждала.

Колонна, набрав установленную скорость и ощетинившись в обе стороны стволами 30-миллиметровых орудий, рвалась сквозь южные широты. Если бы не старые ГАЗ-66, снятые с хранения, шли бы еще быстрее, но они не только не тянули на подъемах, так еще и ломались. Шуршание в наушниках стало привычной музыкой, а внутри тела поселилась устойчивая вибрация.

Сквозь монотонные дорожные шумы взводный услышал сзади частую орудийную стрельбу, быстро оглянулся. А-а, этот чертов татарин, командир шестой роты, решил попробовать свою пушку и, нимало не сомневаясь, дал несколько коротких очередей по ветхой постройке, стоявшей на небольшом расстоянии от дороги. Домишко окутался пылью и присел на один бок, следом рассыпалась и крыша. «Ну Равиль дает, ему кажется, что в этой стране можно все. Услышал бы комбат, он бы ему самому дал. А вдруг там люди? У каждого осколоч-

ного снаряда девятиметровый радиус поражения, а убойные осколки летят еще дальше. Все ли там в порядке с головой?»

– Это у тебя не все в порядке, – бросил ему на привале Гайнутдинов, – с печки, что ли, упал? Здесь война, а не детская песочница. Случись что, так и стрелять никто не умеет. Мы когда получили машины – неделю назад? И что, ты многому научился за неделю? Раньше-то «двойки» видел? Ну и не задавай дурацких вопросов.

– Но, Равиль… – Ремизов опешил, он и не думал, что на его вопрос есть такой обстоятельный ответ.

– Ты про людей, что ли?

Конечно, тот понял, о чем идет речь, но его распирало нахлынувшее ощущение силы, и он не мог ему противиться.

– Могут быть и издержки, я и говорю, что война. Лучше их, чем нас. – Он победно улыбался, и все в его объяснении казалось простым, вот только люди с их обыденной жизнью почему-то не укладывались в этот практичный расчет. Видя, что мальчишка-лейтенант так и не понял его аксиомы, Гайнутдинов продолжил уже более доверительно: – Вообще-то, я увидел зрачок прицела не то снайпера, не то гранатометчика и действовал по обстановке.

– Врешь.

– Может, и вру, что ж с того? А может, и не вру.

– Дешево ты людей оцениваешь, а если и тебя так же оценят?

– А меня так и оценивают. С той стороны прицела. Ты понял, гуманист?

Еще одна заноза засела в самом сердце, а может, и не заноза вовсе. Привыкший к твердым правилам и распорядку жизни, Ремизов не мог понять, что кто-то другой, такой же как он, мог по своему разумению все изменить в этой жизни, не оглядываясь на вчерашний день с его суровыми запретами. Как будто того дня не существовало вовсе.

По новым правилам выходило, что жизнь с этой стороны границы ничего не стоит. Как оказалось, противопоставить татарину нечего, и дело не в заурядной стычке. Здесь все было не так, начиная с того пещерного старика у дороги, с убогих глинобитных домов Ташкургана, с босоногих детей, любопытными взглядами провожавших колонну. Ремизов вздрогнул, дети – а их много сбегается к дороге – смотрели на солдат исподлобья, с тревогой, и уж точно никто не размахивал руками, посылая привет. Это другой мир, свое место в нем надо завоевывать, чтобы суметь защитить себя, отстоять, когда придет срок.

И он менялся… Армия методично выбивала из него мягкотелость, как бы подготавливая к следующему акту судьбы. Выработанная им за полгода жесткость еще не стала жестокостью, а волевые решения – средством унижения слабых, но в его поступках все чаще чувствовалась резкость, а иногда и агрессия. Был ли он готов во всех смыслах *пройти по трупам* и для самоутверждения, и для того, чтобы просто выжить? Ремизов этого не знал, но зато мог точно сказать, что он по-настоящему ненавидел. Ничего нового – несправедливость, только и всего. При таком раскладе этому лейтенанту, юнцу, следовало объяснить, что такое справедливость в новых условиях, дальше он все сделает сам. А ненависть не даст ему остановиться, пока в его теле теплится жизнь.

Гайнутдинов хищно улыбнулся и, уже уходя, процедил сквозь зубы:

– Лучше позаботься о своей шкуре, а там посмотрим, кто и сколько стоит – Он был старше на несколько лет и на многие вещи смотрел иначе.

К ночи вошли в Пули-Хумри. Шел дождь, потом он превратился в ливень. Машины тремя колоннами подходили на стационарную заправку. Механики под потоками воды выскакивали из люков, месили глинистую жижу, вставляли толстые шланги в горловины баков… Сыро, холодно. После дневной жары остро чувствовалось приближение гор, это они останавливали теплые потоки воздуха, охлаждали их и заставляли проливаться затяжными дождями. Март – он и есть март, а в России сугробы только оседают после долгой зимы.

Ремизов с наводчиком-оператором Маратом Турановым ужинал в башне машины консервами из сухого пайка. Зануда-желудок наконец-таки успокоился, ему в топку сегодня годилось все: и холодное мясо с жиром, которое иногда бывает самым вкусным мясом на свете, и сухари из ржаного хлеба, и сахар вприкуску с холодной водой из фляги. Это дорога – весь день в люке под солнцем, под встречным ветром, а теперь и под дождем, поэтому с небольшими перерывами и есть хотелось почти весь день. Туранов стеснялся командира, в нем чувствовалось привитое с детства уважение к старшим, природная сдержанность, а они вот уже двое суток трутся плечо о плечо в башне БМП. Хороший наводчик, он за неделю разобрался в устройстве орудия, в электрооборудовании, а на единственных стрельбах поразил все мишени, отчего командир взвода испытал и удовлетворение, и некоторую уверенность в их общей безопасности.

– Туранов, ты что мясо не ешь? Хватит скромничать. Мы не дома – на чужбине, а впереди долгий путь.

– Товарищ лейтенант…

– И не оправдывайся. Холодное, правда, но не нам выбирать…

– Мы в следующий раз банки на костре разогреем.

– Разогреем, да… Кончился бы этот нудный дождь. Льет, как осенью.

Дождь продолжал все так же монотонно стучать по башне, по триплексам, сырость просачивалась сквозь уплотнители башенных люков, пропитала воздух, набухала крупными каплями на внутренней обшивке машины. Постепенно стала влажной и холодной одежда. А в триплексах все тот же туман, обволакивающий мокрую колонну, разбухшую землю под гусеницами и синие струи дождя.

– Ты вот скажи, что в Коране про свинину написано и как узбеки к этому относятся? Я, например, нелепых запретов не понимаю. Мясо как мясо, обычная еда, а если для кого-то жирная, так это совсем другое дело. Мы, русские, северный народ, у нас таких ограничений нет. Иначе в старину среди снегов и морозов не выжили бы. Самой большой ценностью всегда были хлеб и соль.

– В Коране много чего запрещено, кто-то соблюдает все, как написано, кто-то нет. Вино вот тоже пить нельзя. Но в жизни многое изменилось, и Аллаха не все почитают, и обряды не соблюдают.

– Хм, и в России Бога ни во что не ставят.

– А свинья считается грязным животным, поэтому ее мясо есть нельзя. Правда, на войне или в пути этот запрет с аскера, воина и со странника снимается. Товарищ лейтенант, а мы ведь на войну едем?

– Да, Марат, на войну. На твою долю полгода достанется, осенью – домой, а вот молодым – на полную катушку. И мне с ними за компанию – долгая канитель.

Назавтра предстоял перевал Саланг. Про него говорили много, самый высокий тоннель в мире – три тысячи пятьсот метров над уровнем моря, – несколько километров длиной, несколько галерей. Наверное, он хорошо охраняется, если «духи» до него до сих пор не добрались. Подходили к нему настороженно. Дорога, завязанная в крутой серпантин, на подъеме, на всем протяжении скалилась обрывами и пропастями, заглядывали в них с восхищением и ужасом. Усачев опасался за своих механиков: никто из них не был знаком с серпантином, а их удовлетворительные оценки за вождение на полигоне не давали ему никакой уверенности. Первый раз, как экзамен. Тем не менее никто из них особенно не дрейфил. Отдавая перед выходом боевой приказ, комбат каждому механику-водителю не в глаза, а в душу заглянул: «Дисциплина на марше! Дистанция! Скорость! На обочину не съезжать – в грунте могут быть мины!» Высокого роста, он смотрел на механиков сверху, из-под сдвинутых у переносицы бро-

вей, яростно сверкая зрачками, и его слова доходили, куда нужно, аж до самых печенок. Что тут скажешь, комбат внушать истину умел.

Не любил он дороги. Словно терял одну точку отсчета жизни и не приобретал другой, зависал в пространстве, во времени, в паутине нервных клеток. Дорога для него всегда была неопределенностью. Раньше монотонный стук вагонных колес вызывал у него приступы какой-то неисследованной аллергии, теперь же его раздражала эта незнакомая трасса, на которой то и дело встречались разбитые и сожженные машины. Он не чувствовал точную степень риска, не был уверен в возможностях своих офицеров и с тревогой ожидал каждого крутого поворота, каждой нависающей скалы. Представитель штаба округа ему доходчиво объяснил, что их будут вести от поста к посту, там люди грамотные, обкатанные, что разведывательные сведения показывают благоприятную обстановку. Конечно, с такой броневой мощью мало кто захочет связываться, но… Надо добраться до новой точки отсчета, и все встанет на свои места.

На комендантском посту у Саланга их остановили. Старший лейтенант в белом шлеме с буквой «К» подошел к комбату, представился.

– Товарищ подполковник, нас ориентировали на ваше прохождение, надо будет подождать. Очистим для батальона тоннель, тогда и пойдете. Должен напомнить меры безопасности. Строго выдерживать дистанцию. Случится затор, сразу глушить двигатели, вентиляция слабая, люди могут угореть. При выходе из тоннеля не останавливаться, пока не выйдет вся колонна. Трасса с той стороны будет чистой, получу сигнал, дам вам отмашку, тогда – вперед.

– Хорошо у вас дело поставлено.

– Таков порядок, – офицер улыбнулся после неожиданной похвалы, – а как иначе?

– Много техники в день проходит?

– Хватает, мы их колоннами считаем, но, в общем, тысячи машин. Наши армейские колонны организованные, само собой порядок есть, а вот с афганцами беда. Машины у них старые, обогняют друг друга, а начнут выяснять отношения – базар настоящий.

– А насчет безопасности как тут?

– Все надежно. Слишком большая высота. Духовские наблюдатели, конечно, пасутся, радиоперехват идет ежедневно. Другое дело на подъемах и спусках, особенно на южном Саланге, там бывает жарко…

Прошли! И сразу отлегло от сердца. Даже солнце стало светить иначе, по-весеннему задорно и радостно. Во власти предчувствий Усачев ожидал чего-то страшного, словно тромба в сосудах и инфаркта, и вот оно не свершилось. Колонна, гулко стуча клапанами дизелей, крадучись сквозь желто-синий туман, вынужденная дважды останавливаться в тоннельных переходах, наконец-таки вырвалась из горной утробы. Как обычно, помотали нервы «газоны» минометной батареи, двух пришлось тащить на тросах, когда они заглохли, их моторам, снятым с консервации, не хватало воздуха. Командиры с трехминутным интервалом доложили о прохождении галерей, последним подал голос в эфире замполитех Петрович, его тыловое замыкание с тягачами шло последним. Значит, все. Пехота справляется, грех жаловаться, первый экзамен батальон сдал. Повеселевший Усачев наблюдал, как на поворотах, на спуске приседают на передние катки и заносят корму его машины – оказалось, они умеют писать эти чертовы виражи. Он настраивался на худшее, как обычно, лучше быть готовым к испытаниям, тогда они не застанут врасплох.

В ожидании прохода батальона на встречной полосе, на обочине, растянувшись на долгие километры, томились десятки и сотни автомашин загадочного происхождения. Как ни странно, судя по фирменным знакам на радиаторах, это были «Мерседесы», «Тойоты», КамАЗы, ЗИЛы, но все остальное обличье говорило за балаганные повозки огромного бродячего цирка или цыганского табора. Почти поголовно разбитые, они не имели и определенного цвета, а буквально пестрили радугой соцветий, фотографиями индийских актеров, украшениями из бархата на стеклах, надписями арабской вязью, надстройками на кабинах и кузовах. Каждая такая

машина, бурубухайка, представляла собой как минимум картину, а весь ее цыганский антураж – непременную гордость хозяина. Водители сидели на корточках вдоль обочин, оживленно беседовали, с интересом наблюдали за новенькими БМП. Их ожидание могло быть долгим, они это знали, потому что все на дороге подчинено законам войны, а их дело – доставить груз по назначению и при этом не получить случайный осколок или пулю. Разного возраста, холостые и женатые, они были солдатами этой дороги.

Теперь впереди расстилалась дурманящая весенними запахами зеленая долина, земля обетованная, городок Джабаль-ус-Сарадж, лежавший у подножия хребтины Гиндукуша, а дальше и Чарикар, крупный населенный пункт, перед которым Усачев планировал сделать привал для колонны. Но все вышло иначе.

Еще неясные уху, где-то за изгибом трассы раздались глухие взрывы. Комбат дал короткие указания головной походной заставе сбавить обороты, усилить наблюдение и быть в готовности открыть огонь. На всякий случай… А внутри приятно похолодело. У него всегда так случалось перед принятием серьезного решения, сжимается пружина, собирается в плотный комок воля, в голосе появляется твердость и уверенность, ход мыслей становится четче и определенней. Уже где-то ближе и более различимо разорвался снаряд, судя по всему, танковый.

– «Канат-200»! – полетел по радиоволнам циркулярный позывной батальона. – Я – «Коломна», дистанцию не сокращать! Наблюдать в секторах! Быть в готовности к открытию огня! Дисциплина в эфире!

Мамаев коснулся его плеча, а потом наушников на своей голове:

– «Ведущий» на связи, на своей частоте.

– Давай сюда, – он взял шлемофон связиста, – я – «Коломна», прием.

– Я – «Ведущий», остановите «коробочки», впереди бой, там разберутся без вас. Ждите моих указаний. Прием.

– Вас понял, прием, – и, обернувшись к Мамаеву, крикнул ему в ухо: – Всем стой, дистанция десять метров, на обочину не съезжать! Вести наблюдение.

Колонна встала. Не далее чем в двух-трех километрах в «зеленке» поднимались облака коричневой пыли от разрывов снарядов, в разные стороны разлетались куски стен и земли, лохмотья виноградной лозы, ухали орудия, и в паузах между выстрелами слышался дробный стук крупнокалиберных пулеметов. Водители афганских машин, побросав разукрашенные колымаги, убежали от дороги подальше и прятались в канавах, воронках, опасаясь, что душманы подожгут и их грузовики. Кто знает, что у них на уме. Успокаивало только то, что десятки приземистых боевых машин остановились рядом с ними и, развернув стволы в обе стороны, прощупывали сквозь прицелы каждый дувал, каждую щель или пригорок.

На бронетранспортере к комбату подскочили комендачи.

– Вы «Коломна»?

– Я. Командир батальона подполковник Усачев. А что там?

– Да ничего, все в порядке. Приказано вас придержать до прояснения обстановки, так сказать. Чтоб вы тут без особенной инициативы, а то мало ли что…

– Не понял.

– А что тут понимать. Бывали разные случаи, тельник на себе рвут, рукава засучивают, так сказать, и в бой, а нам потом трупы таскай. Непорядок. Каждый своим делом должен заниматься. – Усатый, немолодой прапорщик в таком же белом шлеме с буквой «К», как тот старлей перед Салангом, объяснял толково, он бы вполне смог работать вахтером в каком-нибудь солидном учреждении или вышибалой в кабаке. – А там что… Там, обычное дело, «духи» на трассе засаду устроили, выпустили две гранаты в машину сопровождения, в БРДМ.

– Ну и… Попадание есть?

– В том и дело, что есть. Первая мимо, вторая – в цель, насквозь оба борта. И головной тягач с топливом подожгли. Они ведь, сволочи, всегда так делают, на самом деле им наливники

нужны. Но пока броню не выведут из строя, за колонну не берутся. Так что вы застряли, придется обождать.

– А что с экипажем БРДМ?

Комбату не хотелось перед таким маститым прапорщиком и сержантом казаться сентиментальным новобранцем, но этот вопрос вырвался у него сам собой, со смесью тревоги и любопытства в голосе, прапорщик говорил о событии и ничего – о людях.

– Есть потери, куда же тут без них. Водитель, так сказать, как всадник, то есть без головы, угораздило парнишку, наводчика посекло осколками, командир взвода сопровождения жив, вообще-то чудом уцелел.

– Это что, тоже обычное дело?

– Да нет, не совсем. Обычно гранатометчик не успевает зарядить вторую гранату. – Комендач так и не понял вопроса и продолжал рассказывать азбуку дорожной войны. – По ним, скорее всего, два расчета стреляло. А может, и башенный наводчик замешкался, не успел ответить. Вот вас бы не стали трогать. У вас тут столько орудий, вам полминуты хватило бы, чтобы на пятьсот метров от трассы все выбрить начисто. Они же не самоубийцы, они ведь что, они деньги зарабатывают. Тем более что здесь таких машин, как ваши, мало.

Усачеву не приходилось раньше оценивать истинную огневую мощь своего батальона, и слова прапорщика-комендача для него прозвучали настоящим открытием, это согрело.

– С тобой поговоришь – всю обстановку разведаешь.

– Так ведь дорога. По ней и машины, и грузы, и все новости движутся, так сказать. В одном конце аукнется, в другом – откликнется. Да, ничего, товарищ подполковник, пообвыкнете, оно все проще станет. А что до душманов, сильных они не трогают – они слабых бьют. Это же как два пальца… Ну вы поняли.

– Но чтобы ответить на выстрел, надо увидеть, откуда стреляют?

– Это, как придется, а главное – не слишком много думать. Выстрел гранатомета, конечно, видно, но здесь другие правила. Жизнь, она учит. Увидел – не увидел, неважно – бей, так сказать, пока цел. На огонь надо отвечать немедленно, по направлению или в секторе стрельбы сразу со всех стволов.

– Короче, кто под гребенку попадет…

– Выходит, что так. А как по другому-то? По-другому не выживешь, сожгут.

Этот прапорщик, случайный встречный, которого завтра он, возможно, даже и не вспомнит, читал ему, как с листа, как Библию, основы нового мироздания, просвещал, под руку вводил в грязный храм войны. Война не ведает корысти, она честна и открыта, на войне враги знают друг друга в лицо. Но если она примет твою молитву, твою веру, то, ради чего ты взял в руки оружие, поможет пережить любую боль и сохранит душу.

– Сам-то давно в этих краях?

– Полтора года уже есть, до дома немного осталось. Без нужды и без повода стараюсь не вспоминать, так оно легче. Но, глядя на вас, свеженьких, как не погрустить. Как там Союз, как Ташкент?

– Все так же. Женщины в юбках, водка – пять-тридцать, в «Заравшане» красную икру дают, скоро каштаны распустятся.

– Эх, хорошо дома! А здесь все, как в кривом зеркале, так сказать, наоборот. И женщины в парандже, и водка – сорок чеков, сумасшедшие деньги, а «зеленка», будь она неладна, лучше б никогда не распускалась. Вот дотяну до сентября – и вперед, домой.

– Ты там быстрее всех нас будешь.

– Сплюньте через левое плечо, на всякий случай, так сказать.

Из-за этого происшествия, из-за сбоя в графике движения и большого затора на трассе «Ведущий» протянул колонну за Джабаль-ус-Сарадж и остановил у КПП, что находилось почти напротив входа в Панджшерское ущелье, здесь и дал команду на привал. Выбравшись из

машин, механики проводили контрольный осмотр, который в пути никогда не бывает лишним. Офицеры пятой роты, разминая ноги, по привычке потянулись к четвертой, в голову колонны, там Козловский уже успел познакомиться с местными танкистами, охранявшими дорогу. Закурили.

– Мужики, говорят, что «духи» нас не ждали, иначе не стали бы у нас под самым носом спектакль устраивать.

– Для них наливники – лакомый кусочек. Горят, как факела.

– Если с соляркой, то как факела, а если с бензином…

Новый знакомец, танкист без знаков различия на комбинезоне, был не особенно расположен к разговорам, но как не покурить за компанию, когда перед этими желторотыми студентами-первокурсниками он почти профессор с кафедры боевых действий. Бледнолицые, чуть напряженные, нелепые в своей свежей форме, они только-только из Союза и даже пахнут по-другому – домом.

– Представляете, у них дороги начали строить только лет тридцать назад. – Марков процитировал информационный бюллетень, прочитанный перед отправкой в Афганистан. – Здесь шофер был что у нас космонавт, очень уважаемый человек.

– Теперь водилам не позавидуешь. Они – смертники.

Танкист знал, что говорил, перед его глазами каждый день проходили тысячи машин, и все они везли свой ценный и бесценный груз, давая жизнь и людям, и экономике. Именно они и являлись целью душманов.

– Они своего почти ничего не производят. Ну там рис, кукуруза, кишмиш, шерсть, каракуль. Ну это на прокорм, а больше-то ничего, – продолжал цитировать Марков.

– Если ты – мурза, то хватит и на прокорм, и на все остальное, а если ты от сохи, то либо всю жизнь гнись над этой сохой, либо вливайся в рабочий класс и – на дорогу. По-другому не заработаешь, вся страна от дороги кормится. Вот и весь выбор. И все в соответствии с историческим материализмом, – сделал ремарку и Ремизов.

– Положим, «духи»-то на трассу с автоматом да с гранатометом выходят. Тоже, чтобы кормиться. У них совсем другой выбор. Так что, Арчи, на практике расклад получается гораздо тоньше.

Хоффман саркастически улыбнулся, покрутил желтый от табака ус, он всегда знал больше других, может быть, и потому, что много читал, в том числе и иностранную периодику в оригинале, не проходившую цензуру. Может быть, и по другой причине – потому что во всем сомневался. Он умел видеть события с их обратной стороны. С его знанием английского и критическим складом ума получился бы настоящий разведчик-аналитик.

– Кто с тобой поспорит, тот трех дней не проживет.

– В новых условиях эта шутка особенно злободневна. Вот и не спорь со мной. А что, Ренат, там и нашим досталось?

– Досталось. Еще как! Мужики говорят, оба борта насквозь, водителю голову снесло. Вот такие дела. – Козловский оглянулся на молчаливо курившего танкиста, неловко поежился и замолчал, и эта затянутая пауза повисла в воздухе, обдав всех неизвестным прежде холодком, дыханием другого мира, в котором одинокий лодочник, поскрипывая уключинами, переплывал через медлительный и вечный Стикс.

– Это знак местного гостеприимства, – наконец проговорил танкист, – чужаков не любят нигде, а мы к тому же иноверцы, гяуры.

– Мужики, кажется, мы в дерьме.

– Не мы первые.

– Это уж точно! – Хоффман со значением огляделся. – И не последние.

– Взводный этот в рубашке родился. Его здесь все знают, часто с колоннами мотается. Уронил планшет под ноги, наклонился поднять… Удар, пыль, кругом кровища. Его из машины вытаскивают, а его рвет. Контузией отделался. А если бы не наклонился?

– Да, в рубашке…

– Так и есть, повезло взводному.

– Господь сохранил. Видно, грехов у парня еще мало. Таких случайностей не бывает.

– Грехи – это дело наживное.

– А что мы вообще здесь забыли? – неожиданно вырвалось у Козловского.

– Ренат, какой своевременный вопрос, недели не прошло, как мы в Афгане. – Язвительная усмешка пробежала по губам Хоффмана. – Все познается на примерах. Если ты не согласен, что наше присутствие здесь называется выполнением интернационального долга, могу пояснить ситуацию. Скажу честно, я тоже не согласен. Но эта терминология очень удобна для массового сознания или, если хочешь, для оболванивания людей. Как-то же надо объяснить, зачем мы сюда вошли такой большой компанией. Если бы наша поддержка этим афганским революционерам из Парчам, из Халька оказалась краткой разовой акцией, весь мир проглотил бы ее и не поморщился. Нам бы и Амина простили, на нем слишком много крови. А мы возомнили себя богами и застряли здесь, и теперь это на Западе называют вмешательством, интервенцией и, что хуже всего, – агрессией. Господа из НАТО тоже влияют на массовое сознание своего обывателя, тоже оболванивают. Чтобы понять происходящее, надо исходить из обыкновенной физики. – Хоффман сделал небольшую паузу, оглядывая слегка оторопевших, но заинтересованных слушателей, а потом продолжил: – Природа находится в движении, общество тоже находится в движении, в развитии. И Союз как государство тоже должен двигаться, а самый простой способ движения – расширение влияния. Иначе застой, стагнация и – смерть. До сегодняшнего дня деньги позволяли нам двигаться куда угодно.

– Хоффман, а ты откуда все это знаешь? – Ремизов, пока слушал монолог, все больше и больше удивлялся чуждой для него идее и непроизвольно хмурил брови.

– Вот что, господин лейтенант, – жестко отреагировал Хоффман, – зубрить и учиться – не одно и то же. Так вот, надо учиться. И по возможности слушать радио.

– Это какое же ты радио слушаешь?

– Би-Би-Си. А что?

– Костя, – вынырнул из-за спины Марков, – будешь в следующий раз слушать Би-Би-Си, меня позови, а то в этих бюллетенях сплошной туман, одни цифры. И вообще, что это за место – Баграм?

– Место как место. Был небольшой кишлак, а когда аэродром построили, разросся. Вот и все, – танкист пожал плечами. – Техникум там женский есть, бабы без паранджи по улицам ходят. Здесь это главный признак цивилизации. Иногда шустрые попадаются, но лучше с ними не связываться. А так, это наша крупнейшая база, там все есть, даже тактические ракеты. Жить можно, вам понравится.

– Мужики, нам отмашку дают. По машинам.

Вторгаясь в чужие миры

Она знала много властителей, но разве кто-то из них ее любил? Истерзанная, изможденная, заблудившаяся в Средневековье, эта азиатская страна стойко переносила все испытания, выпавшие на ее долю, но никак не могла угнаться за быстро меняющимся миром. На ее календаре шел только 1363 год. Северный сосед ей помог по-соседски, но все построенные дороги, аэродромы, дома, фабрики ничего не смогли изменить в патриархальном укладе жизни афганцев. А их было миллионы. Миллионы неграмотных людей, изо дня в день питавшихся грубыми кукурузными лепешками, для которых плов с бараниной и чай с сахаром были исключительно праздничными блюдами, а все познания об окружающем мире с благословения Аллаха и начинались, и заканчивались на саманной хижине, ветхой сохе и этом самом куске лепешки. Они жили племенами, родами, считали своих эмиров и шейхов данностью, смиренно поклонялись им, как того требовал Коран. Их господа в то время изучали европейские языки, ездили на белых машинах, покупали богатые дома в неведомых странах, отдыхали у теплого моря, их же собственная страна, Афганистан, продолжала оставаться обочиной мира. Вот и теперь преданные своим господам племена и кланы рвут ее на части, отвоевывая себе лучшее место под жарким солнцем. Одни ищут поддержки у Пакистана, Ирана, другие – у шурави, но в итоге все вернется на круги своя, к очередной войне. И на новом витке спирали, словно следуя древнему генетическому коду, все повторится заново.

Закончилось время короля Мохаммада Захир Шаха. Монархия не стала спасением страны, отжила свой срок и тихо отошла в мир иной, так и не сплотив разноплеменной народ. Короля откровенно жаль, при нем случилось все самое лучшее, что пережил Афганистан, при нем страна испытала настоящий экономический подъем. После переворота к власти пришел диктаторский режим Мохаммада Дауда, бывшего премьер-министра, а вместе с ним и «Парчам», таджикское крыло народно-демократической партии. По стране прокатилась волна репрессий и казней. Любая власть, которая опирается только на свою охрану и амбиции, недолговечна. Апрельская, саурская, революция вновь все перевернула с ног на голову, а для начала растерзала в собственном дворце Дауда и его семью. Лидер революции Тараки опирался на поддержку с севера и был задушен подушкой у себя дома по приказу своего же ученика и соратника Хафизуллы Амина, который, в свою очередь, все больше оглядывался на Запад. Под псевдодемократическими лозунгами начал восстанавливаться прежний диктаторский режим, который тем не менее нуждался в спонсорской помощи богатых родственников, как это случалось при Захир Шахе. У кормила власти теперь стояло другое крыло партии, «Хальк», но непостижимым образом не менялась суть правления, в стране снова начались репрессии и массовые казни. Меньше чем за год халькисты замучили и уничтожили двенадцать тысяч заключенных, которых они считали своими идейными противниками.

К этому времени в глухих провинциях, поближе к Пакистану и Ирану, как отторжение преобразований всех последних лет, на саудовских дрожжах набрало силу исламистское политическое течение. Одним из лидеров исламистской молодежи наравне с Хекматиаром и Раббани стал и Ахмад Шах Масуд, полевой командир, прозванный позже за смелость и неуступчивость Панджшерским львом. Теперь это течение питалось еще и законом кровной мести. Замученные и растерзанные взывали к отмщению, а большинство из них были улемами, религиозными учителями, исламисты с полным на то основанием объявили Кабульскому режиму джихад.

К зиме 1979 года узел внутренних афганских проблем затянулся настолько, что его оставалось только рубить. Естественное стремление народа к новой свободе, в то время как диктатор кровью утверждал свою власть, а исламисты насаждали шариат, совпало со стремлением Советского Союза обезопасить свои южные границы. Нужен был повод для вторжения, и он

нашелся. Кто-то же должен был помочь Амину укрепить государство, пока оно не превратилось в опасный неуправляемый хаос, и в том, что помощь будет, диктатор не сомневался, но как же ему не хотелось просить о помощи русских! А он попросил. И не один, а много раз, словно предчувствуя неизбежность прихода к власти исламской оппозиции. Вежливые дипломатические отказы из Москвы его и радовали, и огорчали. Он показывал членам партии, что готов к сотрудничеству с шурави, и в то же время осознавал, что однажды его также задушат подушкой, если они, русские, не придут. Странную позицию занимали американцы. Они, явно заинтересованные в плацдарме рядом с враждебным для них Ираном и в подбрюшье Союза, не проявляли большой активности и как бы не возражали против интернациональной помощи с севера. Почему?

* * *

Вникать в дела Усачеву пришлось на ходу. Его батальон в составе полка предназначался для вполне определенной задачи: во что бы то ни стало заткнуть одну кровоточащую дыру, а именно Панджшерское ущелье, логово Ахмад Шах Масуда. Отменный полевой командир, боевик с университетским образованием, он обладал внешностью и манерами цезаря, а уж никак не дремучего феодала, его же подразделения только условно назывались бандами, они имели хорошую организацию и контролировали всю территорию на восток от Саланга и до Пакистана. А его прозвище Масуд, «Счастливый», говорило обо всем остальном. Через ущелье Пяти львов он открыто выходил на главную афганскую коммуникацию Хайратон-Кабул. Полку предстояло взять ущелье под свой полный контроль. «Славная задачка, – только и смог подумать комбат, когда услышал это известие на совещании у командира дивизии, – тут либо грудь в крестах, либо голова в кустах». До офицеров батальона эту информацию доводить не полагалось, некоторое время на ней еще будет значиться гриф секретности, хотя бывалым парням из соседних полков эта картина виделась безо всякого грифа. С Панджшером нужно было что-то решать уже давно.

В палатке штаба батальона все строго, точно, все по норме. Походная кровать для отдыха дежурного, застланная простынями, складной рабочий стол с радиостанцией и полевым телефоном, металлический ящик – сейф с картами и документами батальона, две лампы электрического освещения, керосиновая лампа, столы и стулья для служебных совещаний – вот и все убранство, регламентированное, как и вся армейская жизнь. Жизнь и регламент. Кажется, они несовместимы, в этом сочетании совершенно нет места свободе, но стоит ли размышлять о своей свободе, когда ты, не задумываясь, отбираешь ее у других, у своих офицеров, солдат, насаждаешь дисциплину. Зачем? Ну это просто. Боевую задачу способно выполнить только обученное, организованное подразделение, в котором воля и власть отданы одному человеку – командиру. То есть ему, Усачеву. Однако и сам он никак не мог привыкнуть к тому, что его дни оказались замкнуты четырьмя точками круга: комнатой в офицерском модуле, вот этой палаткой рядом с пыльным земляным плацем перед расположением батальона, парком боевых машин и стрельбищем. Одно дело – выехать на учения на считанные дни, и другое – на неопределенный срок, конец которого теряется за горизонтом, в фиолетовой дали. Но стоит только идентифицировать жизнь как службу, и все встанет на свои места. И круг разорвется, и будет все иначе. Уже скоро.

– Товарищ подполковник, за время вашего отсутствия в батальоне происшествий не случилось. Личный состав находится на занятиях в районе стрельбища. Дежурный по батальону лейтенант Рыбакин, – опустив руку после четкого приветствия, дежурный замолчал в ожидании распоряжений. Этот парень располагал к себе Усачева. Хороший офицер, ладно скроен, уравновешен, организован сам, сумеет организовать и службу. Может пойти дальше других, волевой взгляд, уверенность в себе – есть в нем что-то. Лишь бы уверенность не переросла

в самоуверенность, комбат уже видел в своей службе, как это бывает и чем заканчивается. Стремление быть лучшим не должно быть выше готовности отвечать. Во всяком случае, он связывал с ним надежды, всегда должны быть те, кто способен заменить командира роты в час «икс», в шестой роте такой офицер есть.

– По возвращении с занятий собрать всех офицеров здесь, в штабе. Иметь блокноты для записи. Это все. Можете идти отдыхать.

– Товарищ подполковник, разрешите вопрос?

– Ну давай, слушаю.

– Мы ведь здесь не затем, чтобы полигоны утюжить, как в Термезе… Говорят, что нас скоро в горы двинут. Правда это?

– Рыбакин, черт тебя дери! Все слухи по гарнизону собрал! Больше выдержки, лейтенант, будет срок, доведу. – А про себя еще подумал: «И на твой век дерьма хватит».

– Товарищи офицеры! – Усачев медленно окинул взглядом офицеров батальона. – Мы приступаем к выполнению боевой задачи. Это и есть наш интернациональный долг. Прошу не путать идеологию и обыкновенную армейскую службу. Вооруженные силы призваны защищать страну, и совсем необязательно это делать на своей территории. На изучение местной обстановки, афганских обычаев, на знакомство с гарнизоном и общую рекогносцировку, на слаживание подразделений командир дивизии отвел нам три дня. Начиная с двадцать второго марта каждую ночь в течение недели ротами и усиленными взводами ходим в засады, отсекаем тропы, ведущие в соседние кишлаки. Задерживаем всех ночных бродяг, а тех, кто не сдается, – уничтожаем. Задача реальная, но, как сказал комдив, она скорее психологическая, люди должны привыкнуть к обстановке и быть в готовности выполнять более серьезные задачи. Начиная с апреля – срок будет уточнен – оказываем поддержку подразделениям, блокирующим трассу Саланг-Кабул. Вплотную займитесь своими ротами и взводами, изучайте личный состав. Вы сами и люди должны четко уяснить, что учеба, какой она была в Союзе, закончилась, здесь все должно быть подчинено предстоящим боевым действиям. Начальник штаба, доведите до офицеров распорядок дня гарнизона, расписание занятий и прочие организационные вопросы.

Во вступительном слове комбат был краток, не имело смысла заменять словами то, в чем он сам еще не разобрался, да и невозможно заменить словами этот дух войны, который здесь жил во всем. Он впервые присутствовал на армейском пиршестве, где все, включая гражданский персонал, подчинялось распоряжениям военного руководства, где долгие и пустые обсуждения заменены четкими решениями по всем вопросам, начиная с топки казарменных печей до нанесения массированных ударов по скоплениям душманов.

Начальник штаба батальона капитан Савельев обладал отменными организаторскими способностями, умел принимать решения, доводить их до конца, в нем чувствовалась военная косточка. Его волевое лицо с твердым взглядом, поджатыми губами, спортивное телосложение только подчеркивали его жесткий характер и требовательность, но при этом он мог легко перейти на «ты». Кроме того, Савельев был умен и неболтлив, и если высказывался, то по существу.

– Товарищи офицеры, мы вошли в состав 108-й мотострелковой дивизии, ее штаб дислоцирован здесь, в Баграме, два полка – в Кабуле, один – в Чарикаре, а на базе бывшего танкового сформирован наш мотострелковый полк. Основная задача дивизии – ведение разведывательно-поисковых операций, уничтожение обнаруженного противника, а также охрана коммуникаций и объектов…

После совещания комбат и его начальник штаба остались в палатке одни.

– Ну что, Александр Степанович, будем воевать, – то ли утверждение, то ли вопрос, а может, и что-то третье скрывалось в словах Усачева, например сомнение. – Как будем воевать? – Спокойный, будничный голос командира дивизии все еще звучал в его ушах, вместе

с этим чуть хрипловатым голосом передавалась и уверенность в том, что задача выполнима. Первая в его жизни боевая задача.

– Повоюем, – невозмутимо ответил Савельев, – нам ли, русским, привыкать к азиатским походам?

– Ты прав, не привыкать… Мы бы этой войны все равно не миновали. Американцы стараются. На все изжоги пойдут, чтобы вытянуть из нас жилы, обескровить, заставить людей бояться за себя, за будущее. А тут война. Самые сливки. Афганцы с их проблемами Штатам не нужны, они – жертва мировой политики, заложники. Они и вся их страна – сыр в мышеловке. Мы им стали помогать – вот мышеловка и захлопнулась. Удивительно, что наши старцы в Политбюро этого не просчитали.

– Хорошо ли, плохо ли соображают наверху, не мне судить, но здесь армия наконец-то занимается своим делом. Столько десятилетий длится «холодная» война, и чтобы не искрило? Так не бывает. Даже странно, что мы не влезли в войну раньше, где-нибудь в Сирии или в Египте.

– Так ты поддерживаешь наше присутствие здесь?

– Я бы сказал по-другому. Если этого миновать нельзя, то надо действовать.

– Ага, я тебя понял, начальник штаба. Маленькая победоносная война… ну и так далее. – Усачев растянул губы в хитрой улыбке, но потом стер ее с лица. – Я только что закончил знакомиться с офицерами батальона. Наши взводные – зеленые лейтенанты. О солдатах и не говорю. Это они обеспечат нам победоносную войну?

– Другого не дано. Они обречены на войну, как на неизбежность. Полк в последние годы стал перевалочной базой. Только придет пополнение – следом разнарядка, вот и получилось, что в строю одни лейтенанты последнего выпуска. Прифронтовой полк – и судьба его прифронтовая. Ну а что до личного состава… – Савельев задумался. – Игры в боевую готовность закончились. Прежние оценки ничего не значат. Чего мы стоим, покажет реальная обстановка. Панджшер.

– Не поздно ли будет?

– Если поздно, то мы об этом узнаем первыми.

Центр Вселенной переместился в Баграм. Такой потрясающей активности военной жизни Ремизову видеть еще не приходилось. Баграмскому гарнизону был сродни разве что город районного масштаба, но тот с сумерками засыпает, а здесь все как будто только начинается. Тысячи людей двигались в едином ритме, как однажды заведенный и хорошо отлаженный механизм. На аэродроме круглосуточно с небольшими интервалами взлетали и садились штурмовики и вертолеты, их раскатистый гул сменялся залпами реактивного дивизиона и артиллерийских батарей, наносивших удары по дальним целям в Баграмской или Чарикарской «зеленке». Мотострелковые, разведывательные роты серыми колоннами уходили в рейды и возвращались из них, танки и бронированные машины занимали окопы и дежурили на трассе Кабул-Саланг. Все это время походные кухни варили солдатскую кашу – система функционировала без сбоев. Батальон легко и даже незаметно стал частью этой системы, словно растворился в ней. Восемьдесять часов занятий днем, вылазки в засады ночью, в промежутках сны без сновидений: кому в солдатской палатке, кому в модуле. Почувствовать же местный афганский колорит, этот дурманящий мускусный запах, в первые дни Ремизову так и не пришлось, а хотелось-то как, мир-то перевернулся.

– Ладно, успеем.

– А тебе оно надо. Давай лучше в магазин сходим. Хоть посмотрим на заморские товары. – Марков был практичен, этого не отнять, тем более выдалось несколько часов свободного времени.

При всем масштабе происходящих вокруг событий этот скромный гарнизонный магазин не мог остаться незамеченным, сам по себе он тоже был событием. Когда два приятеля наконец до него добрались, то как-то сразу поняли, что попали в музей. Руками не трогать, только смотреть. Романы Александра Дюма, Вальтера Скотта, Льва Толстого спокойно себе стояли на полках и ждали, когда за них заплатят деньги. Рядом с ними пылились японские магнитофоны, их владельцы уже известны, они в списке очередников. Здесь же лежало что-то из модной европейской одежды, но ценники были таковы, что внимание на ней не задержалось и скользнуло дальше, к витрине с продуктами. Черная икра (ого-о), сыр французский с какой-то плесенью (фу-у), сырокопченая колбаса (да-а), ветчина из Югославии (характерное сглатывание слюны). На десерт в этот день предлагались австрийские леденцы в ярком целлофане, кофе, сгущенное молоко и сливки и жутко шипучий голландский лимонад «SiSi» в диковинных банках. Чудеса.

Но ходить на смотрины с пустыми карманами и тихо завидовать коллегам из других батальонов все-таки глупо, поскольку первая зарплата в чеках внешпосылторга ожидалась нескоро, а точнее – неизвестно когда. Чеки служили в Афганистане надежной валютой, на них в дуканах, в континах и на базарах покупалось все что угодно и экзотика тоже. Хочешь, например, ишака – пожалуйста, изрядно облегчишь тяготы службы где-нибудь на точке. Хочешь козу – и будешь с молоком. Покупались, как им стало известно по большому секрету, даже женщины, вот дикая страна, но шурави, в отличие от афганцев, на такую покупку требовалась очень большая смелость или полное отсутствие тормозов.

Добравшись вечером до своей койки в четырехместном номере офицерского модуля, Марков мечтательно бросил:

– Эх, посылочку бы домой отправить.

– Помечтай, помечтай… Увы, только письма, – задумчиво ответил ему Ремизов.

– Знаю. Ну чтобы сразу все и в одном неказистом магазине – такое и во сне не увидишь. А тут тебе икра красная, икра черная…

– Ага, икра заморская.

– Всякая, Арчи. Не понимаешь ты всей прелести полета фантазии, – нехотя бросил Марков, – и напрасно, да и не фантазия это вовсе, надо только потерпеть чуть-чуть.

– Потерпеть можно, но фантазировать – только раздражаться. Конечно, все свое, ан нет, нигде ты этой икры не купишь.

– А почему так? Может, все на экспорт гонят?

– Или просто на всех не хватает. – Ремизов с сожалением вздохнул, ему хотелось бы удивить своих близких такими деликатесами – это мамино слово – но увы. Страна живет нескончаемым дефицитом и вечными очередями, и только здесь перед ними, военными, разыгрывался настоящий гастрономический спектакль.

– Вот чеки получим, устроим настоящий праздник живота. Ждать долго, но ничего. – Черты лица у Маркова сосредоточились, стали серьезнее, отражая очевидное движение мысли. – Я сегодня узнал у ребят, взводным по двести шестьдесят платят. Нормально, да? А ты что с ними делать будешь?

– Еще не думал.

– Я, наверное, откладывать буду. Может, машину куплю. Я тут прикинул, за два года приличная сумма наберется.

Марков умел создавать вокруг себя уютную, бесконфликтную обстановку, мир приятных иллюзий и сбывающихся надежд. Вокруг него все становилось простым и понятным, как *дома в тапочках,* и ничто не намекало на грядущие неожиданности и тревоги, теплый свет лился на дорогу его жизни, а сама дорога и перед ним, и перед его будущей машиной стелилась мягкой душистой травой.

– Все ты распланировал, все у тебя по полочкам. А если убьют?

– Ты свихнулся! – Марков даже привскочил на кровати. – Типун тебе на язык!

– Я не о тебе. Я о нас, обо всех. Два года – это большой срок. Я так далеко и не загадываю, дожить бы. – Ремизов еще не стал фаталистом и о смерти думал, как о чем-то неконкретном, как о тумане безвременья. – Вовку Ровбу, нашего ротного, помнишь? Он из Афгана часы «Сейко» привез и джинсовый костюм. Все остальное пропил. Вчистую. Вот так. Он же колонны сопровождал и в самом начале своей командировки на машине подорвался, случай спас. Так что не буду я ничего собирать.

– Вовку помню. Сопьется, наверное. Он в Термезе по-черному глушил, не просыхал. А ротным был настоящим. Когда он к нам пришел, согласись, служить легче стало, наконец-то порядок появился.

– Да, одни ночные марш-броски чего стоили. Наш бывший командир – сгусток воли и нервов. Полная самоотдача! На таких офицерах армия держится. Не сопьется. Кто-то его остановит, сам себя остановит. – Ремизов считал, что у него уже есть образец для подражания, он ясно представлял, каким должен быть офицер, и, надо сказать, эта планка располагалась высоко. – А с новым ротным мы еще хлебнем, плевать ему и на нас, и на всю роту, да и на себя тоже.

– С Мамонтом точно хлебнем. Он ленивый, и у него явный излишек веса. Интересно, как он себе будущие рейды представляет? Ротой же командовать надо, а не только анекдоты рассказывать. Я его рядом с Ровбой и представить не могу. – Марков вяло зевнул. – Арчи, а ты не знаешь, откуда к нам это счастье привалило?

– Разное говорят. Вроде бы начальником разведки служил у соседей. За пьянство с должности сняли, из партии турнули, а к нам в виде поощрения направили как одного из лучших офицеров. – Ремизов не удержался от сарказма, потому что капитан Мамонтов и по своему облику, и по характеру совершенно не походил на военного. Мягкотелый, несобранный, он производил впечатление человека, случайно оказавшегося в армии. Но почему-то именно его направили на войну.

– Выходит, у нас не мотострелковый батальон, а что-то вроде отстойника! То эпилептика мне во взвод пытались всучить. Помнишь, на полигоне дело было? То ротного дали – молись на него, как на икону, лишь бы не угробил. – Марков, обычно спокойный и невозмутимый, неожиданно сменил свой снисходительный тон более категоричным, почувствовав, что от командира теперь зависит не только служба.

– Все меня упрекаешь, а сам тоже заводишься.

– С кем поведешься…

– А помнишь, у Кости во взводе горбатый боец оказался? Он его к председателю комиссии водил. Говорит ему, мол, вы что, с ума сошли, кого в Афган посылаете?

– Помню, да он просто орал на этого полковника.

– Полковник, по-моему, испугался, когда горб увидел, таким бледным стал. Как парня в военкомате призвали, непонятно. А в армии, вместо того чтобы списать по состоянию здоровья, решили за речку отправить. Если бы не Костя, он там и оказался бы. Издеваются над людьми, сволочи! – Последние слова Ремизова прозвучали приговором. В его представлении плохо выполненная служба чаще всего граничила с предательством.

– А знаешь, я вот что про Мамонта думаю. Ему ведь и посочувствовать можно, какой он ни есть, а ведь тоже здесь не по своей воле. – В голове Маркова родилась свежая мысль, и закончил он ее парадоксально: – Надо было заткнуть дыру, вот им и заткнули. Как пробкой. У него, если присмотреться, тоже горб найти можно.

Без стука к ним в комнату почти вломился Рыбакин. От него сразу повеяло неуемной энергией и еще животворящими запахами кухни.

– Мужики, как насчет жареной картошки, слабо?

– Да, ладно…

– И где ты ее взял?

– Так я тебе сразу и сказал, места знать надо. Рыбак рыбака видит издалека, – он хохотнул над удачным каламбуром, – а дембель дембеля. Мои бойцы с поварами контакт нашли. А они, понимаешь ли, командира своего уважают.

– Ну и проныра же ты.

– Рем, я – организатор. У меня все схвачено, главное – поставить дело.

– Он их достал строевой подготовкой, вот они и подогнали бакшиш, откупаются.

– Марков, ты не упрощай. Я же говорю, главное – поставить дело. А толковый боец сориентируется. Еще римляне говорили, что народом надо управлять кнутом и пряником.

– Помню, ты уже как-то говорил об этом.

– И народ оценит и возлюбит своего цезаря.

– То есть тебя.

– То есть меня. Ну ладно трепать, пошли.

* * *

Сначала броня стала теплой, а к полудню – почти горячей. Апрель. Блаженство и истома. Шлемофон на голове нагрелся, но прохладный шелестящий ветерок забирался под расстегнутый комбинезон, холодил тело, иногда от его порыва пробегали легкие мурашки, а в голове рождались детские мысли о том, что это и есть счастье. Ремизов сидел на башне, опустив ноги в отверстие люка и прикрыв глаза. Шуршание эфира, обрывки воспоминаний о жизни в Термезе, монотонное движение колонн по трассе, которую они охраняли, умиротворяло, клонило ко сну. Господи, как хорошо жить! Просто жить. Если бы иногда не хотелось курить да желудок не напоминал о себе тихим нытьем, можно было бы замереть и стать сфинксом.

Эх, жизнь в Термезе… Оказывается, это была сказка, а он и не подозревал об этом. А теперь, когда за сомкнутыми ресницами открылось внутреннее видение, он начал легко созерцать картины мимолетных вчерашних дней, все волшебным образом изменилось в его недавнем прошлом. Даже командир полка стал безобидным Иванушкой-дурачком, и в этом образе Ремизов его сразу и навсегда простил. Служба сжалась до размеров утилитарной необходимости, она собирала в себя весь яд, все зло этой жизни, так что вне службы всюду вокруг светилась ничем не омраченная радость, радость самой высокой пробы. Его совсем юная жена, ставшая за полгода семейной жизни из стройной березки уточкой, была то небесным ангелом, то сладкозвучной сиреной. Теперь же все это в прошлом…

Какой же странный он – Человек. Дикие звери и прирученные машины живут сегодняшним днем, одни проводят жизнь в поисках пищи и в борьбе за выживание, другие могут безропотно и с надрывом работать, и у первых, и у вторых нет ни вчерашнего, ни завтрашнего дня. У человека все наоборот – у него нет сегодняшнего дня, он бежит из него. Вырывает из памяти фантом прошлого, борется с ним, пытается его победить, и часто побеждает. А потом, не задерживаясь ни на секунду, оседлав очередную мечту, он стремительно врывается в Завтра, но впереди его ждет разочарование, потому что победить будущее невозможно. Бороться и побеждать надо сегодня, чтобы этот завтрашний день наступил. Ремизов очнулся. По трассе с ревом шла колонна тяжелых наливников. Они – лакомая цель для «духов», взводный это уже знал, эффектно взрываются, красиво горят, что еще нужно для эстетичной и эмоциональной афганской натуры?

– Туранов!

– Все нормально, товарищ лейтенант, я наблюдаю.

– Будь внимательнее! Прощупай все дувалы и кустарник слева, – и тут же, прижав к горлу ларингофоны, запросил эфир: – «Пятьдесят восьмой», «Пятьдесят девятый», прием.

– На связи, – откликнулись экипажи машин.

– Усилить наблюдение. Быть в готовности!

Колонна благополучно прошла охраняемый взводом участок, замыкающий БТР с развернутым влево стволом пулемета проскочил мимо, и на непродолжительное время над дорогой снова воцарилась тишина.

Взводу Ремизова досталось три позиции между Чарикаром и Джабаль-ус-Сараджем. Впереди, за дорогой, простиралась та самая «зеленка», нафаршированная тайными тропами, лабиринтами дувалов, виноградников, еще дальше виднелись группы деревьев и отдельные дома – оттуда ожидалось нападение, туда и смотрел длинный и тонкий, как игла, ствол боевой машины, укрытой по башню в окопе. Сзади позиций взвода, как дно чаши, лежала луговина, где на приличном расстоянии от них паслись небольшие стада овец и другой живности. Луговина плавно переходила в предгорье, плоское, как огромный стол, и уже из него вырастал в небо чернеющий в двадцати километрах хребет. Задача выглядела простой: обеспечить на своем участке беспрепятственное движение колонн по дороге, в случае нападения принять соответствующие меры. Но вот уже четвертый день ничего не происходило – конечно, отсутствие новостей и есть самая хорошая новость… Между тем командиру взвода в его миражах рисовались картины возможного боя. Романтично. Когда-то ведь это случится. В самый первый раз. Но как только он приближался в мыслях к команде на открытие огня, миражи рассыпались.

«Стрелять в людей? Именно так, командир взвода, и именно ты отдашь этот приказ своим солдатам и добьешься его выполнения». От одной только рискованной мысли в кровь лошадиной дозой впрыскивался адреналин, а по коже наперегонки бежали колючие мурашки. Ремизов не имел этой самой психоэмоциональной подготовки (даже слов таких не знал), а она, что странно, и не предусматривалась курсом военного училища, растворялась среди других предметов. Ее, эту подготовку, экономно заменяли висевшие на стенах казарм красочные плакаты времен вьетнамской войны со звероподобными, кровожадными «зелеными беретами», рвущимися через казарменные коридоры к противоположной стене, где на другом плакате русский парень в Трептов-парке держал на руках девочку. Между маленькой немецкой девочкой и натовскими штыками возвышалось большое, хотя и выполненное в камне, но горячее и беззащитное тело русского солдата. Чтобы кого-то защитить, надо уметь делать ЭТО, а командир взвода все пребывал в состоянии юношеской мечтательности, совершенно не думая о том, что сначала стрелять начнут в него самого, в его солдат, и, может быть, чужие пули настигнут свои цели прежде, чем он отдаст команду на открытие огня. Но откуда-то с гор налетал прохладный весенний ветерок, и он отталкивался от тяжелых мыслей, успокаивался – все не так плохо – и становился уверенным, что в нужный момент он будет готов к войне и сможет сделать то, что должен.

Первое отделение находилось вместе с ним, два других – в четырехстах метрах слева и справа. Два солдата постоянно дежурили, вели наблюдение с тыла, Туранов периодически через прицел осматривал «зеленку», остальные спали. Небольшое стадо овец приблизилось на расстояние выстрела к позиции.

– Товарищ лейтенант! – Ремизов встрепенулся на крик. – Товарищ лейтенант, здесь старик, пастух, рукой машет, что-то сказать хочет.

– Саленко, подзови его и узнай, что ему надо.

– Шанобаев, разбуди людей, всем наблюдать. Если что не так… в общем, быть в готовности.

Сидя на башне вполоборота, взводный рассматривал еще одного аксакала, пытался уловить суть если не разговора, то жестикуляции. Этот действительно старый, спина согнута, в лице печаль и уважение, что-то просит. Рядом с ним, подпирая его маленьким плечиком, стоял мальчишка лет шести, может быть, внук, и помогал старику объясниться с солдатом.

– Товарищ лейтенант, – на лице Саленко вопрос смешивался с удивлением, – он ранен. Огнестрельное ранение. В плечо.

– Когда это его, выстрелов же не было слышно?

– Мальчишка говорит, час или больше назад.

– Рану обработать сможешь?

– Смогу.

– Вокруг раны – йодом, только вокруг, аккуратней. Достань ИПП и бинтуй.

– Может, промедол вколоть? Больно ему.

– Лови, – Ремизов бросил упакованный шприц с промедолом и, пока Саленко помогал старику снять чапан, вводил под кожу иглу, успел подумать о совершенно разных вещах. … *Наркотик как-нибудь спишем, строго с этими шприцами, в крайнем случае объясню, как есть, короче, разберемся. Саленко, крепкий русский парень из Подмосковья, с чуть наивными глазами, с располагающим характером, деревенский увалень, хотя и не простак, и сколько сочувствия старому человеку, афганцу.* Он с осторожностью, заботливо занимался раной, что-то негромко говорил старику. А взводный слушал собственные мысли:… *это и есть мои люди*…

Наркотик всосался в кровь, по лицу почтенного аксакала среди многих и глубоких морщин пробежала еле заметная улыбка благодарности. Он что-то достал из-за полы чапана и попытался вручить Саленко, у того на лице отразилось нескрываемое удивление.

– Ты что? Обалдел? Не надо, оставь себе, – и как бы прося у командира подмоги, громко крикнул: – Товарищ лейтенант, он деньги дает.

– Не брать! Они ему еще пригодятся.

Старик неловко замешкался, а потом неожиданно и искренне начал кланяться в пояс русскому солдату и его командиру, не зная, как еще высказать им свою благодарность. Ремизову же показалось, что в уставших старческих глазах проступили слезы, а может, и не показалось вовсе.

– Отец, прекрати, – Саленко торопливо и мягко взял его за локоть, – ты ранен, мы тебе помогли, вот и все. Давай, иди, удачи тебе, бача.

Эта странная пара побрела дальше по своим пастушьим делам, один готовился к встрече с Аллахом, другой только знакомился с этим миром. Что бы ни случилось потом, пусть и старик, и мальчик не забудут и этот день, и этих странных шурави, которые приходят на помощь и не берут денег, пусть они расскажут об этом своим детям и внукам, пусть расскажут всем. Кто-то услышит.

* * *

– Ну что, пацаны, скоро кишлаки чесать будем. – Кныш окинул многозначительным взглядом солдат пятой роты, собравшихся перед отбоем в палатке третьего взвода, и с ядовитой усмешкой добавил: – Ты готов, Олейник?

Тот неуверенно оглянулся вокруг, ища поддержки, а потом, опустив глаза в дощатый пол, неуверенно ответил:

– Готов.

– Я сейчас разрыдаюсь, он, оказывается, готов. К чему ты готов, олень, твою мать? – пользуясь неписаным, но строго соблюдаемым правом дембеля и присутствием своих приятелей, Кныш устроил показательное судилище во взводе, где уже два года служил стрелком в звании рядового. Он выглядел здоровым и крепким парнем, имел амбиции и авторитет, а также густые смоляные волосы и пышную щетку усов, отчего в батальоне его прозвали Черным.

Сержанты не вмешивались, это был обычный треп перед отбоем, ну, может быть, не совсем обычный, поскольку насмешки становились слишком обидными и злыми. «Молодые», призванные на службу в прошлом году, и кое-кто из «черпаков», что по призыву на полгода старше, молча терпели обиды, их время еще не пришло. И Кныш с Алексеевым, и Беккузиев, и их общий друг из шестой роты Абдуразаков со своим приятелем Яресько явно чего-то добивались.

– Я готов. И пулемет у меня почищен, и вещмешок собран. – Олейник упрямо и наивно оправдывался. Когда все ожидают увидеть, как ты за себя постоишь, промолчать нельзя, но все его слова не имели ровным счетом никакого значения.

– Ищанов, а ты? – Беккузиев, его земляк, подмигнул другому земляку Абдуразакову.

– И я готов.

– К бою, наверное? – тут снова вмешался Кныш, после чего и этот солдат покраснел и тоже потупил взгляд.

– И к бою готов, – врать было неудобно, но на самом деле никто точно не знал, кто и к чему уже готов, к чему будет готов через минуту. И к чему так и не сумеет подготовиться никогда.

– Рядовой Ищанов! К бою! – рявкнул с удовольствием Кныш, и Ищанов тут же, как учил боевой устав, распластался и замер посреди большой палатки между рядами двухъярусных кроватей, изображая при этом изготовку к стрельбе из автомата из положения лежа.

– Черный, ты прекращай! Хватит распоясываться в моем взводе! – Шанобаев, заместитель командира взвода, и по долгу службы, и по своей натуре не любил, когда разворачивались подобные вечерние спектакли. Но совсем их пресечь он не мог, не по зубам это, да и была у него одна небольшая проблема – в его окружении не осталось ни одного земляка, а без этой опоры в батальоне, в роте ни должность, ни звание старшего сержанта не играли решающей роли.

– Киргиз, у нас все по уставу, а этот взвод и мой тоже. Я в нем два года отслужил, а ты после учебки – только полтора. Стаж службы на моей стороне.

– Все равно прекращай, мы не в Союзе.

– В этом и дело! – демонстративно рассвирепел Кныш. – сли нас кинут на прочесывание, верняк будет бой, вот я и спрашиваю, кто тут готов? Аверьянов!

– Я, – откуда-то из-за спин раздался неуверенный, дрожащий голос.

– Ты готов?

– Я как все. Я – готов.

– Ни хрена ты не готов, – теперь Кныш обозлился по-настоящему, – а ну иди сюда, посмотрим на твой бицепс.

– И я с ним, – вместе с Аверьяновым к нему подошел Смирнов, маленький, шустрый, совсем мальчишка, больше похожий на школьника из девятого класса, чем на солдата.

– Ты зачем?

– А мы всегда вместе.

– Ну давай, шкет. Сорок раз отжаться. Каждому.

Дело не в количестве раз, а в безусловном подчинении новоявленному *деду,* в соблюдении полуфеодальных традиций. Есть рыцарь, есть вассалы, есть холопы. Кныш считал себя рыцарем, а эту большую армейскую палатку – ристалищем, где сейчас продолжалось закаливание его власти. Все молчали, только поскрипывали половицы, да тяжело дышал Аверьянов, почти касаясь их носом при отжимании. Он смог сделать только тридцать пять раз, выдохся и упал на доски.

– Слабак. – Презрительные усмешки пробежали по лицам дембелей, они самодовольно ожидали продолжения спектакля.

– Я за него, – с напряжением выдохнул Смирнов и отжался еще пять раз за товарища.

– Ты за себя отработай, – прикрикнул «режиссер» Кныш и, немного подумав, добавил: – Еще по двадцать раз. Аверьянов, пошел!

Тот безропотно согнул в локтях руки, почти упал, но все-таки выпрямил их. Потом повторил еще раз. Потом еще. Десятый раз был последним, и на его лице отразилась обида на свое бессилие. Смирнов же, немного отдохнув на прямых руках, глухо и твердо бросил куда-то всем под ноги:

– Я за него… – Теперь он дышал отрывисто и хрипло, лицо из розового стало красным, на мокрых висках, на щеках собрались капли пота. Когда Смирнов отработал и эту норму, поднялся с пола и, как бы прикрывая своим маленьким телом нескладного Аверьянова, неожиданно спокойно и незло посмотрел на Кныша: – Я еще могу, если надо…

– Черный, – не давая тому сказать и слова в ответ, воскликнул Шанобаев, – хватит уже, покуражился.

– Ладно, хватит, – по-барски согласился «дед», – молодец, шкет. Так я что говорю, пацаны. Скоро в кишлаки пойдем шмон устраивать, с «духами» биться, валить их на хрен. И мне интересно, кто у меня за спиной будет. Ты, Олейник? Ты, Ищанов? Или ты, Аверьянов? И что вы делать там будете, за моей спиной, прятаться?

– Я еще буду у тебя за спиной, – негромко бросил Саленко, – меня забыл. И Рейхерта забыл.

– Никого я не забыл. И ты, и Рейхерт впереди пойдете, – он попытался глумливо засмеяться, но его никто не поддержал, даже те, что были из одной с ним компании, – можете и вот эту парочку спортсменов с собой прихватить. И сами у взводного в дозор попроситесь, поняли?

– Поняли, поняли, не переживай.

– Страха нет, Черный.

– Ты, наверное, не за спину, а за свою задницу переживаешь. Не дрейфь, я буду у тебя сзади. Если что – прикрою, – добавил Шанобаев и заметил, как после его слов мирно заулыбались Алексеев, Беккузиев, их дружки из шестой роты. – Я – замкомвзвода, мне положено идти последним во взводе и прикрывать задницы.

– Шутишь все, киргиз. Посмотрим, как оно обернется. В человека, будь он даже и «духом», выстрелить – это не в воробья из рогатки. Не каждому по зубам.

– Шучу. А что делать? Придет время – и увидим, и разберемся. Пару дней назад к нашей позиции старик подошел с огнестрельной раной, помощи просил. Показалось мне тогда, что кто-то зубы свои проверял. Не стал я взводному докладывать.

– Что ты имеешь в виду? – Кныш вдруг побледнел.

– Какая-то сволочь стреляла в старого человека. Может, «духи», а может – нет.

– Ладно, мужики, – вмешался Алексеев, пытаясь разрядить обстановку, – разведка говорит, на прочесывании можно неплохо повеселиться, пошарить по сусекам, правда, вонь везде, как будто зачерствевшим навозом несет. У них тут много брошенных домов, а в них чего только нет… – Он мечтательно закатил глаза, давая понять, что здесь, как в далекой Индии, которую когда-то искал Колумб, есть все.

– У духов даже японские приемники есть, а за каким шайтаном они им нужны? Вот бы такую вещицу затарить! – Беккузиев зацокал языком, его маленькая мечта принимала материальные формы.

– Почему «духи»-то? Они просто местные жители.

– Днем они – местные жители и даже мирные граждане, а ночью – «духи».

– Кузя, ты своих ненавидишь? Тут каждый второй не то таджик, не то узбек.

– Ну и что? Целоваться с ними, что ли?

– Нет, лучше их грабить! – Алексеев простодушно засмеялся.

– Хватит базарить, давайте о деле говорить. – Кныш опять взял нить разговора в свои руки. – «Духи», они и есть «духи», днем или ночью – без разницы. Вот их мы и будем шмонать, и имейте в виду, по приказу командования. Только у нас есть и свой интерес. Что нашли, то – наше, трофеи, так это называется. Все по-честному. Что интересное подвернется – все в общий котел, а там поделимся. Деньги искать надо, пайсу. Кто от меня что заначит, тому несдобровать. А пушки, патроны, прочая лабуда, они никуда не денутся, понятно говорю? Хамид, ты тоже собирался что-то сказать?

– Хм, скажу, – Абдуразаков не вмешивался в дела соседней роты, только слушал, теперь же прищурился, обвел всех хитрым взглядом и приглушенным голосом произнес: – Там не только пайса будет, там и травка должна быть, анаша, план. Может оказаться чарс, такие черные столбики, или что серьезнее, у них этой дряни, как соломы. Кто ищет, тот найдет. Если вам не надо, так другим пригодится.

* * *

Закончились дежурства на дороге, а следом и ночные засады на тропах у кишлаков, во втором батальоне обошлось без столкновений, это даже разочаровывало, видимо, хотелось чего-то острого, со жгучим красным перчиком. В первом акте пьесы на шею солдату повесили автомат, все по Чехову, – он должен выстрелить. Теперь всем трем батальонам предстояло познакомиться с зеленой зоной и кишлаками. Это не входило в программу подготовки, но все случилось как нельзя кстати. Прежде чем лезть головой в пекло, надо было надышаться тревожным запахом приближающейся неотвратимой Судьбы, посмотреть ей в глаза…

Во второй половине дня полковая колонна вытянулась в направлении стрельбища, там и встала в ожидании следующего утра. По плану командования полк в течение нескольких дней должен прочесать «зеленку», в которой действовала банда Карима. Подразделения нацеливались на поиск оружия и боеприпасов, одновременно афганская контрразведка, ХАД, интересовалась мужчинами призывного возраста, кто они, с кем они, кого поддерживают. Тех, кто не служил в армии, забирали с собой.

Кишлак назывался Карабаг-Базар. Батальон развернулся фронтом к нему повзводно, минометная батарея заняла огневые позиции, боевые машины сгруппировались для маневра.

– «Контора -1, -2, -3», доложить о готовности.

– Я, «Контора-2», к работе готов, – дождавшись своей очереди, бросил в эфир Усачев.

– Вперед!

Сначала это вызвало интерес. Лица. Пуштуны, таджики, узбеки, хазарейцы… Прослужив в Средней Азии почти десять лет, он многое знал о Востоке, встречался с разными людьми, и с властью, и с простыми пахарями, немного разбирался в языках, был знаком с обычаями. И вот теперь он не узнавал ничего, как будто после книги с плохим переводом наконец-то добрался до первоисточника. Таджики, не те, с которыми он встречался в Душанбе и Курган-Тюбе, а вот эти, ему не улыбались, не прижимали руку к сердцу, не открывали своих объятий. В их домах пыльно, неуютно, там нет привычных для нас высоких белых потолков, полы, как и стены, глинобитные, комнаты маленькие, темные, многие без окон, электрического освещения нет. Дома не отапливаются, лишь в помещении, которое мы назвали бы кухней, в самом центре находится открытый очаг, где готовится пища, где можно погреться в холодные ночи. И запах… Никогда Усачев не встречал такого запаха, им пропитались люди, стены домов, сам воздух, в нем смешались гарь костра, саксауловой золы, старого овечьего навоза, эфирного масла, высушенной мяты и копченый запах одежды и тела. Столетия назад весь мир источал этот приторно-сладкий тяжелый запах, так и должна пахнуть древность, теперь же он принадлежал только Востоку. Дувалы, глинобитные ограды и постройки, переходящие одна в другую, тянувшиеся ломаными линиями, как будто бесконечно, – они совсем не походили на привычные для нас улицы, именно за ними и протекала эта неизвестная и загадочная афганская жизнь.

Командир батальона не остался в стороне от прочесывания кишлака и вместе с группой солдат из взвода связи выдвигался в составе шестой роты. Подспудно он стремился быть рядом с Гайнутдиновым, словно не доверял ему и хотел убедиться, что его сомнения безосновательны. Непрошеные гости колоннами шли вдоль дувалов, негромко переговариваясь, заглядывая в каждую дверь, щель, скользили глазами по плоским крышам домов. Их угрюмые лица не предвещали ничего хорошего. Они били прикладами по воротам, и их впускали. В каждом

дворе их встречала толпа женщин и детей. Чем богаче бача, мужчина, тем больше у него жен и наложниц, в этом ориентироваться просто.

В очередном доме по наработанной схеме взвод рассыпался на несколько групп. Группы прикрытия возглавлял лейтенант Рыбакин. Вначале они не входили в дом, а блокировали его, брали под прицел срезы крыши, окна, выходившие в переулок, виноградник и сам переулок вместе с окрестными домами. Другая часть взвода врывалась внутрь, сержант и пулеметчик занимали самую верхнюю крышу, остальные рассыпались вдоль стен, направляя стволы на окна и двери. И на этот раз, убедившись в безопасности, Усачев отдал команду вызвать Рыбакина и его людей и начать обыск.

За весь этот день, проведенный в Карабаг-Базаре, его пессимизм только окреп, а налет романтики испарился почти бесследно. Жизнь, она и есть жизнь. И никто ничего не знает о ней до конца. Мы живем в плену собственных представлений о ней, которые сами и создаем, в которых нам удобно или хотя бы привычно. Войдя в хлев, он оценивающим взглядом посмотрел на работу сапера, методично протыкавшего земляной настил, старое сено, сваленное в углу. Сапер замешкался, снова вернулся к проверенному участку.

– Товарищ подполковник, что-то есть, похоже на упаковку или сверток.

– Возьми вилы, подкапывай! – Но то, что извлек сапер, оказалось совсем не тем, что по неопытности ожидал Усачев. То был старый, грязный полиэтиленовый пакет, набитый всякой бытовой мелочью, которую у нас назвали бы хламом или даже мусором. – Что это?

– Тут какие-то женские безделушки. – Солдат вытряхнул все из пакета.

– Пожалуй, ты не ошибся, для нас это действительно безделушки. – На земляном полу рассыпались катушки с остатками ниток, гребешок, иголки, две алюминиевые чайные ложки, ссохшаяся карамелька, поломанная кукла, выцветший от времени, а когда-то цветастый платок… Сапер продолжал свою работу.

– Товарищ подполковник, еще.

Теперь он держал в руках пакет с грецкими орехами, которые здесь столь же привычны, как в России яблоки, но кто-то их спрятал под слой старого навоза. От кого это добро укрыто аж под землей? Неужели от нас? Ценности мира изменились, иголки – это и есть ценность, даже невзрачный поломанный гребешок и тот отштампован где-то за границей, возможно, в Пакистане, а значит, импортная вещь. Вошел Гайнутдинов.

– Все проверили. Да тут и искать особенно нечего, в клетушках, в их закромах пусто, лишь две бочки со жмыхом тутовника.

– Равиль, – Усачев, подчеркивая доверительность отношений, иногда называл самого опытного ротного по имени, – сколько у тебя здесь солдат?

– Здесь – двенадцать.

– Детей видел? Они голодные. Я обратил внимание, очаг холодный, сегодня здесь ничего не готовили. Если у них нет продуктов, то чем же они питаются?

– Не знаю. У нас в войну то же самое было, мать рассказывала. Ничего, выжили.

– Вот что, возьми у своих людей, у связистов по две банки консервов, немного сахара, хлеб. Когда будем уходить, отдай детям. Окажем так называемую интернациональную помощь от лица второго батальона.

– Всю страну мы не накормим.

– Ты все понял? – Комбат пропустил мимо ушей последние слова. – Выполняй!

– Есть, товарищ подполковник.

Они ушли. Проходя центр кишлака с развалинами, осевшими когда-то под дождем и снегом, Усачев со своими людьми натолкнулся на взвод разведывательной роты. И эта встреча была ему не только неприятна, но возмутила. Разведчики в составе полка в Афганистане давно, с 1980 года, и у них сложились свои традиции и свои понятия о том, как вести войну. Дерзость и напор – это оружие, но в этот раз разведчики не наблюдали за обстановкой и не были готовы

отразить нападение. Командир взвода у ворот дома хорошо поставленным ударом бил по лицу старика, что-то орал ему в это разбитое лицо, тот согнулся и получил удар ногой поддых, потом по печени, потом еще. Солдаты с опущенными автоматами стояли рядом и наблюдали за расправой равнодушно, без эмоций.

– Отставить! Лейтенант! Отставить! – кричал на ходу комбат.

– Затащите бабая во двор, – бросил своим бойцам офицер. – Я старший лейтенант! А вы кто? И в чем вопрос?

– Вы что, вы в своем уме, что вы себе позволяете? – Усачев залпом выпалил слова и вдруг на последнем слове осознал, что офицер его не слышит и не собирается слышать.

– Кто вы?!

– Командир второго батальона. Кто вам дал право?..

– А-а… Товарищ подполковник, – с издевкой протянул разведчик, – вы меня извините, но это не ваше дело. Вы здесь без году неделя, еще ничего не понимаете. Вы ни-че-го не понимаете, – он сделал акцент на слове «ничего». – Они все до одного – «духи». Продажные твари. Днем он царандой, вечером – душман. Вы сами все узнаете, уже скоро.

– И что теперь, всех бить будем? Вот так, как этого старика? Зачем же мы сюда пришли?

– Вы еще про долг скажите, про интернациональный. Я здесь зимой двух солдат положил, разведчиков! Понятно вам? Здесь должно быть оружие. Именно в этом кишлаке. И этот козел знает, где оно, нет у него – есть у других. Он знает! – переведя дыхание, спокойно, но язвительно он спросил: – Зачем пришли? А вы на партсобрании вопрос поставьте.

Все это время, пока шел напряженный разговор, Гайнутдинов стоял в стороне и слышал лишь обрывки фраз, но интонации уловил точно. Мимика его лица не выражала ничего, а внутри растекалось тепло одобрения: молодец, старлей, сечет фишку.

Кишлак наконец-то закончился, остался последний дом. Усевшись посреди двора на пне, Усачев старался лучше рассмотреть обстановку, любая страна начинается из семьи, из дома. Если поймешь капельку морской воды, ее вечно меняющийся образ, поймешь и все море.

Солдаты несуетливо и уже обыденно выворачивали наизнанку домашний скарб, ротный принимал доклады. «Справится, – мимоходом подумал о нем комбат, – лишь бы не заносило на поворотах». Под его ногами посреди двора журчал выложенный камнем арык с горной водой, до предгорий здесь рукой подать. Добротно все устроено. Если у кого дом – крепость, так это у афганцев, отгородились пятиметровыми стенами от прочего мира. За эти стены им и выходить не надо, все вращение жизни вот тут, перед глазами, – и огонь, и вода, и хлеб, и оружие, и жены с детьми.

В тени под навесом неподвижно сидела молодая женщина. Она не обращала внимания на чужих солдат, безучастно смотрела перед собой, воспринимая происходящее как испытание, данное Аллахом. Усачев оторвал взгляд от ручья. Хорошо одета, даже изысканно для этого кишлака, судя по тому, что он уже успел увидеть в других домах. «Завтра пойду с четвертой ротой, надо Аликберова посмотреть, начальник штаба вечером доложит, как у него идут дела, но надо иметь и свое мнение». Густые черные волосы небрежно спадали на плечи, их так же небрежно прикрывала черная с люрексом косынка. Лицо открыто. Женщина была непозволительно красива, и Усачев наконец-то это заметил. Он испытал внезапный прилив восхищения и потому с нескрываемым интересом продолжал рассматривать это прекрасное творение природы. Их взгляды встретились и задержались, он не смог оторваться от ее удивленных, любопытных глаз, но вдруг в мгновение они отразили неподдельный испуг: ни один мужчина в этой стране не мог так смотреть на женщину, ни одна женщина не имела права ответить на такой взгляд. В спешке юная азиатская дева набросила на лицо косынку и отвернулась.

Гайнутдинов вытащил или, точнее, выволок из проема двери, из темноты на свет, прятавшегося в глубине дома афганца. Мужчина недолго щурился, а потом выражение его лица

стало отчетливым и выразительным. Злоба. Глухая неприкрытая злоба. По виду ему было лет сорок-шестьдесят, точнее Усачев определить не мог, оставалось теряться в догадках, судя по крепким плечам и осанке – сорок, судя по морщинам на шее и лице – шестьдесят. Гго руки связаны за спиной жгутом, он не сопротивлялся, но тяжело молчал, его тело побеждено, душа – нет. Взгляд, полный ненависти, распространял вокруг себя ауру войны. Это и была война.

– Товарищ подполковник, мы его в подвале нашли, связали на всякий случай, крепкий парень и смотрит, как волк.

– Спроси, почему он прятался и почему так смотрит. Хусейнов, давай, переводи.

Тот бросил несколько фраз, в ответ – тяжелый взгляд из-под сдвинутых бровей и упорное молчание.

– Мы выполняем свою работу может быть, мы его обидели чем-то?

И снова молчание.

– Проверьте документы. Надо разобраться, кто он такой.

– Документов нет.

– Ладно, заберем его с собой, сдашь его «хадовцам».

Непозволительно красивая женщина бросилась к Усачеву, упала на колени, обхватила его ноги и устремила к нему умоляющий взгляд. Из ее испуганных глаз текли крупные слезы, сбивчивые непонятные слова натыкались друг на друга, в них отразился страх. Никто и никогда не просил так Усачева, никогда он не видел таких слез. Но он остался холоден, командир не должен отменять своих решений, даже если об этом просит женщина.

– Хусейнов, что она говорит?

– Это ее муж. Говорит, что он тяжело болен, безумен, не понимает, что делает.

– Он ничего не делает, он просто нас ненавидит. Мы не будем его убивать, сдадим местным властям. Переведи.

И после сказанных слов женщина не унималась.

– Она говорит, что «хадовцы» живым его не отпустят, убьют.

– Поздно, милая, не проси. – По его лицу пробежала тень раздражения, но взгляд тут же обрел твердость, решение принято. – Все в руках Аллаха, ты это знаешь лучше меня.

Письма? О, это осталось в какой-то другой жизни, когда он, московский курсант, грыз гранит военной науки и жирный дерн на полигонах средней полосы России. Это была любовь. И это были письма о любви. И надо же, все растрачено за эти трудные, как пересеченная местность, за эти быстрые, как росчерки трассирующих пуль, годы военной службы. Они все тогда любили, мальчишки – девчонок, девчонки – мальчишек, это такой возраст, когда нет ни камней в почках, ни камня за душой. Время необъятных возможностей и есть время любви!

«Какие чувства теперь, когда вместе прожито семнадцать лет и мы порядком надоели друг другу? Нелепость, все чувства высохли, как горный родник. А если нет, то что тогда? Что приходит на смену любви – опустошенность, привычка? Как я оказался здесь, в этой стране, на самом краю света, среди песка и щебня, среди овечьего навоза, под горячим ветром и под прицелами чужих автоматов? Это мое испытание?»

Усачев устало вздохнул, и его мысли потекли совсем в другом направлении: «А девка хороша. Если бы не их строгие мусульманские порядки, стала бы шлюхой, точно. Как смотрела, какие глаза! Это не мурашки по коже, это – озноб, это – молнии в сердце! Надо же, придумала сесть среди двора для публичного обзора, а как испуг изобразила! Артистка! От мужа отводила, внимание отвлекала, собой жертвовала. А этот старый козел трахает ее и не ценит, подставить решил. Наверняка это он приказал ей устроить публичную демонстрацию для шурави. И где она нашла такого урода? Теперь останется одна, такие, как он, не возвращаются».

К нему в комнату, кашлянув негромко для приличия, вошел Савельев.

– Товарищ подполковник…

– Оставь эту официальность, мы одни.

– Иван Васильевич, письмо вам. – Он протянул комбату белый плотный конверт с потрепанными от долгой пересылки краями. – Первое?

– Да, первое. Ладно, прочту. – Ему не терпелось сразу же вскрыть этот конверт, еще пахнущий руками жены, но он не хотел делать это при своем начальнике штаба.

– Только что был у оперативного дежурного. Плохие новости, Королев ввязался в бой, у него в батальоне потери, среди офицеров есть убитые и раненые.

– Надеюсь, ты помнишь наш недавний разговор, – в воздухе повисла тяжелая пауза. – Мы меньше месяца здесь, а нам уже предъявили счет.

– Да, предъявили… Первому батальону… Он везде был первым, вот и теперь. А разговор помню, могу только повторить, игры в боевую готовность закончились.

– И наша очередь недалеко. Но вернемся к делам. Что у нас в четвертой роте?

– Аликберов неплохо себя показал, попусту не суетился. Ну о происшествии вы знаете.

– Как это вышло?

– Все слишком просто. Взводный Турпалов, тот, что недавно из прапорщиков, бросил в подвал гранату. Там темно, клети, коридорчики, ступени, всего накручено, в общем, черт ногу сломит. В принципе понять можно, все зависит от ситуации. Но…

– Продолжай. Что – но?

– Он это сделал не из опасения. И не по расчету. Покуражиться хотел, бросил и все. Ему было безразлично, есть там кто, нет. А там ребенок… Прятался, наверное. – Савельева коробило оттого, что в это время он сам находился в четвертой роте и косвенно причастен к невинной крови.

– Я командиру полка доложил. Карцев сказал, что с царандоем все уладит.

– Хорошо, что уладит. С нашей прокуратурой так просто не уладишь.

– Что с этим бывшим прапорщиком делать будем?

– С Турпаловым? Да ничего. Понаблюдаем. Для войны все сгодится, и такие нужны, не на курорте же мы.

– Ты действительно так думаешь?

– Иван Васильевич, я же не в друзья его беру.

Савельев ушел.

«Милый мой, хороший! Как ты там? Я даже спрашивать не знаю о чем. Жду твоего письма, поговори со мной…

А у меня новость. Устроилась на работу, теперь буду экономистом в универмаге на рынке. Сначала меня приняли в „Салон красоты“ бухгалтером на правах главного, я боялась, что не справлюсь, я ведь уже давно не работала бухгалтером, но директриса уговорила. А потом уговаривала, чтобы я не уходила, наверное, я ей приглянулась. То работать негде, а то сразу в двух местах предлагают.

В воскресенье ходила с детьми в церковь. Прослушали службу, помолились за тебя, как сумели, свечки за здравие поставили, а я поплакала. Нам все замечания делали, то не так руки держим, то крестимся неправильно. В общем, умных вокруг много…»

Не дочитав до конца, Усачев уронил письмо на грудь, его ресницы вздрогнули в последний раз и слепились в крепком сне.

…Это был странный музей. Здесь требовалось ко всему прикоснуться, все потрогать. Если ты не решался так поступить, вещи сами тянулись к тебе. Материя обволакивала плечи, рукоятка старого кинжала раскрывала кисть руки, экспонаты втягивали тебя, окружали, словно брали в плен. Присядь на кушетку, отдохни, возьми пиалу с чаем, попробуй плов – он настоящий, съедобный, – вглядись сквозь чадру, увидишь лукавые глаза, вдохни дым очага – он незабываем. А пыль… Это нестрашно, ветром времен сдует все или хотя бы сквозняком.

Усачев проснулся. Ерунда какая-то, ему никогда раньше не снились сны, наверное, стал стареть. Он подошел к зеркалу, потрогал лицо, посмотрел себе в глаза – рановато еще, но с природой не поспоришь, что-то неуловимо менялось, и не столько внешне, сколько там, за оболочкой зрачков. И это было правдой. Уже светает. Через час батальон снова отправится из Баграма в зеленую зону. Он бросил взгляд на распечатанный конверт, на письмо жены. Поговори со мной… Поговори со мной… Когда вернусь…

* * *

Поставив взводам задачи на предстоящую зачистку, командир роты отозвал Ремизова в сторону.

– Давай покурим. – Мамонтов неторопливо затянулся, помолчал. – Вчера мы первую по-настоящему серьезную акцию провели, и твой взвод, и другие действовали самостоятельно. Хороший опыт. По сравнению с ним ночные засады – это ерунда, это не в счет. А ты мне ничего не доложил.

– По оружию и боеприпасам я доклад произвел. – Ремизов напрягся.

– Формально – да. А по существу? Как в кишлаке прошло, как население, как личный состав себя вел? За взвод Хоффмана я знаю, сам с ним весь день ходил. Марков перед отбоем подошел, мы поговорили, а ты – в стороне.

– Мы вернулись в сумерках. Пока поужинали – уже звезды.

– Да знаю я. Устали все. Понимаю, но…

– Во взводе все нормально, товарищ капитан.

– И это я знаю. Думаешь, мне информация не поступает? Но ты-то не подошел, не посчитал нужным. – Мамонтов затянулся дымом сигареты, и пауза получилась многозначительной. – Догадываюсь, как ты ко мне относишься, недолюбливаешь, но ведь нам служить вместе. И, поверь мне, самое легкое – это критиковать, всегда найдешь, за что зацепиться. А самое сложное… Ты знаешь, что самое сложное?

– Не думал об этом. – Ремизов машинально пожал плечами.

– Наверное, побывать в чужой шкуре, на чужом месте. Я не предлагаю тебе попытаться, но… – Мамонтов искал в своем небогатом лексиконе нужные слова, потом плюнул на все. – Мне, что ли, нужен этот афганский винегрет и эта высокая честь командовать мотострелковой ротой? Вы, молодые, усмехаетесь надо мной, над моей комплекцией, а мне-то здесь каково? С сердцем проблемы, давление зашкаливает, а какая-то сучара, обойдемся без имен, воткнула меня сюда, хотя состояние моего здоровья ни для кого не секрет. Конечно, я сам виноват, подставился. И в итоге мне определили вот это место, а у тебя, Ремизов, как-то не спросили, согласен ли ты с этим.

– Я всего лишь командир взвода. – Ремизову стало неприятно выслушивать навязчивые откровения, словно ему доверили неприличную тайну и он не знал, что теперь с ней делать. – Мне приказывают – я выполняю.

– Не упрощай. Ты же офицер… – Мамонтов помялся, разговор не клеился, но вопросы уже были поставлены. – Так что давай налаживать нормальные отношения.

В небо от машины командира батальона взлетел пепельный шипящий шар сигнальной ракеты, лопнул на высоте двухсот метров, превратившись в три красные звезды. Ремизов с облегчением вздохнул: воспитательная беседа исчерпана, и ему не придется давать никаких обещаний о взаимопонимании, верности и преданности.

– Нам сигнал, товарищ капитан.

– Вижу. Ну так ты доложи, когда вернешься. – Мамонтов оглянулся, уходя, и, хитро прищурившись, как игрок, который уже сделал ставку, добавил: – Потрафи ротному.

В Карабаг-Карез входили взводными колоннами с интервалами между ними по триста-четыреста метров. Каждому взводу – свой переулок. Задача та же: искать в домах, в дувалах оружие и боеприпасы. По разведывательным сведениям, здесь очень часто бывают банды, возможно, есть и склады с их имуществом. В общем, задача, ставшая для контингента шаблонной, а молодому офицеру к тому же и любопытная.

Их ждали. В первом же доме у открытых ворот Ремизова встречал сам хозяин, мужчина лет сорока-сорока пяти со светлым приятным лицом. Он говорил приветственные слова, кланялся, приложив руку к сердцу, натянуто улыбался, и не надо было быть тонким психологом, чтобы почувствовать его нервозность. Любой будет нервничать, когда в дом войдут двадцать автоматчиков, готовые тут же открыть огонь, готовые еще бог знает на что, – здесь вообще не надо быть психологом. В них была власть. Они сами были власть, и их боялись. Это чувство надо пережить, чтобы понять, как оно пьянит, как оно разогревает кровь. И многим оно кружило головы, кружило, а потом отрывало. Напрочь… Ремизов, эмоциональный от природы, не поддавался этой обычной, такой естественной слабости. То, что давалось в руки легко, всегда настораживало – бесплатных завтраков не бывает, – и эта пришедшая в руки власть его нисколько не привлекала. Но афганец гостеприимно и подобострастно клонил голову и приглашал в дом.

За спиной хозяина по левое и правое плечо стояли два его сына. Сложив руки на животах и покорно опустив головы, они ждали слов отца или распоряжений пришельцев. За ними плотной гурьбой в цветастой одежде вместо паранджи, в ярких платках, также опустив головы, стояло много женщин. Кто-то из них из-за спины хозяина и мужа передал на расписном подносе большую румяную лепешку. Ее только что испекли, и она дышала давно забытым сладким хлебным ароматом. Их действительно встречали.

– Здравствуй, бача! – Ремизов, удивленный торжественным приемом, непроизвольно улыбнулся. – Как зовут?

– Салам алейкум, мохтарам! Здравствуй, уважаемый! Я – Насрулло, я – хозяин. Ты – командор, ты – гость. – Он собирал воедино русские и афганские слова и не разгибал спины. – Прими мой бакшиш, подарок, хлэб.

Взводный вопросительно посмотрел на лепешку и, тут же поймав этот взгляд, Насрулло отломил кусочек с краю и откусил.

– Да, хуб, хуб, хорошо.

Ремизов передал хлеб солдатам.

– Хозяин, спасибо за бакшиш, ташаку. – При этих словах афганец наконец-то выпрямился. – Мы посмотрим твой дом. Обыск, понял, да? Обыск.

– Хуб, хуб, смотри, я понял.

– Все, кто есть в доме, должны находиться во дворе. Ты сам будешь со мной, убедишься, что мои солдаты ничего не возьмут. Понял? Хайдаркулов! Переведи слово в слово: все, кто есть в доме, – находятся во дворе.

– Понял, командор, понял, шурави хуб.

– Ты уж извини, Насрулло, мы все перевернем вверх дном, но у тебя много ханум, они потом приберутся, хуб?

Хайдаркулов перевел, и тот понимающе закивал.

Искали и щупали все внимательно, как и вчера. Ремизов лично обошел все помещения, проверяя работу и продолжая удивляться примитивному афганскому быту. В комнате для приготовления пищи – открытый очаг с подвешенным котлом, немудреная алюминиевая утварь, в низких соседних комнатах с глинобитными стенами шкафы с фарфоровой посудой и низкими столами. Прошли комнату без окон для курения кальяна. Комнаты в женской половине дома выходили окнами во двор или вообще не имели окон. В угловой комнатке располагалась уборная с обязательным кувшином для гигиены. Почти во всех помещениях лежали одеяла и

подушки – много одеял и подушек – и еще сундуки с одеждой и побрякушками. После тщательного осмотра все это женское богатство в беспорядке валялось в пыли на глиняном полу. В подвалах, в темных клетях, в хлеву прощупывали хворост, сено и навоз, выковыривали на свет божий каждую мелочь. Здесь же, в подземелье, хранились и запасы семьи, десятки мешков с мукой, кукурузой, рисом, что обычно для зажиточного дома, но в одном из отсеков Ремизов удивленно воскликнул:

– Насрулло, а ты богатый хозяин! – Перед ним от пола до потолка, устилая всю комнатку, возвышалась гора изюма. – Кишмиш?

Насрулло засиял от такой похвалы.

– Бакшиш, бакшиш, дарю. Бери, сколько хочешь.

– Ташакур, возьму обязательно. Хайдаркулов, вещмешок пустой сюда, быстро. Как раз к солдатскому пайку.

На том и распрощались. Без обид. В следующем доме их встречали без улыбок, настороженно и с испугом. Здесь вообще не оказалось мужчин. Толпа бесприютных женщин и детей из-под платков, исподлобья рассматривала чужих солдат.

– Всем оставаться во дворе. Вы нам не нужны. Проведем обыск и уйдем. – Ремизов говорил коротко, не вдаваясь в подробности. – Первое отделение – за работу.

Тряпки, хворост, навоз полетели во все стороны. Ремизову эта картина разгрома была неприятна и унизительна. Такая работа, убеждал он себя, и вид пулеметчика на крыше утверждал его в этом мнении. Где хозяин? Не стал ждать прихода шурави и ушел. У него есть причины, чтобы скрываться, есть причины.

– Искать тщательно.

Женские тряпки его не интересовали, а вот навозом он занимался лично. И они кое-что нашли. Гильзы от патронов. Много. Из дома стреляли. Когда, в кого, из какого оружия? Пустые пулеметные ленты. Могли и дети принести с улицы.

– Товарищ лейтенант, мины для миномета, две штуки.

– Боевые? Осторожнее с ними, зовите сапера.

– Сапер не нужен, они без взрывателей.

– Отнеси к Шанобаеву, и дальше ищите.

Но больше в этом доме ничего не нашли. С женщинами разбираться не стали. Они могли бы что-то рассказать, но Ремизов не хотел хотя бы краем впутывать их в мужские дела. Особенно в этой стране. Именно в этой стране. Что бы ни происходило вокруг: война, строительство мусульманского или народного государства, им все одно – горе, и ничего кроме горя.

Солнце поднялось высоко. Здесь, на тридцать пятой широте, оно всегда поднимается высоко и печет даже в апреле. Люди Ремизова уже порядком утомились копаться в навозе, хворосте, грязном тряпье, обнюхивать и прощупывать чужие жилища – все и везде одно и то же. Но они монотонно, как заведенные продолжали выполнять свою по-настоящему грязную работу. Выйдя из очередного дома, взвод двинулся дальше вдоль прозрачного ручья с каменистым дном и ледяной водой. Пыльные армейские ботинки вытаптывали мятную поросль, и следом за взводом стлался душистый запах травы, смешанный с влажным, освежающим дыханием ручья и ароматом цветущих абрикосов.

Дозор шел впереди взвода на пятьдесят метров, в пределах визуального контроля и надежной поддержки огнем. Аверьянов, пулеметчик, шел первым. Он не был лучшим или самым расторопным, не был смелым и особенно сообразительным, более того, он прослужил только полгода, но по должности он – пулеметчик, и его РПК находился в готовности к бою. Выбирать Ремизову не приходилось: не из кого. Все они, кто составлял его взвод, не имели ни опыта, ни стоящей подготовки, а риск при любом раскладе кто-то должен брать на себя. Следом за ним, осматривая справа дувалы, шел Рейхерт, крепкий сержант из тех, кто никогда

и нигде не пропадет и на которого взводный надеялся. Третьим шел Саленко, смекалистый, наблюдательный, не из трусливых, но и не из дерзких. Он снайпер и мог бы никогда не попасть в дозор – не его это работа, – но этот парень цементировал всю тройку, а в чем-то и весь взвод. И еще он хорошо стрелял. В задачу Саленко входил левый сектор.

Уже осмотрели семь или восемь домов, но без результата – гильзы, пустые пулеметные ленты, старый мультук результатом не считались. Люди молча переставляли ноги, усталые, одурманенные абрикосовой пыльцой и благодушием весенней природы. Дозор неспешно втянулся в очередной поворот тропы… Раскатистой, многоголосой дробью ударили автоматы. Внезапно, вдруг… Мир сжался в комок нервов и грохота. На стене дувала, над самой головой Саленко, пули вычертили ровную строку из коричневых фонтанов. «Вперед», – сам себе дал команду Ремизов и рванулся к дозору, забыв о других солдатах, которые остались за спиной и от которых он ничего не ждал – ни подвигов, ни поступков. Тут же почти в ухо он услышал частое дыхание бегущих за ним, клацанье затворов, оглянулся: Алексеев и Кныш. Мужики.

– Прикройте дозор! По полному рожку! Не высовываться! Я их прижму с тыла.

Перемахнув через дувал, провалившись по щиколотку в рыхлую и влажную землю виноградника, он начал титанический бег по взрыхленной борозде наперерез «духам». Вопрос состоял не в том, чтобы отбиться, а в том, чтобы победить. И он бы не смог ответить, если бы у него спросили, чего именно он так страстно желает в этот момент. Внезапно проснувшиеся инстинкты не успели подсказать ему правильный ответ, упрощенный до звериного хрипа в легких. Он хотел крови, он хотел увидеть, как они умрут.

Легкие жгло раскаленным воздухом – сколько позади кроссов и марш-бросков, но такого он не помнил – ноги проваливались во взбитые мотыгами борозды, бедра каменели, а слева за стеной не утихала бешеная стрельба. Значит, живы. Надо успеть раньше. А долгая борозда все не кончалась. И до того как он успел перемахнуть через дальний дувал, там, за этой стеной, так же внезапно стрельба прекратилась. Вырвавшись в переулок, бросив взгляд влево, вправо, он наудачу пустил очередь вслед убегавшим «духам» и в оцепенении пошел навстречу к солдатам.

– Все целы, никого не зацепило. – Алексеев тяжело дышал, но горячий румянец на его щеках говорил о торжестве. – Мы дали им, мы дали!

Ремизов оттаял, глаза повлажнели, тяжелый камень упал с груди.

– Рейхерт, ты все видел, доложи обстановку.

– Их пятеро было, все в плоских шапочках, одна из них женщина в малиновой одежде. Они нас не ждали, а то покрошили бы в капусту, тут расстояние меньше ста метров. Мы упали, начали долбить, как придется, тут уж не до прицеливания.

– Аверьянов, а ты как?

– Пронесло, товарищ лейтенант, я стрелял, два рожка выпустил.

– Перезарядил, значит. Ну а что ж не попал?

По лицу Ремизова блуждала улыбка. Их, этих мальчишек, десять лет в школе на примере отцов и дедов готовили к подвигу. А вокруг – оглянись – сколько лет ничего не происходило, пятилетние планы, партийные съезды, дутые показатели роста. БАМ, грандиозная стройка последних десяти лет, и ту закончить не смогли. И вот им дали шанс. Теперь и эти ребята причастны к великим свершениям. Да и черт с ним, что не попал, себя отстоять смог – и то слава богу.

Аверьянов, бледный, все еще дрожал от перенапряжения и смущенно произнес:

– В следующий раз попаду.

– Молодец, Аверьянов, не дрейфь, теперь пойдешь за мной. Саленко, ты как? Это не на зайца в подмосковных лесах охотиться.

– А хоть бы и на зайца. Что здесь, что там, главное – все видеть и слышать, двигаться осторожно. – Он отважно посмотрел на взводного. – Конечно, когда очередь над головой в дувал ударила, думал все… конец. Однако жив. Поохотимся еще.

Ремизов оглянулся на других солдат, которые послушно подтянулись на место недавнего боя. Опустившись на корточки, они сидели у дувала и ждали своей участи, дальнейшей команды. Олейник прижался к глинобитной стене, для него главное – пережить сегодняшний день. *Господи, помоги.* Ищанов за его спиной шевелит губами, считает, сколько дней осталось до дембеля. *Сто семьдесят девять дней.* Беккузиев побледнел, это видно и на его смуглой коже. *Пусть Черный под пули лезет, ищет приключения на свою задницу.*

– Всем наблюдать! – во весь голос крикнул Ремизов. – В своем секторе! Сопли не жевать, увидел – бей! Алексеев – в конец колонны к Шанобаеву, обеспечить тыл.

Взвод пришел в движение, люди, озабоченные первым явлением войны, были сосредоточены и напряжены. «Теперь они знают, чем пахнет настоящий порох, но главное, чтобы не испугались, – мимоходом скользнула мысль, – еще поживем».

– Товарищ лейтенант, можно я буду рядом с вами, – его догнал Кныш.

– Это еще зачем?

– Ну что-то вроде телохранителя, с вами интересней.

– Да? Вот уж не думал. Ну оставайся, наблюдай справа.

Время уже давно перевалило за полдень. За последние пять часов взвод Ремизова прошел, судя по местности, более десяти километров. Ноги легонько постанывали, из-под панамы на брови и виски сочился пот, яркое, совсем не апрельское, солнце рассеивало внимание. Кишлак казался бесконечным, а они все шли и шли, уповая только на компас, поскольку в бесчисленных, не обозначенных на карте переулках уже столько раз меняли направление, что определить свои координаты среди высоких дувалов и виноградников Ремизов и не пытался. Где-то впереди лежало небольшое озеро, вблизи него он рассчитывал сориентироваться наверняка. Теперь он шел во взводе первым. Так было проще выбирать направление в зависимости от местности и вести людей, а его уверенность в себе, готовность к бою достигли верхнего предела, азарт охотника смешался с азартом волка. Первый настоящий бой взбодрил взвод, с той минуты каждый солдат знал, что это такое. А командиру взвода вдобавок было важно, чтобы сегодня не случилось никаких осложнений, пусть память о боевом крещении будет чистой, как чистая победа. Сегодня не должно быть раненых, а об убитых он еще не умел думать. Несколько раз среди дувалов мелькали те самые плоские шапочки, паколи, видел он и женщину в длинной малиновой рубахе – молодая, стерва, – но прицельно выстрелить ему ни разу не удалось. «Духи» их не оставляли, кружили, как стервятники, стараясь подкараулить и застать врасплох. Но это только подогревало интерес, шла настоящая охота, в лицах Саленко, Рейхерта, Кныша взводный видел хищные взгляды и хладнокровный расчет настоящих солдат. И его это радовало и даже забавляло.

Каждый боец вел наблюдение в своем секторе, кто слева, кто справа, не отвлекаясь ни на что вне своего сектора. Так требовал командир взвода. А он, как начинающий доктор наук, вписал в первый лист своей будущей диссертации: наблюдать и видеть есть главная заповедь, невыполнение заповеди влечет смерть. Каждая будущая заповедь в его науке войны будет заканчиваться таким же предупреждением. Сам он смотрел только вперед, в своем секторе. Прошли очередной трехэтажный дом – крепость с толстенными воротами из карагача, проводить его осмотр они не успевали, торопились, взвод давно потерял соседей и слева, и справа, и лейтенант спешил выбраться к озеру. Краем глаза, боковым зрением он скорее почувствовал, чем увидел, что эти мощные ворота пришли в движение.

– Сто-ой! – Ремизов рявкнул, даже не успев повернуть головы.

Метнулось голубое пятно. Правая рука с автоматом и указательным пальцем на спусковом крючке рванулась в сторону. Он так и не успел повернуть голову и совместить линию ствола с целью. Ударила очередь. Три патрона. Створки захлопнулись.

– Кныш, ты?

– Он не выполнил команду.

– Второе отделение! Блокировать дом. Третье, переулок в обе стороны под контроль. Первое, со мной. Приготовить гранатомет. Врываемся в дом – пулеметчик на крышу. Искать и найти!

Взрывать ворота не потребовалось, они оказались не запертыми изнутри на брус. Значит, тот, в голубом, или не успел их закрыть, или просто убежал, а может быть, ворота с той стороны находились сейчас под прицелом. Обменявшись взглядами, Ремизов и Кныш рванули створки на себя. Два автоматчика, пригнувшись, бросились вдоль стен внутрь и вдруг остановились. Двор был битком набит женщинами и детьми, а перед ними лежал лицом вверх в разметавшихся легких одеждах тот самый парень. Ремизов, несмотря на свою сентиментальность, помнил и другую заповедь: убедись, что обстановка под контролем, и только тогда действуй. Заниматься женщинами не время, а тот, кто под ногами, опасности не представлял.

– Занять дом… твою мать, не стоять, рассредоточиться. Пулеметчик, вперед! – убедившись, что его команды выполнены, он подошел к парню. – Бача, вставай.

Тот в ответ дернул головой два раза, приоткрыл красивые смоляные ресницы и снова их закрыл. Выглядел он на семнадцать лет, еще не мужчина, но уже достаточно взрослый, других же мужчин в доме не оказалось.

– Вставай, сука! – Ремизов, возбужденный и злой, ударил его по ребрам ботинком, нервная нагрузка опять достигла пика, но тот никак не отреагировал. – Ну! – Потом, выдержав паузу и как бы следуя своим мыслям и интуиции, он наклонился над ним, провел рукой по лицу, шее, груди.

– Может, он ранен? – Алексеев тоже внимательно рассматривал афганца. – Не похоже, чистый совсем, входных отверстий нет.

– А вот смотри, две капельки, как спичечные головки, и тут чуть размазано.

– Придуряется он. Или язык со страха проглотил.

– Кныш, кончай трепать, переворачивай.

Тот сделал, что ему приказали, и медленно приподнялся. Ремизов же отшатнулся в сторону – там, где должна находиться спина, позвоночник, зияло жестокое кровавое месиво величиной с тарелку.

– А вот тебе и выходное отверстие.

– Вот тебе и наши маленькие пули. – Ремизов не мог на это смотреть и отвернулся. Его случайный взгляд скользнул по лицу Кныша, оно излучало спокойствие, сдержанность, а в уголках рта плохо скрывалась самодовольная улыбка.

– Кныш… ты что?

– Он не выполнил команду.

– Обсудим позже. Второе отделение, в дом, все обыскать, вывернуть наизнанку. Здесь что-то должно быть. Иначе мы этот труп ничем не объясним.

Женщины, жены и наложницы, дочери хозяина, а их только на взгляд скопилось более пятнадцати человек, все это время сидели во дворе вдоль стен и молча смотрели на происходящее. Ни вскрика, ни плача, ни стона – ничего. Хозяин оставил их на волю Аллаха и явно скрывался, значит, знал за собой вину. Он также знал, что шурави не воюют с женщинами, и опасаться за своих ханум и духтар ему не приходилось.

– Чей это сын?

Опять молчание. Мужчины, особенно мальчишки, русский язык понимали неплохо; ханум, словно домашняя скотина, умели только молчать, и все-таки Ремизов повторил снова:

– Чей это сын?! Он не выполнил приказ и теперь убит. – Поняли – не поняли, объяснение закончено.

Сержанты доложили об окончании обыска. Результат не слишком обнадежил: лента с патронами для крупнокалиберного пулемета, мультук образца девятнадцатого века, гильзы…

Но все-таки хоть какие-то трофеи, было бы хуже, если бы не нашли ничего. Они собирались покидать дувал, когда Саленко вытащил из подвала мальчишку лет четырнадцати. Тот упирался, но, увидев вокруг много людей с оружием, обмяк и уже не пытался сопротивляться.

– Смотрите, что я нашел, этот зверек укусить меня хотел.

– Кто такой? – жестко спросил Ремизов.

Мальчишка то смотрел ему в глаза, то отводил взгляд, но на вопрос не отвечал.

– Хайдаркулов, спроси, чей этот дом? Кто его отец? Кто он сам и кто этот убитый?

Солдат произнес несколько фраз на таджикском. Мальчишка нервно вздрагивал, крутил опущенной головой, он был напуган, но не настолько, чтобы это назвать страхом.

– Он не хочет ничего нам говорить, а тот парень ему вроде брат.

– Не хочет? Посмотрим, а ну выведи его со двора. К стенке! Сейчас захочет.

Мальчишка стоял у высокой глухой стены своего родного дома и все так же молчал. Он никого и ни о чем не просил, не плакал. Только его бегающий взгляд говорил о том, что он понимал, что произойдет дальше. Зрачки трех автоматов смотрели ему в грудь. Предохранители сняты. Патроны в патроннике. Чужие солдаты что-то кричат ему в лицо.

– Хайдаркулов, спроси его еще раз.

– Товарищ лейтенант, он, наверное, ничего не знает, он боится.

– Не знаю, чего он боится, но автомат в этом возрасте они все держат хорошо.

Мысли, как сноп искр, носились у Ремизова в голове: «Это же готовый мститель, они же все безжалостны. Это у меня есть причина и следствие, сострадание и гуманность. У них – выстрел в спину. А этот бача – зверек, последыш своего отца. В доме патроны, где-то и оружие есть. Кто бы знал, прошел всего месяц, как мы здесь, а мир сломался. Окончательно, навсегда. Так что же делать?»

– Товарищ лейтенант, – Кныш тронул командира за локоть, – вы не знаете, что с ним делать? Давайте я его шлепну.

Ремизов на мгновенье остолбенел, этот солдат читал его, как книгу.

– Он будет мстить за брата, и еще неизвестно, сколько наших положит, с ним надо кончать. Вы идите, я сам все сделаю.

– Ты что, с ума сошел! Он же еще пацан! – Чужие мысли, высказанные вслух, вернули реальность, он вдруг понял, что не сможет убить безоружного человека.

– Ну и что. У них же кровная месть. Это не детские игры. Это закон. – Рассуждения Кныша четкие, строгие, ясные, в них была только логика и совершенно не было эмоций.

– Я знаю, и ты почти прав. Но только почти. Он еще ничего не совершил, никого не убил. Ни-ко-го! Убьет – и на него пуля отыщется. Ты понял меня?! А теперь все, разговор окончен, мы уходим.

* * *

Ночью он спал крепко, сном праведника, словно проваливаясь в небытие, черно-белые и цветные миражи придуманного мира его тревожили нечасто. Но вот перед сном, в полудреме, мысли постоянно уносились вдаль, выцарапывали из прошлого бессвязные эпизоды, копались в них, и эти мозаичные пятна переставали быть радостными. Он вторгался в чужие миры, оставляя свой собственный мир беззащитным…

Жена не пришла его провожать на пункт пограничного контроля. Другие девчонки пришли, смогли добраться, она – нет. Оправданий или упреков для нее он не искал, сквозь сон проступал, нарастал холодный и строгий, как мрамор, факт: она не пришла. Горечи не было – только четкие контуры уже вчерашней действительности, как будто он – посторонний наблюдатель и не более. Тонкие, удалявшиеся фигурки чьих-то жен и подруг… Вот они долго машут вслед уходящей колонне, кто-то вытирает слезы. А им в ответ машут все, и солдаты тоже, для

которых эти чужие женщины стали последним из того, что мы называем родиной. И вот уже в который раз видение беспричинно и неожиданно рассыпалось на крупицы матовой слюды. Она не пришла…

У этого парня была красивая одежда. Голубое, почти бирюзовое, мужское платье, и какие грязные пятна мы оставили на нем. И лицо у него светилось благородством. Мы убили его. Зачем?.. А они даже не закричали, все у них тут, на краю света, не по-людски, ну, значит, так угодно Аллаху. И Бог у них другой.

Ущелье пяти львов

Теплая и по-весеннему уютная долина осталась внизу. Батальон четвертые сутки карабкался по предгорьям, отрогам, хребтам. Вверх, вверх и вверх, туда, где вся земная суета становилась мелочной и теряла какой-либо смысл. Постижение этой истины давалось нестерпимо трудно. Ноги наливались свинцом и уже не реагировали на сигналы, бегущие к ним по нейронам, лямки тяжелых вещмешков до режущей боли заламывали назад плечи, между лопаток непрерывно скатывались капли едкого пота, а где-то внутри легких на каждом вдохе ощущалось незатухающее пекло. Это длилось почти непрерывно с восхода солнца и до той поры, когда лягут густые сумерки, – настоящая, изнурительная пытка, чистилище перед работой, к которой они, военные, предназначались. Такой из века и был и есть армейский труд! Всей своей болью, мукой, всем своим отчаяньем они завоевывали право спустить курок! По ночам вдруг становилось холодно, никто не спал, дремота обволакивала все вокруг, резала глаза, но стук собственных зубов и замерзающие ноги постоянно возвращали сознание. Сквозняк, постоянно тянувший с востока, не оставлял шансов согреться. Они были обычные люди, слабые перед злым гением природы, и только на штабных картах в Кабуле и Баграме их именовали подразделениями со штатными номерами и аббревиатурой.

Усачев мерз, как и все, как последний бездомный пес… *твою мать, от чего загнешься, не знаешь – не то от пули, не то от холода. Так весь батальон можно заморозить.* Но к его удивлению и после третьей ночи никого не знобило. Солдаты, очумевшие от усталости, грязи, холода, от окаменевших консервов, упорно, настойчиво продвигались в глубь Панджшерского ущелья по его южным хребтам.

Картина событий даже ему, комбату, представлялась смутной. Несколько батальонов параллельно друг другу вгрызались в горный массив, протаптывая рублеными подошвами армейских ботинок каждую господствующую высоту. Педантично. Без исключений. Каждую высоту. По логике – правильно, это называлось выдавливанием противника с занимаемой территории, но по сути… Люди надрывались настолько, что к вечеру в их глазах не оставалось ничего, кроме отрешенности и пустоты. Иногда казалось, что нет сил, и остается только упасть и сладко умереть, не добравшись ни до вершины, ни до спасительного второго дыхания, но левая нога делала шаг, и правая тоже делала шаг, а потом снова левая и снова правая.

И они шли. Вершина, как ощутимая, доступная взгляду цель, манила к себе, помогала идти, какая-то новая воля заставляла поверить, что все можно преодолеть, все, включая себя. Гора, которая снизу больше, чем весь Гиндукуш, становилась меньше, сглаживалась, превращалась в какой-то невзрачный каменистый холм. И одна-единственная мысль методично и зло все стучалась и стучалась в мозгу: это надо сделать. Надо. Надо…

Многие из покоренных высот могли бы быть обработаны артиллерией под наблюдением стереотруб и биноклей. Снаряды, что ли, жалели? Кто бы пожалел солдат… Каждое утро по радиосвязи поступало указание, на какой рубеж выйти к вечеру. Петлял бы под ногами русский проселок, и вопросы у комбата не возникали бы, но его люди шли по горным тропам и песчаным осыпям, несли на своих плечах тонны оружия, боеприпасов. Захватывали высоту, перевал, спускались вниз к очередному кишлаку, прочесывали его, снова шли вверх к новой высоте, выбирали место для ночного привала. Он ничего не мог изменить и еще больше замкнулся в себе. Даже от него, военачальника со звездами подполковника на погонах, принятие решения не зависело, требовалось только выполнение. Седым, холодным утром четвертого дня впереди раздалось два взрыва.

В голове батальона шла шестая рота, Мамаев вышел с ней на связь.

– «Гранит», у нас два подрыва, есть потери, ротный и первый взводный ранены. – Голос связиста был взволнован, срывался.

– Узнай точно, фазу доклад. – И, обернувшись к комбату: – Товарищ подполковник, Гайнутдинов и Фоменко ранены.

– Началось, Володя. Вот и мы поддержали почин первого батальона. Сообщи в полк и вызови «вертушки».

По склону хребта, придерживая на груди автомат, к ним бежал Савельев.

– У нас четверо раненых. Один – тяжелый, бывшему ташкентскому курсанту полчелюсти осколком срезало. У Гайнутдинова и Фоменко, и еще одного бойца осколочные ранения ног и рук, кто-то из них растяжку ПОМЗ сорвал. А вообще-то обошлось, могло быть хуже.

– Действительно, обошлось. У этой мины каждый осколок убойный. Надо увеличить интервалы в колонне, доведи до офицеров. Пока всем привал, ждем «вертушки». – Когда роты выполнили его распоряжение и остановились, продолжил: – Теперь твои предложения, начштаба, что будем делать с шестой ротой?

– Шестую – в замыкание. Я предлагаю впереди поставить четвертую Аликберова. Пятая исключается, с Мамонтовым мы потеряем темп и не сможем выполнить задачу. Пусть уж войдет в ситуацию, а там посмотрим.

– Знаешь что, – Усачев сделал паузу, – так и поступим, но у нас нет другого ротного.

– Он к вам насчет отпуска обращался?

– Мамонтов? Да, подходил перед операцией. Мы только начали работу, а он уже торопится. Рейд закончится, отправлю его.

– Пусть идет, вот только бы Гайнутдинов из госпиталя вернулся. У нас будет время поразмыслить, взводных в пятой посмотреть. Думаю, что Мамонтова надо менять.

– Я поговорю с командиром полка, он должен понять.

– Сначала надо подобрать кандидатуру, тогда и обращаться, иначе все впустую. Карцев прежде всего командир, ему чехарда в управлении не нужна, а тем более в самом начале операции. Лучше повременить. – Савельев, как всегда, был логичен.

– Ладно, будь по-твоему, выждем момент. Как там люди в шестой?

– Под впечатлением. Крови слишком много.

– Роту в тыловое замыкание. Рыбакина ко мне, останется за командира. Справится.

* * *

Горы… Взбунтовавшаяся твердь земли… Об их величии Ремизов слышал с пластинок Высоцкого, чей рвущийся голос заставлял напрягаться и сопереживать. Предчувствовал горы, видя кадры документального кино. Но все это оставалось чужим впечатлением, и никак он не предполагал, что его собственное впечатление окажется намного сильнее. Русский человек создан и воспитан равнинами с их березовыми рощами и дремучими лесами, с волнами пшеницы в бескрайних степях, с мелкой рябью холодных северных озер и широкой гладью южных рек, он – дитя своей земли. И он трепещет перед картинами русской природы, потому что знает, как легко ее погубить, как хрустально все то, что так дорого сердцу. Сколько испытаний выпало человеку и его природе, они сплачивались в такие времена, словно их соединял общий враг. А когда душа наполнялась счастьем, пропитывалась слезами освобождения от суеты, не природа ли смотрела в глаза прощенного ею человека?

Горы оказались другими. Они, леденяще красивые, великие без кокетства, недоступные, гордые, оказались прежде всего равнодушными. Они не стремились понравиться, их совсем не интересовала грань между восхищением и ужасом. Горы слишком близки к небу и слишком далеки от людей, чтобы прикасаться к их муравьиным проблемам и таким же муравьиным переживаниям. Самая пылкая страсть с высоты пяти тысяч метров не покажется ярче светлячка, а самая жгучая боль, страдание – ярче искры. Где-то внизу могут пройти тысячелетия,

уйти в небытие и воскреснуть десятки цивилизаций, но для них не изменится ничего – горы не смотрят вниз.

Чем дальше продвигался батальон, тем выше вырастали хребты, тем круче и отвеснее становились скаты и скалы. В самом начале восхождения на отрогах встречалась растительность, трава и какие-то облезлые кустарники, но после двух с половиной тысяч метров зелени почти не осталось – только валуны и крупный щебень, срезы пластов горных пород, вывернутые из чрева земли вулканической силой. Местами встречались осыпи песка и глины. Природа была девственна, как будто жизнь на этой планете еще и не начиналась. Где-то там, куда они шли, у дальнего горизонта, белели шапки заснеженных вершин, это четырехтысячники. Они полиняют через месяц, но среди них царственно возвышались пики еще более высоких гор, которые никогда не снимают ослепительно-белых корон. Судя по всему, батальон шел именно к этим пикам, потому что за ними власть афганского правительства еще не начиналась. Двигались по тропам. Они, как горизонтали, на разных уровнях опоясывали хребты, потом поднимались к перевалам или опускались к кишлакам. Эти выложенные плоскими камнями тропы шириной около метра с незапамятных времен соединяли всю страну и уходили за ее пределы. Они представляли собой своего рода транспортные магистрали, по которым караваны и отдельные путники бороздили этот горный океан. Из века в век и до сих пор.

На тропах стояли мины. Вот что изменилось за все эти века. Их набор был нехитрым: ПМН – противопехотная мина нажимного действия, отрывавшая стопу или ногу до колена тому, кто на нее наступил, и ПОМЗ – тоже противопехотная, но осколочная, рассыпавшая рубленые осколки, если ее жертва цепляла растяжку. Встречались еще итальянские пластиковые мины, но больше всего духи предпочитали фугасы-самоделки, чья убойная сила зависела только от фантазии минера.

– Про Фому и Татарина слышали? – В голосе Хоффмана сквозило возбуждение.

– Слышали. Досталось им. Садись, перекусим, теперь до вечера не остановимся. Надо набрать калорий. – Марков, устроившись среди камней, нехотя, больше по необходимости, ковырялся в банке с гречневой кашей, ему не хотелось говорить об этом подрыве, они дружили с Фоменко.

– Все взводные пятой роты в сборе. Редко мы так собираемся. Ну что, обсудим наши дела.

Взвод Ремизова располагался здесь же, он огляделся, никто не разговаривал, никто не прислушивался, о чем говорят офицеры, у каждого солдата были свои размышления и свой страх, и еще своя банка холодных консервов.

– Есть что обсуждать? «Духа» живого в глаза не видели, а уже четверых потеряли. Полный комплект: и ротный, и взводный, и сержант с рядовым. Как они нас, господа. Эффектно и эффективно. Надо отдать должное, у них это получилось. Либо они такие спецы, либо мы – профаны. – Хоффман сплюнул под ноги и замолчал.

– Да уж, дела. Один цепляет растяжку, а достается всем. Глупо. Озноб пробирает.

– И абсурдно. Целость твоей шкуры теперь зависит не от твоей бдительности, а от того, кто спит в хомуте. Посмотрим, что четвертая соберет.

– И что теперь, трястись, как мышиный хвостик? – Ремизов неудачно съязвил, хотя и сам чувствовал себя не в своей тарелке по той же причине.

– Ладно, уважаемый. Я рассчитывал, что найду в этом обществе понимание, но не вышло. Слушайте и вникайте – «духи» хорошо подготовились к встрече, девять тысяч мин нам в подарок приготовили. Да и с прошлой операции много чего осталось. Всем хватит, имейте в виду, господа интернационалисты.

– Ну ты и это знаешь!

– Мужики, что сцепились-то? – Марков наконец разобрался с кашей и приготовился разбираться в пикировке.

– Я могу и помолчать, и все же мы играем в рулетку. Кому красное выпадет, а кому – черное. Не так, что ли? Устраивает вас или нет, а насчет мин я не шутил.

– Может, врут всё? Ну так, для повышения бдительности.

– Господин Марков, – Хоффман снова начинал ерничать, раньше это являлось признаком улучшения его самочувствия, – оставьте в покое этот, извините, дурацкий инфантилизм. Ваш друг Фоменко, побитый осколками и успокоенный дозой промедола, лежит сейчас на плащ-палатке, ждет «вертушку», а вы тут рассуждаете… Никто не врет. Думается мне, что здесь вообще врать непринято.

– Костя, хватит кривляться.

– Старый взводный Хоффман не кривляется, он оценивает обстановку.

Ремизов больше почувствовал, чем понял, что у его товарища заурядный нервный срыв, и он пытается его побороть. Беда всех умных и образованных людей в том, что они целиком полагаются на свой разум, на логику и расчет, и, как чумы, боятся фатальности, непредсказуемого случая. Хоффман и был очень умным человеком, видевшим жизнь через призму рассудка, все его поступки, шаги отличались практичностью. И вот теперь любой следующий шаг мог стать не только не случайным, но и роковым…

– Так вот. Шестая рота крутила рулетку. И ей повезло, выпало красное. Придет время крутить и нам.

– Четверо раненых – это повезло?

– Да, господин Марков. Выпало бы черное, лежали бы Фома и Татарин и их бойцы не на плащ-палатках, а под ними.

– И что, никаких шансов? – Ремизов заинтересовался этим воинствующим пессимизмом и приготовился спорить.

– Есть. Но только один. Монета станет на ребро, а следом шарик – на zero.

– Не знаю, как в Киеве, нас в Омске не так учили. Белые начинают и выигрывают.

– Господин Ремизов, белые, как вы изволили выразиться, еще не начинали. Ни в одной газете нет слова *война,* зато есть другие. Например, конфликт, учения в обстановке, приближенной к боевой. И «духам» не нужен еще один восемьдесят второй год. *Десантура* уже устраивала им здесь кровавую баню, вон сколько зарубок на память на дувалах.

– Известное дело. Если Командующий за операцию звезду Героя получил, значит, стоило того.

– Так что моджахеды, так называемые «духи», все забыли? Все нам простили?

– Костя, ты что завелся-то? Что вздрагивать раньше времени? Жить надо.

– Вы что, до сих пор не поняли, где мы оказались? В мясорубке. А он говорит: жить надо. Жить надо, – Хоффман по слогам повторил эти простые слова и вдруг утих. – Конечно, надо, только мы идем по второму кругу, и наша задача – разгребать дерьмо.

– Пришла и наша очередь.

– Да, очередь кровь проливать. Делать что будем? Это только начало.

– Что-что, ноги беречь, пригодятся еще, – устало пробурчал Марков, не видя конца нервному разговору.

– Это все так, но надо бы с людьми поговорить, чтоб дурака не валяли. Саперы же все своими ногами прошли, протоптали. А этот *долбаный* курсант поперся, куда не просили, и вот итог. – Ремизов оглянулся на своих бойцов. – Костя, а ведь до них до сих пор не дошло, что на самом деле случилось.

Кныш, сидевший на тропе недалеко от офицеров, прислушивался к разговору. Легенда про десантуру ему понравилась, будет, что дома рассказать, кто там знает, что и в каком году было. Когда командир второго взвода неосторожно занервничал, по его губам проскользнула презрительная усмешка. *Слабаки, менжуют… Не повезло с командирами. Мамонт еще ничего, хоть жить не мешает, но толстый, как свин, а этот молодняк за каждым шагом следит.*

Чуть что, сдадут с потрохами, особенно свой, патриота из себя корежит. Надо бы в шестую роту перевестись, договориться с начальником штаба, там нормальные пацаны, с Хамидом дела можно делать. Он узбек, здесь как свой, язык этот чуркестанский понимает. На последних словах Ремизова он покосился на взводного, его покоробило, как тот легко и картинно обрисовал его ташкентского приятеля.

– Слышал, что говорят? – толкнул он в бок Алексеева, с которым они были одного призыва.

– Слышал. А что не так, что ли? Говорили же с тропы не сходить, куда его понесло? Хмырь, он и есть Хмырь, неуправляемый, не зря его из училища выгнали. Тут до дембеля осталось, нет ничего, а из-за такого артиста в момент осколок схлопочешь. Хорошо, если в задницу, а если между глаз?

– Кончай пугать. Хмырь – настоящий кореш. А эти мнят о себе, стратеги, им главное вину свалить на кого придется. – Кныш непринужденно сплюнул. – Вон, Хоффман, интеллигент кучерявый, попади с таким в переделку, и сам обделается, и нам крышка.

– Что тебе Хоффман? У нас свой взводный есть.

– Этот, что ли, лучше? Ха, такой же. Помнишь, как он в кишлаке на *«душка»* смотрел, которого я завалил? И второго не дал тронуть. А тот второй был зверек.

– Брось ты. Нормальный взводный. Ты, что ли, трупы каждый день видишь? Лучше подумай, до дембеля два месяца осталось. Будешь потом, как дурной сон вспоминать. Дожить надо.

– Что ты все «дожить, дожить»? И доживем, и домой приедем. Откуда, с края света! Все классно, только домой привезти нечего. С твоим нормальным взводным мы останемся без бакшиша. В Карабаг-Базаре Кузя приемничек «Sony» присмотрел, так он заставил вернуть, ну не чокнутый? «Душков» пожалел, он их всех за мирное население держит. Нашел, кого жалеть. А этот прапорюга из четвертой Турпалов прибарахлился в кишлаке неплохо, корешки рассказывали, они для него два вещмешка всякого хлама несли.

– Брось, Черный, в этом ли дело. Домой надо вернуться.

Хоффман рубил воздух, будто доказывал теорему:

– А я уверен, что ни до кого не дошло! Надо каждому в голову вдалбливать, куда ногу ставить, чтоб ее не потерять.

У Ремизова же в голове безостановочно крутились мысли. Они неторопливо, но уверенно вытесняли беспокойство, на смену которому приходил расчет, взвешенная оценка этой новой жизни. *Ладно, переживем, но попотеть придется.*

– Мужики, слушайте, может, с тропы сойдем? Минируют же именно тропы.

– Мы тогда ни одной задачи не выполним. И надорвемся. Экипировка почти два пуда весит. Как тут без тропы? Ты хоть представляешь, как идти по песчанику, когда ноги в песок по щиколотку проваливаются, а каково по камням с таким грузом скакать? Нет, Арчи, ты не угадал. И потом, я думаю, они мины ставят там, где их обойти нельзя.

* * *

Карцев принял решение поставить заставы для прикрытия тыла полка на господствующих высотах в районе горной речушки Бадамы. Без охранения обойтись нельзя, сзади не должно оставаться вакуума, иначе жди удара в спину. Усачев не колебался ни минуты и поручил выполнение этой задачи роте Рыбакина. Батальон же двинулся дальше.

Идти в глубь ущелья становилось все труднее. Отметки на карте показывали трехтысячную высоту, все чаще стали попадаться расщелины и скалы. Немолодому Усачеву становилось все труднее соревноваться с молодыми офицерами в скалолазании, но, к его чести, вида он не подавал. Трудно всем. Его же крест, который гнул и горбатил спину, заключался совсем в другом – в тяжелой, почти безнадежной ответственности за жизнь людей. Свое, личное забыва-

лось, уходило на второй план, пока в один момент не выплеснулось жуткой дозой адреналина, холодным потом, пробившим лоб и виски.

На подходе к кишлакам Паршар и Кар батальон спустился в долину Панджера. От воды веяло свежестью и прохладой, запахи молодой травы щекотали ноздри, тропа металась между камней под нависшей влажной скалой, вот она сделала петлю и стала забираться вверх на каменистый карниз там, где базальтовый утес своим основанием погружался в бурные потоки и водовороты. Рота Аликберова медленно, осторожно переставляя ноги, забиралась на этот узкий карниз. Шли, прижимаясь грудью к стене, раскинув руки и ощупывая ими каждый выступ, в тридцати метрах внизу среди огромных валунов бесновался Панджер, подсказывая, что туда лучше не смотреть. Следом шла группа управления батальона. Савельев, Мамаев, Усачев… Автомат со складывающимся прикладом висел у комбата на шее, он придерживал его правой рукой, чтобы тот не бился стволом о стену. В самом узком месте, где ширина карниза не превышала полуметра, он двумя руками уперся в скалу и высматривал место, куда ставить ногу. На широком шаге через трещину его качнуло, автомат предательски воткнулся дульным срезом в стену, а тыльной частью легонько ударил Усачева в грудь, став распоркой, толкающей его в пропасть. Руки перестали касаться скалы, командирский ранец потянул плечи назад, Усачев потерял равновесие и, бросив взгляд вниз, выгнулся на самом краешке карниза. *Это конец!* Ни страха, ничего, только одна оголенная, как молния, мысль. Но в этот момент автомат ласковой кошкой улегся на груди, а амплитуда колебаний толкнула тело вперед. Припав всей грудью к холодной стене, Усачев почувствовал, как его начало колотить и трясти. Поздний страх иглой впился в душу, ему вдруг стало нестерпимо жарко. *Господи! Прости меня, неверующего. Кто-то молится за меня…* От сердца отлегло, глаза, уши, ноздри, кончики пальцев словно обрели новое свойство, с каким-то остервенением они начали ощущать благоухание окружающей природы. После безрадостных серо-коричневых гор здесь каждая травинка источала озоново-мятный запах, лучи солнца наполняли искрами шуршащие перекаты воды, впервые за все эти дни он почувствовал облегчение, и, кажется, по его губам пробежала улыбка.

– Иван Васильевич, с вами все в порядке? – Это Савельев, возможно, он видел, что произошло несколько минут назад.

– В порядке, в порядке, не переживай. Ты лучше посмотри, как здесь красиво. А? Туристом бы сюда, с палаткой на пару дней. С удочкой посидеть.

– Я как-то не подумал.

– Ладно-ладно. Я знаю, ты никогда не расслабляешься. Сколько до Паршара?

– Два километра. Рота Мамонтова поднимется на хребет, прикроет нас сверху, Аликберов начнет прочесывание. Потом, по окончании работы, он тоже поднимется.

Несколько таких небольших кишлаков уже осталось позади. И везде все одно и то же: они были в спешке брошены жителями. Их гнали отсюда люди Ахмад Шаха, не разрешив вывезти ни вещи, ни продукты, а много ли унесешь на руках или на одном навьюченном осле? Расчет «духи» сделали правильно. Они пугали людей зверствами шурави, лишали их своей маленькой родины и делали из них воинов ислама, а через сутки западная пропаганда могла на полном основании говорить о советской оккупации, толпах беженцев, спасающихся от ужаса войны. Был и другой расчет, исключительно военный – брошенные кишлаки минировались.

Первый же солдат четвертой роты, попытавшийся войти в дом, подорвался на мине возле самого порога. Через несколько минут второй подрыв уже на тропе и почти сразу – третий. При эвакуации раненых кто-то снова наступает на мину… День оказался страшным. Усачев вызвал «вертушки» и попросил командира дивизии об изменении маршрута, на что получил категоричный отказ. С очерствевшим лицом, на котором вдруг резко проступили морщины, он оглядывал свое потрепанное, пропыленное хозяйство. К раненым не подходил, ему было нечего сказать им ни в утешение, ни в свое оправдание. А те, как безумные, таращили глаза на свои обрубленные ноги и выли, скулили от жуткой тоски и обреченности, и нудно просили

принести им обрубки, словно их можно было возвратить на место. Усачев отвернулся, подозвал санинструктора.

– Все нормально.

– Что нормально? – рыкнул комбат и вдруг осекся: при чем здесь этот боец? Он и доложить-то не знает как, а кто знает?

– Всем вколол по шприцу промедола, раны забинтованы, у одного выше колена нога оторвана, у других – ниже. Жить будут. Я больше ничего для них не смогу сделать, теперь – только хирурги. – Он тискал руками санитарную сумку, не знал, куда деть руки, а к концу фразы иссяк, как опорожненный кувшин.

– Раньше кровь видел?

– Нет.

– Как же вас готовили? – Тот в ответ только пожал плечами. – Соберись, теперь это и есть твоя работа.

Невдалеке, в тени дувала, не переставая, выл маленький сержантик.

– Иди, успокой его, приведи в чувство, а то он всю роту в тоску вгонит, – и уже направляясь к площадке для вертолета, – он скоро будет дома, а что случится с нами, еще не известно, вот это и скажи ему.

Площадка должна быть более-менее ровным и просторным местом, видимым сверху при подлете и удобным для посадки. Это пространство между домами на самой окраине кишлака как раз подходило для такой цели, вращающиеся лопасти не достанут до ближайших деревьев. Группа саперов из инженерной роты заканчивала работу по ее проверке. Комбат окликнул сержанта, старшего группы.

– Пока чисто, товарищ подполковник. Скоро уже управимся.

– «Вертушки» в воздухе, будут с минуты на минуту.

– Быстрее нельзя.

– Да, знаю я, – бросил он в сердцах, – в том-то и дело. Работайте, не торопитесь. Будут висеть над нами, сколько потребуется.

Совсем рядом, с той стороны, где два других сапера методично прокалывали щупами грунт, неотвратимо и уже буднично с черным тротиловым облачком и земляной крошкой ухнул очередной взрыв. Он увидел обращенные к нему, мгновенно ставшие мертвенно-белыми в черной тротиловой крошке лица, – схватившись руками за голову, за изрубленное осколками лицо, у воронки беззвучно катался сапер. Второй больше от испуга, чем от взрывной волны, упал на землю и теперь неуклюже пытался подняться.

– Вы что делаете? – Комбат схватил за грудки сержанта. – Вы что делаете?

– Он на взрыватель, он на взрыватель нажал. Щупом – на взрыватель.

– Вы что делаете? – Оставив сержанта, Усачев быстрым шагом, почти бегом, бросился к раненому.

– Нельзя! Назад!

– Что? – Он оглянулся на крик.

– Я сам. Там могут быть еще мины. – Быстро и аккуратно работая щупом, сержант приблизился к солдату. – Чисто.

Его напарник ощупывал место вокруг раненого.

– Есть. Еще одна. Вот она, стерва, торчит.

Усачев почувствовал, как у него опустились плечи, и на мгновенье потемнело в глазах. Что-то происходит. Она, смерть, словно хочет его догнать, и кто-то ей мешает. Второй раз за сегодняшний день.

– Тащите парня. А потом подорвете ее накладным зарядом. Санинструктор! – Тот уже стоял рядом, и руки его на удивление не тряслись. – Делай, чему учили.

* * *

Когда Ремизов узнал, что его взвод в батальоне пойдет первым, в кишках что-то похолодело. Четыре оторванные ноги, да еще этот сапер без лица… Его словно медленно опустили в прорубь, а потом забыли достать. Рассудок угас, и какой-то животный страх проник в самую глубь его естества. *Не может быть! Не может! Ну не может!..* Странно, но от этого «не может» вдруг стало теплее, ведь если не может, значит, и не будет. Солдаты, знали, что им уготовано, и стояли за спиной взводного, понурив головы. Он поискал взглядом их глаза и вдруг подумал: *это ж какая тяжелая работа – выполнять чужие приказы и не иметь возможности ничего изменить.*

– Взвод, слушай задачу. Первое – к привалу все приходят своими ногами. – Он говорил это злым и убедительным голосом. – Второе – все идут или по крупным камням, или за мной след в след, третье – друг к другу ближе, чем на шесть метров не приближаться. Поняли-и! – с резким ударением и твердостью рявкнул он на последнем слове. – Мы не четвертая рота и лишних ног у нас нет. Вперед!

Его ноги не хотели наступать на землю – камни-то не везде, тем более крупные – он передвигал ноги усилием воли, всматривался в каждый подозрительно рыхлый, подозрительно песчаный кусочек грунта, где могла быть заложена мина, саперам не доверял, разве что следам их ботинок – это еще какая-то гарантия. Когда они все-таки прошли и Паршар и Кар, он опустился на теплую влажную землю почти без сил. Пахло мятой, где-то недалеко журчал ручей. А Рыбакин сейчас балдеет на Бадаме, повезло Толику, ему всегда везет, греет теперь пузо на солнышке. Да уж, это точно, каждому – свое. А у нас опять пустые кишлаки, ни людей, ни оружия, хорошо, хоть риса и муки набрали, бойцы вечером плов с лепешками приготовят.

Следующий день начался со страшной находки. Шли невысоко, не более двух тысяч метров, весна добралась и до этих отрогов, распустилась пышной зеленью вдоль горных речушек, выпустила в полет жуков и стрекоз. Когда проходили заросли тутового подлеска, Саленко, возглавлявший дозор, этот охотник от природы, окликнул Ремизова.

– Запах.

– Весна, вот и запах.

– Другой запах, товарищ лейтенант, сладковатый, противный. Так от трупов несет.

– Я ничего не чувствую. – Приподняв лицо, он начал хватать ноздрями воздух, прислушиваясь, принюхиваясь к буйству природы и пытаясь уловить в нем нечто фальшивое. – Ты уверен?

– Почти уверен, здесь в зарослях труп.

Взвод развернулся влево и цепью начал прочесывать рощицу. Саленко не ошибся, в зарослях действительно лежал труп, останки солдата. По-видимому, дня три назад тот был еще жив. Из одежды на нем остались только совсем еще новые брюки от полевой формы. Он лежал, уткнувшись головой в ручей и подобрав руки под себя, как если бы собирался пить, здесь его и настигла пуля в затылок, отняв вместе с жизнью и лицо. От лица ничего не осталось, а без него кто сможет опознать тело неизвестного солдата? Оно начало разлагаться, к тому же шакалы истерзали ему бока, вырвав внутренности, и бойцы, собравшиеся вокруг, находились в полном оцепенении, под гипнозом этой безжалостной картины. Никому из них подобного видеть не приходилось, теперь же перед их глазами предстал итог скоротечной жизни и та цена, которую каждый из них мог заплатить за участие в этой экспедиции.

– Он был в плену, – прервал оцепенение Кныш, – эти суки гнали его по горам босым, посмотрите на его ноги, черные, в земле.

– Давить их надо, – процедил сквозь зубы и Саленко.

– Заплатят, твари.

Дышать смрадом, исходящим от трупа, становилось невозможно, кого-то из солдат уже вывернуло наизнанку, и они отошли в сторону под свежий ветер. Ремизов старался показать себя стойким командиром, но перед лицом смерти не остается ни чинов, ни званий – только дух, его-то ему как раз и не хватало. Не было сил смотреть на изуродованный труп, и он оправдывал себя тем, что эти жестокие впечатления, если их не остановить, всосутся в кровь на всю жизнь и будут возвращаться к нему ночными кошмарами. Собственно, его просто тошнило.

– Кныш, ты как?

– В порядке.

– Посмотри, что у него в карманах, и бирка на поясе брюк должна быть. Запиши номер войсковой части, может, он из нашего полка. Сможешь? Заткни нос тряпкой. Шанобаев, организуй два одеяла, завернем его. Я вызову «вертушку».

Солдат оказался из другой части, номер на бирке ничего им не сказал, и они все недоумевали, как это могло случиться, потому что широким фронтом вдоль ущелья выдвигался и их полк, и другие полки и батальоны дивизии, «духи» практически не имели шансов предпринять активные действия.

Шли молча. Хрустели ветки кустарника, шуршал щебень, бесконечно долгий и непрерывный топот ног смешивался с тяжелым дыханием. Уже никого не могла обмануть ни теплая весна, ни глупая надежда на то, что весь окружающий мир есть всего лишь видение одуревшего мозга. Им всем было очень трудно, как никогда прежде, они слишком быстро взрослели. Прежней жизни не стало, чудесное пионерское детство потерялось где-то невозвратно далеко, вместе со страной, которая готовилась встречать 1 Мая, а они, связанные серо-зеленой ротной колонной, живут теперь в другом измерении, и кроме как друг на друга, надеяться им больше не на кого.

«И какого черта меня сюда занесло, пацаны дома сезон открыли, в море теперь купаются, а тут ломай себе хребет, романтики все хотел, вот и получил. А ведь вернешься домой, в Геленджик, никто и не поверит. Ничего, ничего, как зубы посчитаю кому-нибудь, все поверят, – Кныш и в компании не особенно церемонился, а уж в мыслях… Им только дай простор. – Я-то доживу до дембеля, а что с этими сопляками будет. Да и взводный хлипкий все-таки, вроде бы и не дурак, но как морду от трупа воротил и тогда в кишлаке гаденыша пожалел. Вот черт, только бы пронесло, а то до моря и не доберешься. Поживем-увидим, но уж кровушки я попью».

Следом за Кнышем шел Ищанов. Взводный велел по сторонам смотреть, наблюдать, но, погруженный в свои мысли, он ничего не видел, кроме тропы под ногами и самих ног. Левый ботинок, правый, щебень, песок, левый, правый… «Только бы быстрей все это кончилось. Как дома, в Фергане, хорошо было, отец машину обещал подарить к свадьбе. Слава Аллаху, что осенью домой, а Олейнику еще полтора года, вон как в спину тяжело дышит. Надо в повара попроситься, может, возьмут, я и плов готовить умею».

И у Ищанова, и у Олейника глаза всегда оставались печальными. И хотя в своих служебных характеристиках они значились исполнительными солдатами, взводный никогда не поручал им обоим одну задачу, они не из числа тех, на кого он положился бы в бою. А это серьезная оценка. И Олейник не наблюдал по сторонам, в его глазах до сих пор стоял этот изуродованный труп. «Господи, что же будет, это ведь только начало. Какой он страшный, и зачем я на него смотрел. Его шакалы изгрызли, так всегда бывает, они на запах крови собрались. Только не плен, только не плен, мучить будут, лучше гранатой себя подорвать. Тогда и я буду такой же истерзанный. О Господи. Нет, меня уже не будет, главное – душа. А она спасется».

Саленко, мрачный, как и все, но о своей работе он не забывал и сейчас. А его работа в том и заключалась, чтобы наблюдать и видеть – снайперская работа. «Спокойно, Валера, спокойно. Пусть только кто-то попадется мне на треугольничек, я не смажу. Пуля красиво войдет, аккуратненько. И как же этого дурачка угораздило в плен-то. Это ж каким идиотом

надо быть. От своих, что ли, отбился, но автомат-то с собой всегда. Зря он так. Его теперь мать дома ждет, а если его не опознают, так и будет числиться без вести пропавшим, а матери каково?»

Ремизов по своей конституции выглядел скорее сухощавым, чем плотным и крепким, но четыре года в училище сделали свое дело, тело обросло мускулатурой, стало выносливым, и теперь он молился на свою альма-матер, по-настоящему оценив все, что она ему дала. При всех адских нагрузках, теряя в весе, он продолжал чувствовать себя уверенно и спокойно. *Спасибо тебе, физическая подготовка, спасибо вам, тактика и топография, что бы я делал без вас в горах.* Последний эпизод казался ему досадной нелепостью и через час почти пропал из памяти, оставив одно краеугольное решение: надо драться, война не терпит слабых, она их пожирает.

На каменистом участке Марков догнал Ремизова.

– Арчи, – его глаза за стеклами очков казались огромными, – у Рыбакина ЧП.

– У «полковника»?

– Вряд ли он станет полковником, у него пять солдат пропало. Ушли с поста.

– Как это ушли? Куда? Это же Афган, здесь же война, куда тут уйдешь? – Он не сразу понял, о чем ему сказал Марков, в его рассудительном, практичном представлении о жизни такого попросту не могло быть.

– И я про то. Рыбакин дембелей себе на пост набрал, ну ты знаешь, какая у него свита. А вчера утром, пока он спал после ночного дежурства, они спустились с высоты в соседний кишлак помародерствовать.

– Теперь это в наших традициях.

– Кишлак пустой, людей нет, барахла всякого полно, раздолье.

– Вот сволочи! Мы за эти дни, пока они на солнышке грелись, десятки километров по горам и минам намотали, а они поразвлечься захотели. – Досада и злость вспыхнули намного ярче возникшего вначале сочувствия. – Эх, Толик… Что же ты натворил?

– Артем, так уже сутки, как их нет.

– До них не дошло, куда они попали, здесь в наряд вне очереди не ставят, на губу не сажают. Узбеки, наверное?

– Похоже, что узбеки. Они чувствуют себя здесь как дома.

– Точно. Все дерьмо наружу лезет. В Термезе из полка, как тараканы, разбегались и тут начали.

– Он думал, они вернутся вот-вот, не доложил. Ты знаешь, как бывает.

– Знаю. Он думал, что они «порядочные», проведут небольшую рекогносцировку, прихватят чего-нибудь по мелочам и вернутся. А они решили по-своему. Ну Толик, ну организовал службу. Допрыгался, «полковник».

– Злой ты все-таки, Артем.

– Какой есть. А ты добренький. Повозился бы с этим трупом, меня чуть не вывернуло, а моим-то бойцам досталось. Миша, это же трибунал!

* * *

Термез. Середина октября. Они больше часа стояли на плацу. Таков порядок, после завтрака весь полк выстраивается для развода на занятия. Построились, доложили командиру, и – вперед, кто на полигон, кто в учебные классы… Да не тут-то было. Еще только утро, а четверть полка уже куда-то разбежалась, вот командир полка в воспитательных целях и держит всех остальных. Носятся посыльные, выискивают отщепенцев по каптеркам, по подвалам, в столовой, командиры рот мечут молнии глазами, рвут глотку. Те, кого нет, в основном из подразделений обеспечения, у них командиры – прапорщики, а если и офицеры, так ведь тыловики, что с них возьмешь. Далеки они от личного состава и, наверное, счастливы этим. О построе-

нии знают все до последнего кладовщика, но каждое утро начинается, как обычно, с поиска *особо приближенных* и просто обнаглевших солдат, которых распирает от удовлетворения, что их ждет целый полк. И всем этим нарушителям устава и требований командира полка, что самое удивительное, не будет ровным счетом никакого наказания. Ремизова это возмущало: *их же на «губе» сгноить надо, вот там настоящая школа воспитания армейских кадров!* Да не сажали их на «губу», чтобы не портить показателей полка по воинской дисциплине. Молодой взводный внешне не показывал своего состояния, лишь тяжелый взгляд да плотно сжатые зубы говорили, каково ему на самом деле.

Бегала в самовольные отлучки и пехота, но… Но умнее, чем эта необузданная обслуга, потому что пехота бегала после обеда. В их пятой роте половина личного состава – узбеки. Вот такая сложилась картина: узбеки в Узбекистане, у себя дома, а некоторые из них – местные, кого родственники за взятку устроили служить по соседству. Какая уж тут «губа», если все куплено. Когда Ремизов окунулся в эту обстановку с головой и попытался навести какое-то подобие порядка во взводе, в роте, единственное, на что его хватило, на то, чтобы осознать тщетность своих усилий.

Скоро десять часов утра. Жара за тридцать. Асфальт на плацу плавится под солнцем. Тело покрылось липкой влагой. Форменная рубашка и китель застегнуты на все пуговицы, галстук под горло, ремень офицерской сумки с книгами и конспектами занятий сдавливает грудь, не дает коже дышать. За воротник рубашки, по вискам, по ребрам медленно, настойчиво стекают капли соленой влаги. Он привык, он на службе, прежде всего – выдержка, в этом и воля, и достоинство. Чего не можешь изменить – перетерпи, другого не дано.

– Вот черт, жара! – Это Марков, у него из-под фуражки по вискам струится пот, капельки выступили на лбу, протирай – не протирай, не помогает, а он механически, старательно тёр лицо белым носовым платком. – Представляешь, вчера термометр тридцать девять градусов днем показывал.

– Представляю, мы же вместе на полигоне песок топтали.

– Сейчас только утро, а уже пекло. Не могу привыкнуть, октябрь все-таки.

– А тебе рязанские хляби подавай.

– Дождичка бы.

– Увы, не дождешься, тут, наверное, вообще дождей не бывает.

– У меня второй платок мокрый.

– Не пей воды по утрам, легче будет. Точно говорю. Чай пей. Крепкий, горячий.

– И что, помогает?

– Терпеть легче.

– Надо попробовать. Долго нас мариновать будут?

– Это только Богу известно, а еще *бронелобому*.

– По-моему, бронелобому ничего неизвестно, даже смысл его собственных действий. Разве он знает, что хочет? – Марков разочарованно вздохнул.

– Идет тонкий воспитательный процесс, а ты критикуешь. – Ремизов холодно, без улыбки издевался, но от этого каким-то образом становилось легче.

– Никого я не критикую, просто с меня течет, как с барана. Твои все?

– Одного нет. И, судя по всему, не будет.

– В самоволке?

– Нет. Бойцы говорят, совсем удрал, служить надоело.

– Ну ни хрена себе, – и добавил с сарказмом: – Ты готов к «неспортивной гребле»?

– Не только готов, но уже получил по макушке, – спокойно, как о чем-то обыденном сказал Ремизов.

– Выговор?

– Угадал.

– Причем с первого раза. – Марков засмеялся и был прав, не стоит вешать нос из-за всяких отщепенцев, жизнь и так коротка. – Когда на поиски отправляешься?

– Сегодня оформлю командировку, а завтра с утра автобусом. Он местный. Сурхандарьинский.

– А я тебе даже завидую, хоть на пару дней вырвешься из этого дурдома.

– Ничего, и твоя очередь придет. Не сомневайся.

* * *

Еще утром все пятеро были живы. Вчера, как только взводный Рыбакин уснул после дежурства, взяв с собой пустые вещевые мешки, сержант Абдуразаков с приятелями отправился за добычей.

Они три дня присматривались к этому кишлаку. Богатенький, судя по всему. А еще внизу уютно, как-то по-домашнему журчал ручей, даже с расстояния в один километр чувствовалось, как от него веет прохладой. Нет, это все воображение, просто там отчаянно зеленела трава и дразнила глаза, ноздри, сухие рты. На берегу ручья, обращенные к нему высокими, глухими стенами стояли хорошие, основательные дома, оставленные своими хозяевами. Там есть, что пограбить, и в этом никто не сомневался. Между дувалов, в переулках просеменили несколько баранов, отбившихся от стада, их толстые зады были хорошо видны в бинокль. У Абдуразакова даже слюна побежала, как он явно представил вкус душистого плова. Тихо. Людей, пока наблюдали, так и не увидели: нужна большая смелость, чтобы светиться под стволами этого временного поста, кто знает, что на уме у шурави. Шлепнут и не поперхнутся, в зоне боевых действий гражданских лиц нет – только разведчики.

– Вы что, обалдели, какой кишлак? – Лицо у Рыбакина вытянулось и перестало быть круглым, брови полезли вверх. Он опешил от изумления, когда сержант предложил ему организовать небольшой вояж вниз.

– Ну, товарищ лейтенант, мы же быстро. Воды принесем, одеяла, ночью-то холодно. Дел-то на час, что тут такого?

– Сейчас врежу по твоему «умывальнику», и про воду забудешь, и одеяла не потребуются. – Никого бить он, конечно, не собирался, но пресечь поползновения требовалось, сержант это тоже понимал.

– Да мы же давно за кишлаком наблюдаем, там все тихо, и подход скрытный есть. А до крайнего дома рукой подать…

– Абдуразаков, хватит воду мутить, иди, занимайся окопами.

Но вопрос был поставлен, и семя сомнения прокралось в стриженую голову Рыбакина, а когда в полдень стеклянный зной повис над их высотой, он снова вспомнил о чистой ледяной воде.

Подошел Халилов, его заместитель.

– Я отправил людей отдыхать. Жара. А ночью дежурить. – И немного помявшись: – Товарищ лейтенант, может, разведку в кишлак организуем?

– Сговорились.

– Нет, просто у нас и вода, и паек кончаются.

– Я заказал «вертушку», завтра будет.

– А если нет? Или только к вечеру?

Рыбакин размышлял, понимая возможную выгоду, но принимать такое решение не мог, оно выходило за рамки боевой задачи, и обеспечить надежное прикрытие мнимой разведгруппы он также был не в состоянии. Два пулемета и снайперская винтовка на дальности около тысячи метров не эффективны, а главное, никому из трех своих сержантов он не поручил бы самостоятельную работу. Он точно знал, что они не готовы к настоящему бою, и в принципе им

не доверял. Действовать на авось, на удачу? Риск, конечно, но ведь все просматривается. Вот если бы спуститься самому… Лукавую мысль он оборвал сразу, бросить пост хотя бы на час – преступление, да и кто тогда возьмет на себя службу, кто ему самому спину прикроет? Этот, что ли, Халилов, ему бы только в каптерке командовать. Вот и весь мой взвод, чтоб он скис…

– Разведка, говоришь? – Рыбакин осклабился.

– Ага, – в тон ему прогудел замкомвзвода.

– Пограбить захотелось? – Он продолжал ядовито улыбаться. – Знаю я вас, узбеков. Кого угодно готовы до нитки обчистить, и своих братьев-мусульман не пожалеете.

– Только рис и мука. Только вон в тот крайний дом – там точно есть – и обратно.

– А кто пойдет?

– Я бы пошел, – ответил он неуверенно.

– А на хрен бы ты ни пошел? – Взводный взорвался. – Ты что здесь, на прогулке? Твое дело – стереотруба и наблюдение.

– Ну тогда Абдуразаков.

– Комбат не разрешит, а без него я команду на спуск не дам.

– Хотя бы до ручья, – продолжал бубнить Халилов.

– Нет, – Рыбакин уже успокоился, – и хватит меня обрабатывать.

Не разрешил, не уговорили. Но вроде бы и сопротивлялся взводный не очень активно, во всяком случае неуверенность свою показал.

– А ты что хотел? – взвился Абдуразаков.

– Да он и сам не против, дрейфит только.

– Все офицеры такие, ответственность не захотел на себя брать. А барана принеси – и слова не скажет. По плечу похлопает, молодец, настоящий солдат, с инициативой.

– Вот невезуха.

– Могли бы и афгани найти, классно, да? – Абдуразаков сглотнул слюну, в глазах загорелся азарт, он, как гончая, почувствовал запах близкой добычи. – Короче, ты идешь?

– Куда? – Халилов на секунду оторопел.

– Как куда? А что же ты треплешься? Взводный, взводный, а у самого очко играет.

Утром, когда после долгой бессонной ночи Рыбакин провалился в свое сладкое небытие, пятерка дембелей собралась у петляющей вниз тропы. Молодые, отстояв ночное дежурство, безропотно снова заступили на посты, свежий ветерок еще бодрил, но через час-полтора поднимется солнце, и их глаза закроются от рези и усталости. Вытряхнув все из вещевых мешков и настороженно оглядываясь на камень, за которым спал командир, они обменивались последними напутствиями.

– Значит, не пойдешь?

– Но кто-то должен остаться старшим, пока взводный в отключке.

– Свисти, свисти. Землю копытом роешь, прихвостень командирский.

– Хамид, ты долбанутый какой-то. А кто тебя прикрывать будет? Эти, что ли? – Он кивнул головой на молодых. – Соображай.

– Ладно, почти убедил. Бакшиш за мной. – Абдуразаков расслабился, по-видимому, до него дошло, о чем идет речь.

– С тропы не сходите, она просматривается до самого кишлака, и там далеко не шныряйте. Если что, из пулеметов жахнем.

– Не каркай, все будет чики-пики.

– Ну вы там недолго. Управитесь за два часа?

– Чё спешить-то? Взводный спать часов восемь будет, где-то так и вернемся.

Они ушли. Абдуразаков, Ахунбаев, Султанов, Назарбеков и Зацепин, известный взводный раздолбай, приблудившийся к узбекскому землячеству по случаю своего ташкентского происхождения. Спуск занял не больше десяти минут, и вот они, уже напившись в арыке ледя-

ной воды, с гагаканьем влетели в самый первый дом. Свобода окрыляла, здорово! Никто над душой не стоит, мозги не прессует, эх, пошмонаем! Дело пошло, полетели пух и перья из подушек, алюминиевая утварь из шкафов.

– Хамид, чё ищем-то? – Исполнительный и бестолковый Султанов хотел точно знать, что надо начальнику.

– Чё, чё, – Абдуразаков загоготал, – во, дурак-то. Чё найдешь, то и твое.

– Чарс ищи, деньги ищи. Врубаешься? – коротко уточнил Зацепин, не разгибаясь и продолжая выбрасывать из объемистого сундука всякий, по его мнению, хлам.

– Назар, давай с Ахунбаевым по подвалам. Насчет жратвы сообразите, а ты, Султан, найди одеял, только без блох, и у входа сложи аккуратно. – Те быстро исчезли.

– Понасобирали разной херни, не разберешься. Во, смотри, халат какой-то, древний, как дерьмо мамонта.

– Ничего ты, Зема, не сечешь, это ж свадебное платье. Вышивку видишь? То-то. У наших старух такие же, а ему точно лет сто.

– Еще бы, истлело уже.

– А чарс или анашу ты здесь не найдешь. Женская половина. Точно не найдешь.

– Может, пайсу где заныкали.

– Пойдем лучше в их курилку. – Комнату без окон со странными углублениями в стенах они нашли без труда.

– Тут и искать нечего, пыль одна. – Он брезгливо провел пальцем по глиняной стене. – Вот бы кальян найти. Классный был бы сувенир.

Помещение оказалось совершенно пустым, но для верности обшарили все углы.

– Ха, кальян. Зема, смотри! Вот оно. – В одном из углублений Абдуразаков нашел-таки несколько столбиков чарса в плотном мешочке.

– Повезло, – они вожделенно разглядывали местное зелье, и уже от одного предвкушения балдежа их зрачки становились шире, – то, что надо. Ну чё, забьем косяк?

– Э-э, тормози. Дело сделаем, покушаем шашлык-машлык, тогда и забьем.

– Ладно, будь по-твоему. – Зацепин нехотя согласился.

Перевернув все вверх дном и ничего толкового не найдя, они спустились во двор.

– Ну чё, мужики, – сержант самодовольно улыбался, – нашли что-нибудь?

– Мука, кишмиш, рис есть.

– Одеяла все какие-то зачуханные, мандавошки ползают.

– Э-э, одеял-мондеял, мы с травкой сегодня, – он поднял мешочек с чарсом над головой и загоготал, – сегодня праздник устроим.

– Шмальнем! – Компания одобрительно зацокала языками.

– Не сейчас. Сначала дастархан. Все должно быть как у людей.

– Хамид, – поддержал сержанта Назарбеков, – мы ж баранов в трубу видели, они тут где-то шарятся.

– Дело говоришь. Что за дастархан без барашка. Мы с Земой в соседнем доме пошмонаем, а вы втроем на охоту! – Он снова гоготнул своей шутке.

– Может, его из автомата, а?

– Давай из автомата, только чтоб со стороны поста слышно не было.

Сегодня им определенно везло. Через час разделанный баран тушился в казане, а они, расположившись вокруг очага на горе подушек, разбирали свои трофеи.

– Султан, зачем тебе эти гребешки, бусы? Лучше б дельное что нашел.

– Как зачем? Матери, сестрам подарю. Красиво, да? Ты позавидовал, наверное.

– Пайсу нашел?

– Ты, Хамид, только о деньгах и думаешь. А откуда они? Люди уходили – деньги с собой забирали. Для бумажек много места не требуется. Кто же их оставит. Ты нашел?

– Не нашел. Зато смотри, сколько мы с Земой анаши надыбали. – В руках он подбрасывал пухлый полиэтиленовый пакет. – Нам теперь и на месяц хватит.

– Да, вот бы месячишко здесь и оторваться.

– Зема, у тебя губа до пола отвисла.

– А ты отказался бы, да? Умник. Давай лучше косячок по кругу пустим.

– Давай, Хамид. Пока мясо, пока рис… Сколько ждать.

– Ну теперь можно… – По какому-то новому праву он чувствовал себя не сержантом, но кем-то более старшим, может быть, вожаком стаи, может быть, и паханом. Это признали и свои, ташкентские, Ахунбаев с Зацепиным, и эти два лоха из-под Самарканда.

Раскурив сигарету, набитую анашой вперемежку с табаком, они предались путешествию в нирвану. Краски стали ярче, очертания предметов приобрели четкость и ясность, прямые углы стали еще прямее, и сами тела готовились куда-то взлететь. Еще затяжка и – вырастут крылья.

– Пацаны, кайф…

– Кто видит розовых чертиков, не пугать, это наши братаны. – Зацепин противно засмеялся, но его шутка всем понравилась.

– У меня нет чертиков, – вяло откликнулся Султанов.

– А у меня в голове калейдоскоп какой-то, – вслед ему прошелестел Назарбеков.

– Если рис подгорит, я вам по ушам надаю, у вас обоих искры вместо чертиков посыплются. – Назарбеков было подхватился, но его походка оказалась настолько неуверенной, что всем снова стало весело. – Ладно, я пошутил, черт с ним, с рисом.

Через какое-то время мир начал возвращаться на свои места. Запели птицы, зажурчал арык, в нос ударил запах бодрящий аромат мяты. Кухонная обслуга двинулась к очагу, откуда доносился запах настоящей еды. Сощурился на солнце и Хамид.

– Жаль, Сереги Хмыря с нами нет.

– Классный парень. Мы с ним еще в Термезе отрывались вовсю. Тёлок кадрил на раз, – мечтательно вздохнул Зацепин, – сюда бы одну.

– Да, мы тут оттягиваемся, а он теперь в госпитале матрацы проминает. Не повезло ему. Теперь не до тёлок.

– Как ему морду-то разворотило, видел?

– Видел, чуть не блеванул. – Абдуразаков сморщился, невольно представив, во что превратилось лицо их приятеля, когда его разрубил осколок.

– Говорят, сейчас новые челюсти умеют делать из пластмассы. Пластическая операция и – нормалек! Ничего, выживет.

– Выживет. Он здоровый, шайтан.

– Точно. Будет красавчиком, как Ален Делон. Член на месте – и все в порядке. Опять будет по Ташкенту круги нарезать. – Зацепин мечтательно вздохнул.

– Ты чё, ему завидуешь, что ли? Те чё щас плохо? Сначала ломом по морде, а потом – красавчик? Если хочешь, мы тебе враз устроим. Ахунбаев подержит, а я пригрею. Эй, бабай, глаза разуй!

– А лом есть? – откликнулся тот, медленно выходя из транса. Они взорвались хохотом, тыча в него пальцами. Ахунбаев же таращился на них, ничего не понимая.

– Во, боец! То что надо, стопроцентный, – наконец, отдышался Абдуразаков. – Давай, сходи к корешкам, узнай, готов плов или нет? Жрать охота, уже обед по времени.

– Слышь, Хамид, а как Серега эту дуру зацепил?

– Как, как… Пошел отлить в сторонку, ну и напоролся на растяжку.

– Ротный говорил, чтоб с тропы не сходили. Я думал, он врет.

– Кто ж знал, что все так и есть на самом деле. Это просто невезуха, столько гор, столько троп, а тут шаг сделал и – готово.

– И Гайнутдину горяченького перепало. А был бы он цел, топать бы нам по горам, как миленьким, и пикник наш обломился бы. Комбат точно бы роту Мамонта на посты поставил. У него такая задница, такой мозоль, куда ему в альпинисты записываться, вот он сейчас пыхтит. Каково судьба распорядилась?

– А ты соображаешь.

– Тут особенно и соображать нечего, только представь, как сейчас четвертая и пятая роты надрываются. Не сахар.

– Ничего, им полезно, здоровее будут.

– Хамид, а если «духи» появятся?

– С чего ты взял? Тут столько войск, чистят все подряд.

– Да так. Чего не бывает.

– У нас пять автоматов, по паре гранат. Если чё, мы им дадим жару. Еще и по медали заработаем. Понял, да? – Найдя простой ответ на вопрос, который уже возникал и в его голове, он почувствовал себя почти Искандером. – Эй, повара, вы там примерзли?

* * *

Рыбакин проснулся сам. Камни сквозь плащ-палатку и сухой валежник упирались в ребра, потертый и выцветший китель х/б прилип к влажному телу, и солнце уже смело светило прямо в закрытые глаза. Спать ночью – себе дороже, а днем это не очень-то и получается. Он полежал еще немного в полудреме, ловя последние мгновенья блаженства и прислушиваясь к окружающему, в которое он собирался вернуться. Тихо. Даже тише, чем обычно. Течет струйка песка, по своим делам куда-то ползет маленький скорпион, травинки покачиваются в такт порывам случайного ветерка. Не слышно только человека. Открыв, наконец, глаза, Рыбакин сразу посмотрел на часы – уже два. Потом – на радиостанцию, она стояла рядом, под рукой, и была выключена.

– Халилов! – он резко поднялся, а ответ не заставил себя ждать.

– Я здесь.

– На связь выходили?

– Так точно, по графику.

– Что нового в эфире?

– Четвертая рота на минное поле напоролась, несколько человек без ног осталось, «021»-х нет.

– …твою мать! – Он окончательно проснулся и понял главное: наша кровушка льется. – Кто?

– Не говорили.

– Что у нас? Давай журнал наблюдений. – Здесь Халилов замешкался, и Рыбакин в ожидании поднял на него глаза: – Ну?

– Тут такое дело… Абдуразаков с четырьмя дембелями ушел в кишлак.

– Когда?

– Сразу после восхода солнца.

– Ну а ты, замкомвзвода? – По лицу взводного прошла волна тревоги и агрессии.

– А что я… – Удар пришелся прямо в нос, и из него протекла кровь, а тело неудачливого старшего сержанта отлетело на скат небольшого окопа. – А что я? – уже визгливо запричитал он, заслоняясь локтями и ощупывая лицо.

– Что ты? Кто ты? Сука – вот кто ты! Ты почему меня не разбудил?! – Новый удар пришелся снизу в челюсть. – За трусость надо платить. Ты боялся, что тебя побьют, вот и получай! – Третий удар пришелся по печени.

– Я их отговаривал. – Халилов поперхнулся и согнулся вдвое.

– А они не послушались. – Взводный держал его за горло, не давая упасть, и был готов растерзать. – Из-за таких, как ты, люди гибнут. Предатель!

– Я же их отговаривал. Я не предатель.

– А что ты в полк доложил в восемь, в десять, в двенадцать часов, в два часа? Повтори форму доклада.

Замкомвзвода замешкался:

– Я сказал, что все на месте.

– Значит, все. Вот ты и ответишь за каждое слово. Ты понял? За – каждое – слово.

Оттолкнув от себя Халилова, Рыбакин тяжело опустился на землю. Он прекрасно понимал: если что-то случится, отвечать будет именно он сам, а никакой не Халилов. И в этом заключалась не логика, а сама жизнь.

Остальные солдаты взвода попрятались, как ящерицы, под камнями, чтобы не попадаться под горячую руку командиру, они ведь тоже его не разбудили и поэтому тоже несли свою маленькую ответственность. Гнетущее напряжение сменило командирскую ярость, оно висело над постом, как грозовое облако, росло, становилось все тяжелее и невыносимее. И в этом отчетливо проступала какая-то жуткая предопределенность.

– Когда они вернутся?

– Часа через два.

– Они так и планировали с самого начала? Вот мерзавцы. Ты-то хоть понимаешь, что они бросили боевой пост?!

– Понимаю.

– Теперь понимаешь, когда юшка потекла, а раньше не понимал.

– Товарищ лейтенант, – набравшись смелости, Халилов посмотрел на взводного, – они могут не прийти через два часа. Я знаю Абдуразакова и Зацепина знаю. Они *отвязные,* они пределов не знают, если заведутся. Чарс найдут, не остановятся.

– Понятно, дури у них у обоих хватает. Я тоже их знаю. Но еще я знаю, что не очень-то они смелые, морды им всем лично щупал.

– Я бы так не сказал. Когда волки в стаю собираются…

– К темноте *по-любому* будут. А солнце заходит в восемь. Что же командиру докладывать?..

– Вы их не знаете, товарищ лейтенант. Они действительно могут не прийти, они еще в Термезе после отбоя такое творили…

– Что ты мелешь? Разозлить, что ли, меня хочешь, или тебе мало досталось? Как это они не придут, это же опасно. Здесь же «духи» есть, это точно, как белый день.

– Но мы ведь никого так и не видели за все эти дни.

– На то они и «духи».

* * *

После жирного плова, после компота из сладкого урюка и кишмиша, после травки они чувствовали себя превосходно.

– Вот это жизнь!

– Не жизнь, а кайф!

– Пацаны, я балдею…

– Не ты один, да?

– Кто бы мог подумать, что все так классно получится.

– Со мной не пропадешь.

Абдуразаков гордился своей смелой выходкой, его авторитет сейчас стал невообразимо высок. Все оказалось просто: переступаешь красные флажки, и тебя с распростертыми объя-

тиями встречает воля. Главное – сделать это! А сделать это может не каждый – только такие, как он, избранные. Он еще себя покажет, в Афгане есть где развернуться, он себя покажет. Здесь даже законов нет, убьешь – и ничего тебе не будет.

– Хамид, а когда на пост будем возвращаться?

– Ну ты козел, весь кайф обломал. Когда, когда? Спешишь, что ли? Завтра. Все нормально, не дрейфь. Кроме нас, здесь никого нет.

– А как же Рыбакин?

– А что Рыбакин, что он сделает? Жратвы принесем, будет доволен. Он теперь в штаны наложил, а мы вернемся – вот будет ему радости. Да и вообще, надо взводного приручать, с ним можно договориться. У нас деньги будут – и ему перепадет. Понял?

Пожалуй, что все они и всё поняли правильно, а потому отдых получился на славу. Помылись в ручье, постирали обмундирование, не проходило ощущение, что это какой-то обалденный пикник, классный туризм где-то в районе Фирюзы. Блаженство, первый раз за последнюю неделю вместо мерцающих звезд над ними был потолок, может, и не беленый, как у русских и немцев, и не синий, как дома, но все-таки потолок. Спали в куче матрасов в самом богатом доме, это они, конечно, заслужили, а как же иначе, ведь это впервые, после того как пересекли границу, бери больше – после того как ушли из дома. Какая тут, к черту, война…

«Духи» пришли к рассвету. Обычный дозор, обычная войсковая разведка. Старый Сахиб, который не захотел уходить на восток вместе со всем кишлаком и к которому теперь пришли гости от Масуда, ничего не ждал от жизни, да и от смерти ничего не ждал. Ему все одно – что прозябание на жалких черствых лепешках, что тихий уход в райские кущи. Аллах примет, Сахиб не нарушал заповедей ни в дни мира, ни теперь – в джихад. И эти молодые нервные парни, что теперь тыкали в его грудь автоматами, ему безразличны. Чужие? Шурави? Да, есть несколько человек, ходили вечером по кишлаку, стреляли. Сколько? Кто же их знает, одному Аллаху известно.

Утро выдалось прохладным, добрым, лучи солнца, вырвавшись из-за ближнего хребта, играли тысячами бликов в горном ручье. Не отойдя толком ото сна, эти самые шурави покошачьи потягивались, дурачились друг перед другом, зевали.

– Пойдем, отольем, что ли? – Ахунбаев открыл один глаз, щурясь на молодое солнце.

– А тебе подержать? Сам не можешь, ослаб совсем? – Зацепин беззлобно заржал, его вяло поддержали все остальные.

– Ладно, идем к ручью, освежимся. У кого я вчера мыло видел?

– Да вот оно на камне.

– Давайте вперед, а я следом, ботинки зашнурую, – бросил Абдуразаков.

– Потом опять расшнуровывать, охота тебе.

– Э-э, стволы кто оставил?

Зацепину же с утра не только ботинки не хотелось шнуровать, но тем более таскать четырехкилограммовый автомат и магазины в подсумке.

– Да ну их на…

– Я кому сказал! Совсем тут оборзели. Мое слово – закон, сказал взять, значит, взять. – Со своим автоматом Абдуразаков не расставался никогда, но это скорее привычка, чем правило. Правил он не любил, хотя некоторые из них не только признавал, но и педантично выполнял.

– Чё ты заводишься? Вспомнил, что начальник, что ли? Гражданин начальник, разрешите сесть, разрешите встать?.. Сбегай взводному доложи, он дергается теперь.

– Закрой хлеборезку, пока не врезал.

Холодная вода, бежавшая откуда-то с ледников, быстро приводила в чувство, поднимала тонус, она не позволяла ни зевать, ни кукситься. Усевшись на крупном валуне, каких побли-

зости было много, Абдуразаков веселился больше всех, глядя на картинные мучения своей компании.

– Куда? Назад! Отмокай.

– Хамид, кончай!

– Ага, щас кончу, – ему стало еще веселей, – ты покритикуй, а я как раз кончу. Упор лежа принять! Всех касается!

– Вода ледяная.

– Хватит менжевать, солдат должен быть крепким и закаленным.

– Хамид, Хамид! Во, блин, ты влево смотри!

Из-за угла ближнего дувала, с трудом переставляя слабые ноги, показался высохший от времени одинокий старик. Вот он остановился, опершись двумя руками на толстую суковатую палку, служившую ему посохом, уставился равнодушным взглядом на оторопевших солдат.

– Я думал, тут никого. Мы же в трубу никого не видели, откуда он взялся?

– Во, старый козел. Смотри, какая у него борода. Точно, как у козла.

– Зема, сам ты козел. Что ему надо? Откуда он взялся?

– Откуда, откуда, из норы вылез. Щас попытаем аксакала насчет пайсы, обстановочку разведаем, вот и узнаем. Правильно я говорю, Хамид? – Зацепин на этот новый экзотический персонаж смотрел спокойно и думал по-прежнему только об одном – что из этого можно извлечь.

– Правильно, Зема, правильно, только не нравится мне все это.

– Да брось ты, встряхнем аборигена, расколется, где и что у них в этом поганом кишлаке.

– Назар, Султан! Давай ко мне, возьмите стволы на всякий случай. Бабай, ты по-таджикски шаришь, спроси, кто он такой, чё ему надо, чё из норы вылез, «духи» где?

– Эй, ты! Бача! Инджабиё. – Ахунбаев сделал два шага навстречу старику и больше не смог. Первая пуля ударила его в спину и бросила лицом на камни. Но не успел он упасть – вторая и третья пробили лопатки, ребра, легкие. Потом прошуршал долгий и медленный выдох, и все… Остолбеневший от ужаса Зацепин обернулся на хлесткий грохот выстрелов, пытаясь нелепо закрыться от них руками, но свинцовые струи достали и его, пробили несерьезную защиту и воткнулись в мягкое человеческое мясо.

Сахиб смотрел на то, как умирают чужестранцы, такими молодыми и такими глупыми, как бараны. Он не жалел их, пусть умирают, значит, так угодно Аллаху, на все его воля. В старческих глазах давно стояла печаль, слишком много вокруг смерти, завтра, а может быть, сегодня она придет и за ним. За его спиной, прикрываясь камнями и толстой чинарой, изготовились к стрельбе два таких же молодых моджахеда. В их глазах азарт охотников, они думают, что они панджшерские львы, а на самом деле – тоже бараны и умрут чуть позже.

Назарбеков и Султанов не успели к своим автоматам, оставленным на берегу ручья. Им предназначалась другая судьба. С противоположной стороны, разбрызгивая осколки щебня, шипя красными жалами трассеров, по ним ударили два автомата. Один из трассеров перебил Назарбекову бедро и, завертевшись, обжигая изнутри, ушел куда-то в брюшину и выше. Надрывный крик наполнил легкие, горло и странно осекся в гортани, толчками выдавливая из нее дикие хрипы и струйки тяжелой крови. Султанов, оглушенный визгом и грохотом пуль, в первое мгновенье упал на мокрые речные камни, потом неловко приподнялся и на дрожащих руках и коленях медленно пополз к воде. Он что-то жутко выл себе под нос, тряс головой, в его безумных глазах стекленел ужас.

Сержант в какую-то долю секунды сумел соскочить с каменной глыбы, которая вместе с другими валунами поменьше стала последним рубежом его обороны, и сделал несколько беспорядочных очередей в разные стороны. Он все видел, что произошло и что происходило теперь, но уже ничего не мог изменить. Рядом с ним пули буравили землю, уходили вглубь и взбивали фонтаны песка, щебня, он вертелся между камней, уходя из-под чужих прицелов, снова стрелял, снова куда-то полз, раздирая в кровь колени и локти. В нескольких метрах в

стороне, сваленные в кучу, лежали автоматы с пристегнутыми магазинами, подсумки, вещевые мешки с гранатами, но ему до них не добраться, только высуни нос, и – конец.

Короткая очередь в четыре пули прошла над его головой и отметилась ровной строкой на поверхности речной заводи, где недавно они умывались. Он оглянулся. Все так же на четвереньках Султанов по самые локти зашел в ледяную воду и, вжав голову в плечи, повернувшись к стрельбе задом, продолжал что-то мычать про себя. Отличная мишень, но в него не стреляли.

– Султан! Возьми автомат. Ну возьми же.

– Ы-ы-ы-ы…

Абдуразаков внезапно и окончательно понял, что остался совсем один. Жуткая звериная тоска навалилась на сердце.

– Султа-ан! Султанчик. Ну всего два шага! Возьми автомат!

«Духи» меняли позицию и ненадолго прекратили стрельбу. Вот они мелькнули между деревьев, залегли, сержант прицелился, аккуратно положив афганский тюрбан на мушку своего автомата, и плавно нажал на спусковой крючок. Боевая пружина мгновенно бросила вперед курок, и тот, как тысячи раз раньше, хлестко рубанул по ударнику… Выстрела не последовало. Магазин был пуст. В этой тишине осечка показалась ему отчетливой и громкой, а может, и не показалось вовсе, потому что «духи» поднялись и молча, без стрельбы, держа его укрытие под прицелом, направились прямо к нему. Их было четверо. Худые, невысокие, еще нестарые. Точнее не скажешь, движения свободные, легкие, а лица уже загрубевшие, морщинистые. Они окружили Абдуразакова, с любопытством рассматривали его, хотели забрать автомат, который тот прижал к груди и не отдавал. «Духи», возбужденные легкой добычей, о чем-то быстро переговаривались между собой, потом кто-то кивнул в сторону Султанова, наверное, спрашивал, что с ним делать, а получив ответ от старшего, засмеялся и пошел к воде, поднимая автомат для стрельбы.

– *Вай, сарбоз, час стрелят будем, час умират будем,* – потом добавил несколько гортанных слов на своем языке и снова засмеялся, приложил приклад к плечу, целясь своей жертве в шею.

Все ждали. Султанов по-прежнему стоял в реке и продолжал что-то мычать себе под нос, а Абдуразакову показалось, что он звал маму.

Длинная очередь прогремела внезапно и страшно, заполнив собой глаза, уши, сердце и целый мир вокруг. Обезглавленное тело Султанова упало в реку. Сержант с ужасом смотрел, как вода вокруг него становится красной и медленно уходит все дальше вниз по течению, вниз, в никуда. На него смотрели чужие солдаты, а своих солдат он погубил. Всех погубил. Это ведь он привел их в кишлак. Абдуразаков думал о себе в третьем лице и удивлялся, как он может так сам о себе думать…

Когда в глубине кишлака началась стрельба, Рыбакин понял все и вдруг успокоился. Это не он принял решение, это судьба сделала свой выбор вместо него, но это и есть главное – принятое решение, такое состояние мира, когда все приходит в гармоничное движение, а мысль и воля согласованы и неразделимы. Доклад командиру полка прозвучал холодно и четко, и, когда радиоволна в ответ принесла ему взбешенный голос командира, он только глухо бросил в эфир:

– Я отвечу…

– Ты ответишь, сукин сын, ты за все ответишь!

В полдень в кишлак прибыла разведрота полка и еще взвод из третьего батальона, оказавшийся поблизости. Они устроили лихую и быструю проверку всех домов и других построек. В некоторые особенно темные помещения, в подвалы даже не входили – бросали гранаты или короткими очередями щупали дальние углы. Разведчики, мстительные и злые, как черти, никогда сами не знали таких потерь и теперь разумно опасались напороться на засаду, на внезапный огонь в упор. Тела всех ребят нашли быстро, они так и лежали на берегу своей последней

реки, нашли и отсеченную голову Султанова, которую потоком унесло до каменистого переката. Такого в полку еще не знали – пять убитых за одно утро. У тела Абдуразакова разведчики задержались и застыли с каким-то внутренним холодом. Он все также сидел, прислонившись спиной к камню на своем последнем огневом рубеже и сжимая в руках автомат, свою единственную и бесполезную надежду. Заматерелый старлей-разведчик тронул его за плечо.

– Крепкий был парень, по всему видно. Четыре дырки в груди. Смотри, Петров, смотри на настоящего сержанта. Погиб, как воин, с оружием в руках, не выпустил. У него в глазах сама смерть застыла.

– Я вижу. Он и сам – смерть. Теперь ночью сниться будет.

– А ты что хотел, руки умыть и забыть? Ни хрена не выйдет, чем больше запомнишь, тем злее будешь. Вот как они с нами! Ты понял? Послужишь с мое – все поймешь. Ты в своей жизни кому-нибудь закрывал глаза?

– Еще не приходилось.

– Закрой ему, он твоим первым будет и вряд ли последним. У него и вправду в глазах смерть, он видел Её.

– Как это?

– А вот так. Видел, и все тут, потом поймешь. Закрывай и забери у него автомат.

Молодой разведчик с брезгливостью и почтением прикоснулся к мертвому телу, провел рукой по лицу, опуская уже остывшие веки. Попытался взять автомат, но у него ничего не вышло. Ставшие синими пальцы намертво обхватили цевье и шейку приклада и не разжимались. Именно *намертво.*

– Он не отдает.

– Не отдает? Значит, уже и не отдаст. Проверь магазин и канал ствола. – Петров отстегнул пустой магазин, отвел назад затворную раму.

– Ни одного патрона.

– Так и должно быть. Вот это смерть у парня. Настоящая. Кто-то и позавидует.

– Чему же тут завидовать?

– Смерти воина.

Из замшелой норы выволокли и Сахиба. Ему снова тыкали в грудь стволами, что-то кричали. Но он ничего толком не мог сообщить. Пришли кяфиры, много смеялись, стреляли барана, утром умывались на реке. Пришли воины Аллаха, моджахеды. Стреляли в кяфиров, тоже смеялись, потом ушли. Он смотрел в глаза безумных от злости разведчиков, бормотал бессвязные слова, хрипел, когда его тащили по земле за бороду и наступали на горло сапогом, но так и не смог объяснить, что те пятеро уже на пути в рай.

В его душе не осталось сил ни для ненависти, ни даже для обиды. А вокруг такая хорошая весна, в такую весну хорошо умирать. Аллах милостив…

*** * ***

– Товарищи офицеры, – Карцев, мрачный и сосредоточенный, стоял перед старшими офицерами полка, упершись руками в стол, – у нас в повестке дня совещания несколько вопросов. Итак, Рыбакин, командир взвода со второго батальона, за гибель своих солдат будет отдан под трибунал. Сейчас прокуратура проводит проверку, на время ее работы он откомандирован в Баграм, в распоряжение командира дивизии. С ним разберутся. А вот что с тобой делать, Усачев?

– Что положено, то и делайте. – Комбат-два тоже встал, развернул плечи и тяжело посмотрел в глаза командиру полка.

– Хватит демонстрировать мне твердость характера, и у меня твердости хватает. – Брови командира жестко сошлись у переносицы, но во всем его облике, в этом задубевшем от ветра

лице ощущалась незавершенность мысли, которая вот-вот должна разрешиться. – Да тебя самого вместе с Рыбакиным под трибунал отдать надо!

– С какой формулировкой?

– За потерю управления в батальоне! Пойдет такая? Как ты вообще мог этого «щенка» поставить командиром поста у нас в тылу? Это он так полку спину прикрывал?

– Он виноват. Но здесь не только его вина. У меня среди взводных ни одного *старлея* нет. Выбирать не из кого.

– Не ты один в таком положении.

– А кем комплектовали рядовой и сержантский состав батальона перед отправкой?

– Я в курсе, только это дела не меняет. Теперь это твои солдаты.

– Кто бы спорил, – пробормотал Усачев, сдерживая эмоции. – Но как же не меняет, а с кем Рыбакин службу нес? У него, у кого-то другого это рано или поздно случилось бы.

– Должно было, говоришь, но случилось именно у твоего взводного. Не умаляй роли командира! Родителям что будешь рассказывать? Что *это* должно было случиться?

– Ну это ниже пояса, они – преступники, а уж потом жертвы, вот о чем родителям надо рассказать! Что касается меня, то я не отказываюсь от ответственности, но должен доложить, что Рыбакин – подготовленный офицер, может быть, лучший. Я и сейчас на этом настаиваю.

– Смело, слишком смело с твоей стороны. Я все-таки советовал бы гонор поубавить, еще политотдел своего слова не сказал. И я уверен, что это слово будет не в твою защиту. Про комплектование постарайся больше не вспоминать, месяц прошел, как твой батальон здесь. Боевая подготовка, политико-воспитательная работа… Все проведено. Так? Батальон участвовал в зачистках и блокировках, получил хорошую практику. Так? Все поняли, где они находятся, что это не Термез. Так?

– Все так, только дело не в боевой подготовке…

Офицеры – заместители командира полка, командиры и начальники штабов батальонов, командиры рот, – защищенные от посторонних глаз полуразрушенными стенами дувалов и маскировочными сетями, молча сидели на длинных лавках и старались не встречаться взглядами ни с Карцевым, ни с Усачевым. Если бы кто-то из них попал в эту ситуацию? Что бы он делал на месте Усачева? А эти двое уперто и бестолково отстаивали каждый свою правду, и, кажется, оба понимали, что ничего не докажут друг другу, отчего сам вопрос становился острее и переходил из категории служебных в категорию личных. А ответ на вопрос… Он же очевиден. Очевиден, как старый солдатский котелок, который в походе что мать родная, как автомат, который не успеваешь почистить от боя к бою, как жизнь, за которую каждый отвечает сам.

– Да, дело не только в боевой подготовке – дело в готовности к бою. Я всем скажу. Вы вот что… Если до кого-то не дошло. Это не учения. Здесь обед не по расписанию. Это – война! Лучше сейчас понять. А когда отпевать начнут – тогда, извините, поздно. Я защищать никого не буду, за нами солдатские жизни, кроме нас, их уберечь некому.

В минутной паузе вдруг почувствовалось некоторое облегчение, словно пик напряженности, взаимного неприятия пройден и настало время собирать камни и завоевывать доверие, думать о том, что будет после.

– Ладно, теперь второй вопрос. Был я сегодня в хозяйстве Усачева, посмотрел у него минометную батарею. Всего-то десять дней рейда, а солдаты страшно исхудали, кожа да кости. Минометчикам с их трубами и плитами тяжелее всего, да и другим немало досталось. Надо срочно принимать меры. Заместитель по тылу, начальник продовольственной службы, – Карцев остановил на них взгляд, – сегодня же организуйте выдачу дополнительного пайка всему личному составу. Сгущенное молоко, сыр, лосося в банках, ну и так далее, все, что возможно.

– Но, Александр Иванович…

– Знаю, знаю. Что можно, сколько можно, кому… Ну что я объяснять, что ли, буду, и так же все ясно. Надо, Николай Петрович, надо, ответственность разделим поровну. Ваше дело

организовать и организовать быстро, чтобы через два-три часа подразделения все необходимое получили.

– Есть. Понял. Я все организую, но как списывать будем?

– У нас с начала месяца два «Урала» на минах подорвались.

– Да. Один в танковом батальоне, другой – в роте материального обеспечения.

– Ну и что ты спрашиваешь? Когда будешь оформлять их на списание, покажи в документах, что они были загружены еще и продовольствием. Сколько надо, столько и напишешь, потом представишь мне расчет. Все ясно.

– Ясно.

– Начмед, теперь ты. В первом и втором батальонах, в разведывательной и саперной ротах сегодня же провести проверку. Выявить всех дистрофиков и забрать к себе в санчасть, будешь держать, пока не откормишь. Задача ясна?

– Так точно.

– Теперь последний вопрос. Тыловики все свободны, идите, работайте. – Когда они ушли, командир полка продолжил: – Поступила серьезная оперативная информация, и ее надо реализовать. Одним словом, полк получил боевую задачу. Выдвигаемся в Малый Панджшер, вот сюда. – Карцев ткнул карандашом в висевшую на щербатой глиняной стене штабную карту. – Первый батальон выдвигается до Дуава, по мосту пересекает Панджшер, и далее – вдоль Хазары. Особое внимание на скалистые откосы здесь, здесь и вот здесь. Могут быть долговременные огневые сооружения. Главная задача – район кишлака Пизгаран, здесь должны быть склады с оружием и боеприпасами. Контрольное время – четыре часа дня. И его, и другие кишлаки в этом районе зачистить – каждый дом, каждый дувал. Вести наблюдение, соблюдать предосторожность. Склады, если они есть, охраняются. После зачистки начинаете подъем и выходите на гребень, здесь ночной привал. Второй батальон выдвигается вдоль Хисарака, вот здесь поворачивает на восток и дальше двумя колоннами по отрогам поднимается к основному хребту. К ночи занимает высоты к западу и юго-западу от Пизгарана… Разведывательная рота в резерве, получит задачу отдельно по мере развития обстановки. Саперы обоим батальонам придаются повзводно, расчет прежний. Огневую поддержку обеспечивает наш артиллерийский дивизион, позывные прежние… К концу второго дня выйдем к «пятитысячникам», там нам задачу уточнят. Выдвижение на исходные рубежи начинаем сегодня. Таков общий план мероприятий. Вопросы?

– Командир первого батальона капитан Королев.

– Слушаю.

– При таком рельефе местности и таких перепадах высот я со всем своим хозяйством к четырем часам дня к Пизгарану не выйду.

– Срок выполнения задачи не обсуждается.

– Это не обсуждение, товарищ подполковник. Я уясняю задачу оцениваю обстановку а перед принятием решения мне нужно разобраться в деталях. К указанному сроку на рубеж задачи батальон может выйти при одном условии: если будет выдвигаться вдоль Хазары, по долине, то есть без прикрытия. Вы отдадите такой приказ?

– А ты готов его выполнить? Так, нечего загонять меня в угол – задача поставлена. Срок остается прежним, у меня нет полномочий его менять. – Помедлив, добавил вполголоса: – Доведу до вас информацию ограниченного распространения. Командование округа уже отчиталось перед Москвой, перед политическим руководством об освобождении Панджшера от банд формирований Ахмад Шах Масуда. По афганскому телевидению и радио местная власть выступила с обращением к народу. Наверное, поторопились. Завтрашняя операция идет вразрез с этим докладом, с обращением, и лишнего часа нам никто не даст. Королев, своим решением выделишь роту или два взвода для прикрытия, определишь им маршрут по уровню выше

маршрута батальона, но лучше по гребню. Ну и командира потолковей поставь. Все у вас получится. Еще вопросы?

– При такой постановке задачи должна быть огневая поддержка и с воздуха.

– По замыслу командира дивизии, при необходимости в интересах полка будет работать звено «горбатых», за ними общее прикрытие. Кроме того, из приданных сил у меня в резерве, считай – у тебя, реактивный дивизион артиллерийского полка из Чарикара. В общем, комбат, вся артиллерия с тобой, авиация… А свои минометы ты сосчитал? Да у тебя в строю будет полторы сотни «штыков», не считая роты «зеленых». – Карцев приободрился после убедительного монолога и с высоты своего изрядного роста покровительственно посмотрел на Королева. – Выполняй приказ.

– Есть!

* * *

– Мишка, – Ремизов остановился на узкой, крутой тропе, ползущей вверх по гребню хребта, мечтательно потянулся и сбросил с окаменевшей спины вещевой мешок, – сегодня тридцатое апреля. Моя сестра позавчера замуж вышла, свадьбу играли, представляешь, а я только сейчас вспомнил. Свадьба! Я совсем обалдел, такое событие! А у меня в голове чертте что…

– Отречемся от старого мира… У тебя все как в песне. Ты уже отрекся. Три дня семью не вспоминал, вот вам и настоящий вояка. Арчи, так нельзя.

– Почти отрекся. Я и представить не могу, что где-то другая жизнь. Вишни, яблони вот-вот зацветут, а впереди – май, впереди – счастье…

– А что у нас впереди? – Марков по натуре не романтик и не философ, и за этим риторическим вопросом явственно просматривались и снеговые вершины, которые им предстояло покорять в ближайшие дни, и неблестящие рыбакинские дела. День назад Толик отправился в прокуратуру давать показания, а они с Толиком четыре года учились вместе в Ленинграде.

– Шанобаев! – Замкомвзвода, всегда шедший во взводе последним, откликнулся сразу. – Взводу привал десять минут. Проследи, чтобы консервы не доставали, обедать позже будем. По моей команде. С тропы не сходить.

– Шанобаев, передай по цепи и в мой взвод Умарову – привал. – Шедший следом взвод Маркова сориентировался самостоятельно, но во всем должен быть порядок. Солдаты тяжело валились на тропу, закрывали глаза, они уже научились отключаться даже на эти короткие десять минут.

– Спешить нам сегодня особенно некуда. Ну что, закурим? – Ремизов предпочитал «Ростов», получал на складе только эти сигареты, и его легкие с удовольствием принимали их сладкий дым, даже когда надрывались от работы и недостатка кислорода…

– Можно и закурить. А сколько твоей сестре?

– Восемнадцать лет, дитя еще, поторопилась. Что тут поделаешь, не терпится.

– А мы оба, Арчи, не поторопились, когда женились сразу после «бурсы»?

– «Вот пуля пролетела, и ага, вот пуля пролетела, и товарищ мой упал…» Ты это имеешь в виду? Или Толика? Или все вместе?

– И то, и другое, и третье.

– Ну детей мы еще не народили, сирот после себя не оставим. А что касается жен… Быть молодой вдовой почетно. – Ремизов произнес это легко, беззаботно, и даже в голосе чувствовалось, что его душа в этот теплый апрельский день ничем не отягощена.

– Господи, кто командует третьим взводом! Тебе же солдат доверять нельзя.

– Что значит – нельзя? Ирка мне себя в жены доверила. А ты знаешь, она какая? О-го-го. Осторожная.

– Что пишет? – Марков спросил по инерции, потому что в чужих письмах интересного нет почти ничего.

– Что – неважно. Важно как. Меня не покидает ощущение, что это письма из другой жизни. Тот прежний мир все еще существует, он такой же, как и был, он не изменился. А наш, в котором мы с тобой, стремительно деформируется. Она пишет, что там, дома, тоскливо, ждет меня в отпуск, просит, чтобы письма чаще писал, чтобы большие, на нескольких страницах. Эх, мне бы до очередного перевала дойти, упасть под камень и уснуть. Мы теперь на самом деле в разных мирах.

– Моя вспоминает, как хорошо мы жили в Термезе.

– Я тоже вспоминаю, – Ремизов помолчал, – но лучше не начинать.

– На тебя этот старый пессимист Хоффман плохо влияет.

– Совсем он не старый, а в остальном… Он просто ко всему относится критически, отсюда его английский сплин, вот так-то, Миша.

– Наверное, на этой почве они с Мамонтом нашли полное взаимопонимание, теперь Костя состоит при нем как начальник личной охраны, да и напрягается не больше.

Все эти альпийские восхождения Маркова тяготили, стояли как кость в горле, и потому он немного ревновал к более удачливому соседу, совсем чуть-чуть, но все-таки. Да и как не ревновать, если тот со своими бойцами в настоящий момент где-то внизу, в долине, безмятежно сопровождал семипудовое тело ротного, пока два взвода прикрывали их сверху, штурмуя каменистую гряду.

– Брось, я давно понял – дураков нет. Все ищут выгоду. Вот что мы на гребне делаем? Мы делаем то, что должны, задачу роты выполняем, так почему же командир роты не с нами? Он там, где легче, где удобнее. – Сегодня Ремизов не злился, в такую славную весеннюю погоду нельзя злиться, но пока он вытаптывал рыхлый горный снег и искал место в камнях, куда поставить ногу, то думал именно об этом и теперь рассуждал вслух. – Пока мы карабкаемся по гребню, он в безопасности.

– Чужими руками жар загребает.

– Соображаешь. – Ремизов хитро улыбнулся и многозначительно поднял палец. – Командир без необходимости не должен разбрасывать роту, распылять силы, чтобы не потерять управление. Это горы. Мы не видим друг друга, не чувствуем локоть. Скоро час, как я потерял их из виду. Мы даже не знаем, где они сейчас.

– И в эфире тишина.

– Если с нами что-то случится, они не помогут.

– Мужики! – Сверху из-за осыпи камней быстрым шагом, перескакивая с валуна на валун, тяжело дыша, к ним приближался Горелов, офицер инженерно-саперной роты, чьи люди работали со вторым батальоном. – Мужики, первому батальону конец. Их на куски рвут, уже двадцать убитых, только что по связи передали.

– Двадцать убитых? Что ты такое говоришь?

– На засаду, похоже, напоролись.

– Мы здесь как глухие, наши Р-148-ые первый батальон не берут. А кто передал?

– Не знаю, мы их волну поймали. Там мясорубка! Их расстреливают, и все! – Горелов кричал, жестикулировал, из него жгучими искрами рвалось нервное возбуждение.

– Как это – всё?

– Не знаю как! У связиста истерика. А может, это и не связист вовсе. Говорит, комбата убили. И все управление батальона положили под пулемет. – Сапер от волнения задыхался, говорил быстро и бестолково, распираемый страшной вестью. – Всех связистов ротных завалили.

– Слушай, что-то на «духов» не похоже, слишком грамотно, даже профессионально. Наверное, по антеннам вычисляли.

– Еще бы не вычислить. Ну и тех, кто рядом, под гребенку. А рядом командиры, вот и весь расклад. И что тут мудрого?

– Что делать будем, мужики? – Сапер переводил взгляд с Маркова на Ремизова, словно ожидал от них совершенно простого, но крылатого решения, которое уже витало над их головами, совсем близко, рядом. Только протяни руку, только открой последнюю страницу недочитанного учебника тактики, где собраны все подсказки.

– Их спасать надо, – тупо выдавил из себя Ремизов. Над его головой не витало ничего, он только прислушивался, пытался уловить звук отдаленной стрельбы, но жужжащая в отдалении пчела так и не дала ему ничего услышать.

– Кто спасать будет, ты, что ли? Там двумя взводами не обойдешься, – поежился Марков, нечаянно представив, что их ждет.

– Не нам решать, двумя взводами или двумя ротами, – не согласился Горелов.

– И Мамонта на связи нет. Где же он есть? Где его черти носят?

– И не ему решать, – вскользь бросил Ремизов. – Ну-ка, прикинем по карте.

Прикидывать оказалось нечего. Расстояние в семь-восемь километров для солдата и не расстояние вовсе, но на этом участке между ними лежал крутой горный кряж, из которого вырастали заоблачные пики Гиндукуша. Надо было дважды спуститься в долины и дважды подняться на хребты, перейти через них без троп и перевалов, и только тогда они оказались бы в районе Малимы, того кишлака, где сейчас умирал первый батальон.

– Мы ничего не сможем сделать. – Голос Ремизова ослабел и потух.

– Нам потребуется часов десять, а то и больше. – Стало очевидным, что теперь все они только статисты, а драма жизни идет на другой сцене.

– А если налегке?

– Арчи, ты сбрендил, кому мы там нужны налегке?

– И потом, это мы сможем, а бойцы – нет. Они и так еле живы, а здесь бежать надо, чтобы хоть как-то, хоть к чему-то успеть.

– Значит, ребятам хана?

– Ты не врубился. Мы ничего не сможем сделать. Ты не понимаешь?..

– Как раз понимаю. При любом раскладе надо подойти ближе. Никто не знает, что и когда потребуется. Куда же пропал Мамонт?

* * *

Получив боевой приказ и выйдя с совещания, Королев обозвал себя перестраховщиком и успокоился. Карцев, ставший полтора месяца назад из командира танкового полка командиром мотострелкового, внушал ему неподдельное уважение. Больше года на войне, спокоен, уравновешен, но при этом обладает харизмой, однажды принятых решений не меняет, все дела доводит до конца. И организатор что надо, и мужик стоящий. В общем, его полк работал как часы. Каждый офицер в глубине души мечтает служить в таком полку, где предсказуем каждый день, где есть порядок во всем, начиная с того, как приготовлена солдатская каша.

С рассвета третья рота продолжила движение по правому хребту. Мины к минометам, дополнительные гранаты к подствольникам Королев разрешил не брать, но это все, что он мог позволить роте прикрытия. Оставить людей без пайка, без воды? Снять с них половину боекомплекта? Вот головная боль! Ни первого, ни второго делать нельзя, это ясно как белый день. А из этого следует, что при полном боекомплекте они будут отставать от батальона, передвигаясь по отрогам и осыпям, и не смогут обеспечить полноценное прикрытие на своем фланге. Впереди по берегу Хазары шли саперы, разведчики, выполняя роль головной походной заставы, следом – группа управления батальона, вторая рота, гранатометный взвод, минометная батарея. Нет в этом перечне только первой роты, которая после подрывов мостов на Кабульской

трассе обеспечивала охрану района. Королев позволил себе паузу в тридцать минут, пока рота прикрытия поднималась на указанный ей уровень, и, убедившись, что ни в какие предполагаемые нормы по времени она просто не вписывается, начал движение основными силами. Действовать приходилось по обстановке, но в этом нет ничего нового, на то она и война. Разогнав туман, начинался по-весеннему теплый, солнечный день, он совсем не располагал к тревожным мыслям, не вызывал беспокойства. Кто-то же должен помнить, каким выдался этот день, кто-то же помнит…

На связь вышел командир дивизии.

– «Клен», где находишься, доложи обстановку.

– Головным дозором прошел… – По кодовым таблицам он назвал кишлак Зарди, что расположен недалеко от входа в ущелье.

– Почему так медленно?

– Я выполняю боевую задачу согласно приказу «Стрелы». Мой «Клен-три» выдвигается по гребню западнее, он не успевает за мной.

– К черту «Стрелу», он отстранен от руководства операцией. Слушай мой приказ. Немедленно снимай третье хозяйство с хребтов, подтяни его к себе, не распыляй силы. Времени у тебя в обрез.

– Товарищ два ноля четвертый, я – «Клен». Я останусь без прикрытия.

– Я направляю к тебе «горбатых», они уже в воздухе.

– «Горбатые» – это не прикрытие.

– Я тебе приказываю! – Голос комдива срывался, стал жестким и злым.

– Но если «духи»… Есть информация…

– «Клен», не выполнишь приказ, под трибунал отдам. Ты хорошо меня понял? Наращивай темп. К шестнадцати часам вы должны быть у контрольного ориентира.

Привыкший беспрекословно выполнять указания старших руководителей, как того и требовал Устав, капитан Королев точно так же выполнил приказ командира дивизии, но при этом так и не решился связаться с Карцевым и выяснить, что происходит. В свою очередь командир полка и сам пропал из эфира, как будто батальон, проводящий боевую операцию, его вовсе не интересовал. Королев выполнил приказ, несмотря на то что обстановка требовала совершенно обратного. Идти плотной колонной на дальности практической стрельбы от угрожающих скал, расщелин, каменистых гребней – в этом был твердый характер командира, но это было и безумие. После трех часов марша, пройдя Малиму, батальон сделал короткий привал. До Пизгарана оставалась меньше половины пути. Комбат уточнил задачи, отдал последние указания. Все просто, все расписано, как по нотам. Вперед!

Но в ту же секунду, как только дозор попытался начать движение, небо треснуло, и зеленая долина облилась красной кровью. Свистящие медно-стальные «осы» с азартом и ненавистью врезались в нарезы, разгонялись в стволах вражеских пулеметов и винтовок, заряжались убойной силой и неслись навстречу своим целям. Те, кому из них не повезло, бились в камни и с режущим, рваным воем бесславным рикошетом уходили в сторону противоположного хребта, но другие делали свое обыденное дело – пробивали каски и бронежилеты, ломали ребра и черепные кости, останавливали сердца и судьбы…

Комбат-один Королев погиб не сразу, но так и не смог спросить: где же «вертушки»?! Где же «вертушки», которые клятвенно обещал командир дивизии? Не смог он и ответить на простой, казалось бы, вопрос, что страшнее: угроза военного трибунала или гибель многих и многих преданных ему людей, его солдат, его офицеров. Вместе с ним на этом растерзанном пятаке земли, несколько раз простреленный, уткнулся в нее замполит батальона Грядунов. Бесшумно и беспомощно опрокинулся на спину батальонный связист, его правая рука продолжала сжимать тангенту многократно пробитой и ставшей бесполезной радиостанции.

– Мама!.. – И стеклянные глаза с робкой последней слезой уставились в афганское небо – все пропало в криках боли, в стонах, в завываниях затравленных, обреченных людей, в грохоте безумной стрельбы. Они умирали и тихо, и по-звериному жутко, с ревом; и быстро, когда пуля разбивала голову или сердце, и мучительно медленно, если осколок рвал тело, но не задевал артерию или позвоночник. После первого залпа стрельба стала спокойной и размеренной, стрелки никуда не спешили, спокойно выбирали цели и методично расстреливали их, превращая в мертвые скрюченные тела.

Несколько пулеметных расчетов и снайперов, хорошо скрытых в расщелинах, располагались на обоих скалистых скатах. Внизу, прямо под ними, раскинулась долина, ставшая для них отличным полигоном с подготовленными целями. Расчет на эту долину, застланную зеленым травянистым ковром, оказался правильным, и главное, что информация о продвижении шурави поступила заранее, было достаточно времени подготовить позиции. Шурави втянулись на этот большой пятак, обложенный на всем протяжении людьми одного из спецподразделений Масуда. Вместе с моджахедами здесь воевали арабские наемники и инструкторы из Пакистана, свою работу они выполняли аккуратно и педантично и стоили нескольких сотен афганских бойцов, как по качеству исполненной работы, так и по тем деньгам, которые им приходилось платить. Сегодня наемники оправдали затраты более чем на все сто процентов.

Третья рота, попавшая под кинжальный, перекрестный огонь, беспорядочно рассыпалась по роковой поляне. Люди в ужасе метались по такому красивому, такому жестокому газону и не находили укрытий. Отдельные небольшие камни, торчавшие среди травы, чуть прикрывали головы, а все остальное тело оставляли жалким, голым, беззащитным.

– К реке! Все к реке! – Ротный Кирсанов рвал глотку, стараясь перекричать непрерывный грохот, но на него никто не обращал внимания: вступивший в силу закон самосохранения отключил разум и сознание людей и диктовал каждому человеческому существу свой самостоятельный путь жизни. – Все к реке! За мной!

Берег Хазары имел небольшой обрыв, за его кромкой и дальше – среди валунов – можно было укрыться. Но он и сам не добрался до обрыва – пулеметная очередь переломила его пополам, и он рухнул, не добежав двух шагов до своего спасения. Его взводные Кутырев, Шинкаренко уже были на пути в свою нирвану. Следом за ротным и рядом с ним легли те, кто бросился повторять его единственно верный маневр, третьей роте сегодня страшно не везло. Последний оставшийся в живых взводный Александров пытался управлять боем, но это бессмысленно, когда никто и никого не слышит. Он стрелял по «духам» из всего, что попадалось под руку, перебегал, переползал, снова стрелял, орал бойцам, чтобы уходили из-под огня, но в какой-то момент понял, что рядом с ним живых солдат не осталось.

Несколько солдат и офицеров укрылись за тушей убитого осла, она разлагалась и сильно смердела, но сейчас это не имело значения. Имело значение, что в нее уже воткнулись сотни пуль, и все эти смертельные жала увязли в ее внутренностях. Те, кто скрывался за тушей, пытались отстреливаться, из этого ничего не получалось, в ответ же по ним били десятка полтора автоматов и снайперских винтовок…

Вертолеты, обещанные командиром дивизии, появились только через два часа, когда батальон потерял и командиров, и управление, когда от него почти ничего не осталось. При прохождении этого участка южнее Малимы, где малый ручей впадает в Хазару, где и располагалось это простреливаемое пространство, они должны были с самого начала дежурить в воздухе, а их так долго ждали. Целых два смертельных часа. Когда первая пара боевых вертолетов обрушилась ракетами на ближний гребень хребта, появилась надежда, но корректировать их неразборчивую стрельбу было некому: авианаводчик был уже убит. «Духи», укрывшись на своих позициях, молчали, но, когда пришла другая пара, они встретили ее плотным огнем. Вертолеты расстреливали хребты, камни, трещины, они честно отрабатывали свою роль, но, когда они ушли, все продолжилось снова.

Минометчики только попробовали развернуть свои «самовары» к стрельбе – их сразу же накрыл шквал огня, проредив расчеты и сделав бесполезными эти тяжелые трубы и плиты. Раненный в бедро наводчик, упавший рядом с урезом воды, настойчиво полз по камням и заводям к стремнине, ходить он уже не мог, и поток воды оставался его единственным спасением. Наконец его потащило. Он бился головой и простреленной ногой о камни, хлебал ледяную воду, кучными фонтанами от десятков пуль она вспенивалась вокруг, но его все-таки несло течение. Минометчики со страхом и завистью смотрели на тернистый путь своего товарища, провожали его тягучим взглядом. Вот он поднырнул и почти пропал под водой – по нему перестали стрелять – вот снова выскочил глотнуть воздуха, и тут же несколько пуль с недолетом впились в бурлящую воду.

– Бросай к черту железо!

– Нас всех перебьют!

– В воду! Прыгай в воду!..

Положение второй роты было немногим лучше, пока был жив командир роты Курдюк, пока он пытался управлять боем. Близкая река давала укрытия в камнях, к которым они смогли прорваться, вжаться в щели, отстреливаться. Потом ротного не стало, как не стало и всех, кто шел впереди, а оставшиеся в живых солдаты, почти все поголовно раненые, полной мерой в течение долгих часов испили чашу страха, чашу ожидания своей гибели. Люди в черной униформе, лицами больше походившие на европейцев, чем на афганцев, почувствовали, что сопротивления не стало, и спустились в долину, чтобы снять на видео результат своей работы, взять военный трофей и добить тех, кто еще цеплялся за жизнь.

Бой, то затухая, то обостряясь, длился до самого вечера. Батальон был обречен. Он медленно погибал, до последнего не оставляя самой ничтожной надежды на спасение. Оставшиеся в живых ждали помощи, но поддержать их и спасти никто не пришел. Где-то в горах, в соседнем квадрате, реализовывал ложные разведданные второй батальон, шла по снежному гребню пятая рота, отыскавшая наконец своего командира. Ждала указаний разведывательная рота. Ждали команды на открытие огня два артиллерийских дивизиона. В полной готовности к выходу ждала команду бронегруппа первого батальона. Чего-то ждал и командир полка, несколько часов не пытавшийся помочь гибнущему батальону. Никто из командования не подумал несколькими бортами перебросить резервы на господствующие высоты в районе Малимы и Пизгарана. Вокруг, везде, всюду – только враги, и этих врагов оказалось много, достаточно, для того чтобы к заходу солнца все закончилось.

Помощь пришла слишком поздно, когда изменить что-то было уже нельзя. Разведчиков, а с ними и бронегруппу, двинувшихся в ущелье, встретили плотным огнем еще на подходе к месту боя, две машины подорвались на минах, и они увязли в своем бою, так и не сумев ничего изменить, – гребни ближних хребтов находились у «духов». Судя по всему, противник хорошо подготовился к засаде и выжал эту ситуацию до конца. В сумерках, когда наконец стих безжалостный кровавый пир, разведрота приблизилась к расстрелянной долине. Повсюду в неестественных и жутких позах лежали истыканные пулями и осколками тела людей. У многих мертвых глаза были открыты – они умерли быстро, и в этих глазах, в стекле невидящих зрачков, замер последний самый главный вопрос, самое искреннее удивление, словно на пороге парадоксального открытия. Как же вы до сих пор не поняли? Это же так просто, это же сама истина… Жить – это больно…

Еще не свернулась остановившаяся кровь, дух убиенных продолжал витать над полем брани, и где-то здесь продолжал пульсировать эпицентр вселенского Зла, эта гигантская воронка, засасывающая в бездну слабые, беспомощные человеческие жизни.

– Петров, неси ребят, тебе снова закрывать глаза…

Никто не минует чистилища

– Рота!

Тридцать шесть солдат и сержантов, выстроенные вдоль дувала, приняли положение «смирно» и замерли с приподнятыми подбородками. Солдат должен выполнять команду, не сомневаясь и не задавая вопросов, в этом и есть главный смысл строевой подготовки. В момент истины, когда поступит команда «Вперед!», он должен будет выполнить ее решительно и без колебаний. Ремизов сделал паузу, с удовлетворением обвел взглядом свое потрепанное войско – как все изменилось за три месяца, но теперь хотя бы есть с кем идти в бой. Да и сам он, в одночасье оставшийся единственным офицером в роте, изменился неузнаваемо. И внешне – теперь ему никто бы не дал его двадцати двух лет, но главное, внутренне, потому что для него не стало невыполнимых задач.

– Имущество к осмотру!

Завтра на рассвете рейд в Пьявушт, Парандех, Арзу… Это все ущелья, расположенные севернее Панджшера и разными путями примыкающие к перевалу Саланг. Одним словом, далеко, и ротный на строевом смотре должен убедиться, что его люди готовы к очередной войне, проверить каждую мелочь, включая солдатскую портянку. Надо быть готовым к самой изнурительной работе. Согласно наставлениям замполитов, требуется еще и в душу залезть, ну тут уж как получится, не каждый к себе в душу пустит. Каждый боец свою душу чистой считает и не хочет, чтобы ее испачкали глубоким изучением морально-боевых качеств и вывернули наизнанку, обнажив тонкости натуры и слабости характера. Так-то вот, ротный. Врубаешься? Еще бы, Ремизов врубался, особенно с тех пор, как попал в это заграничное дерьмо, а особенно когда сделали фарш из первого батальона. О погибших переживали тяжело и молча, ощутив, как количество войны переходит в новое качество, в безвозвратные потери – все в соответствии с диалектическим материализмом. То, что было мучительной обыденностью – весь этот армейский альпинизм, – оказалось только тренировкой перед настоящим испытанием духа, и все вдруг ощутили, почувствовали беззащитность своей тонкой шкуры. Когда почувствовали, начали деятельно проверять другую шкуру – искусственную, металлическую, и оказалось, что с расстояния в пятьдесят метров пуля из автомата пробивает стандартный бронежилет насквозь. Иллюзий не осталось ни у кого. Так зачем лезть в душу? Тот, кто не готов воевать за совесть, будет воевать за страх.

Полку дали передышку, чтобы люди отошли от стресса, многие офицеры рванули в отпуска, куда бы подальше отсюда, хоть на северный полюс, а Ремизов не захотел сам, он выстроил очень простую логику: *война только началась, рано еще, вот когда устану, тогда…* О том, что с его ротой и с ним самим случится такое же, как с соседями, он даже не думал: «Не случится, не позволю…» И в этом тоже был нормальный, все еще не изжитый юношеский максимализм.

* * *

Первого мая батальон получил команду остановиться и готовить позиции на ночь очень рано, около четырех часов пополудни. На фоне вчерашних событий в штабе армии решили свернуть активность во избежание новых потерь. Небо стало низким и мутным, по ущельям Малого Панджшера тянул влажный низовой ветер. Повзводно и по отделениям вся рота готовила укрытия, их почему-то называли СПС – сборное пулеметное сооружение, – хотя ничего общего их площадки, выложенные с наветренной стороны камнями, ни с какими сооружениями не имели. Это местное и, без сомнения, многовековое изобретение укрывало путника,

заночевавшего в горах, от пронизывающего ветра, а в конце XX века оно еще прятало от наблюдателей и от вражеских пуль. К сумеркам эти площадки, эти огневые позиции и одновременно холодные солдатские постели были готовы. Впервые за две недели рейда батальон мог спокойно отдохнуть.

Ремизов посмотрел на часы, для вечера еще рановато, но вокруг уже потемнело. Небо стремительно опускалось, и вместе с ним надвигался промозглый холод, хотя высота, на которой они сейчас находились, 3912 метров, для русских равнин сама по себе была небом. От размышлений на эту тему у взводного кружилась голова. *Надо же, куда черти занесли, я нахожусь практически на гребне кучевого облака.* Но это облако неотвратимо становилось тучей, уплотнялось, из него брызнул мелкий холодный дождик, потом он стал дождем и залил небольшой костер, единственную, спасительную искру жизни. А через полчаса превратился в мелкий, сырой снег.

– Нет нам покоя, не любит нас природа-мать, мать твою так. – Марков быстрым шагом мерил небольшой промежуток между скал, активно размахивал руками, пытаясь согреться.

– Каламбуришь – значит, будем жить.

– Будем… Но еще несколько минут – и мой бушлат промокнет насквозь.

– Мой такой же, – пробурчал Хоффман, в данный момент чем-то похожий на пингвина. По его обвислым прокуренным усам крупными каплями стекала талая вода, это выглядело и комично, и печально, от одного его внешнего вида становилось холоднее.

– И что теперь делать? – Ремизову в этот момент было и не до каламбура, и не до хоффмановских усов, его откровенным образом пугала перспектива замерзнуть, холод через ноги, через пальцы рук проникал вглубь, в нутро и, казалось, кристаллизовал само сознание. – У меня зуб на зуб не попадает, еще чуть и я дам дуба.

– Давайте толкаться, что ли.

И как когда-то в детстве на школьной перемене, но только с очень серьезными лицами трое взводных уперлись друг в друга плечами, головами и начали пыхтеть и тереться.

– Мы, наверное, выглядим, как клоуны в цирке.

– Похоже, что так. А тебя, Арчи, это беспокоит? Солдат стесняешься? Брось, мерзни себе с достоинством, ни на кого не обращай внимания. Кстати, вон и они нашему примеру последовали, – ритмично постукивая зубами, процедил Хоффман.

– Господи, как же Карбышев все это терпел?

– Он не терпел. Он замерзал.

– Представляете, а дома сегодня первое мая, праздник… – Марков, по-прежнему верный своей ностальгии, не унывал и, чем мог, грел душу. Он мечтал.

– А у нас здесь какое число, как ты думаешь?

– Конец ноября середины четырнадцатого века, – вжав голову в плечи, он оглядел низкие тяжелые тучи.

Кто-то из солдат пытался снова развести костер. Безуспешно. Валежник, прошлогодняя трава, корешки кустарника – все от дождя и сырого снега стало мокрым. Через какое-то время снег перестал таять. Вся рота, все, кто не был на дежурстве, зарылись в СПС с надеждой спастись от сырости и от холода, не дожидаясь, когда их засыпет снег. Люди лежали на боку, прижавшись друг к другу плотнее, чем кильки в консервных банках, они цеплялись за каждую калорию тепла, вжимались в мокрые бушлаты, терли ледяные пальцы. Помимо всего прочего на этой высоте им не хватало и кислорода. Тяжелая дрема обволакивала их уставшие головы, мутила разум, склеивала клеточки мозга и ресницы. Полубдение медленно сменялось полусном.

– Костя, – бормотал Ремизов, – а если «духи»…

– Если «духи»… Если «духи», то нам хана. Только что им здесь делать, на такой высоте, среди грозовых туч? Ты боишься? Не бойся. Первый батальон за нас заплатил, все нормативы по трупам выбрал.

– Костя, а как же так вышло с ними?

– Я не знаю. – Хоффман что-то неразборчиво шептал себе под нос, а потом более четко, но так же безразлично добавил: – Рано или поздно нас всех закопают. Что заслужим, то и получим.

– В это невозможно поверить.

– Ребята тоже не верили.

– Почему мы им не помогли, у нас ведь мог быть шанс?

– Тебе так кажется.

– Нет, мы с Марковым смотрели по карте.

– Все равно далеко. Кто бы до них добрался? Ты да я, да Мишка… Еще пара солдат поздоровее. А чтобы помочь, нужна сила. Большая сила, батальон. Наверное, наши командиры растерялись, у них в голове переклинило от страха. Они никогда не думали о войне, как о мясорубке. Они никого не смогли туда послать на помощь. Не хватило воли.

– Но ведь мы даже не попытались.

– Нашей вины здесь нет… – шелестом прозвучали последние слова, и Хоффман окончательно провалился в свой полусон.

Ремизов еще что-то бормотал и через минуту тоже отключился, уткнувшись носом и подбородком в спину товарища. Не прошло и часа, как их плащ-палатка, которой укрывались семь человек, подернулась тонким слоем льда, еще через час и ее, и другие, и не прикрытые ничем СПС, и людей в СПС замело снегом. Если бы мимо шли «духи», они так бы и прошли мимо, ничего не заметив под порывами и завыванием метели в эту черную ночь.

Утром, как ни в чем не бывало ярко светило солнце, искрился небывалой чистоты снежный покров. Откуда-то из сугробов, из-под камней вылезали люди, от их мокрых бушлатов, как они называли свои куртки, клубами валил пар.

– Командиры взводов! Проверить личный состав! Никого не потерять, смотреть в оба. – Мамонтов отдавал дежурные указания, принимал доклады о готовности. – Порядок движения без изменений, такой же, как вчера. Дозор, вперед! Первый взвод, интервал – пятьдесят метров, вперед!..

Они двинулись. Точно так же, как и все предыдущие дни.

– Ну что там по карте сегодня?

– А то не знаешь, – Хоффман с утра был нелюбезен, – как всегда горы, сэр.

– Вот удивил.

– Удивишь тебя, конечно. Вас, оптимистов, ничем не проймешь, все в светлое будущее верите. Ну и как тебе ночлег в этом «холодильнике»?

– Терпимо. У меня во взводе никто даже не чихнул. Мы становимся специалистами по жизни в горах. – Ремизов с гордостью оглядел окрестности, ослепительно-белые пики вершин, изрезанные линии хребтов на фоне неправдоподобно синего неба.

– Сегодня точно ими станем, впереди пятитысячники… Никогда бы раньше не подумал, где придется бродить.

– А почему нет? В этом есть особенная прелесть. Как и когда ты оказался бы на такой высоте? Люди мечтают об этом всю жизнь, а мы запросто осуществляем чужие мечты. Точно, крыша мира! Что там Высоцкий пел? «Опасный, как военная тропа…»

– Это про альпинистов, не про нас…

– А про нас споют?

– С чего бы это? Разве мы здесь Родину защищаем? – для Хоффмана это был решенный вопрос, и сомнений не вызывал. – Ну все, мой взвод пошел.

– Опять с Мамонтом?

– Доверяет. А ты думал, – и он хитро улыбнулся.

Днем батальон вошел в вечные снеговые шапки Гиндукуша. Усачев, ставя подошвы ботинок на ребро, рантами резал толстый пласт спрессованного, отвердевшего снега, больше похожего на лед. Этот пласт, с точки зрения наук, изучающих землю и климат, назывался ледником. Миллиардами зеркальных граней снежинок, кристаллов льда он отражал лучи яркого солнечного света и долго консервировался в холодном высокогорном воздухе.

– Начальник штаба, докладывай, где мы есть.

– У черта на куличках, а если точнее… Так, мы прошли вот здесь по гребню. – Савельев вел простым карандашом по извилистым горизонталям, пересекавшим сетку координат, – в этой точке мы разделились с четвертой ротой. Аликберов выдвигается вот сюда, к отметке 4702. Пятая рота и мы следом за ней прошли уровень 4800 и сейчас выдвигаемся по южному склону хребта, сейчас наша точка здесь. – Карандаш остановился.

– Ну и что ты об этом думаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.